

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет»
Российская академия архитектуры и строительных наук
Представительство Россотрудничества в Сирии

Международная научная конференция

«Архитектура зданий и сооружений в исторической среде городов»

Сборник докладов

Нижний Новгород
2024

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет»
Российская академия архитектуры и строительных наук
Представительство Россотрудничества в Сирии

Международная научная конференция
«Архитектура зданий и сооружений в исторической среде городов»
Сборник докладов

Нижний Новгород
ННГАСУ
2024

ББК 85.11
А 87
УДК 72

Материалы публикуются в авторской редакции

Архитектура зданий и сооружений в исторической среде городов: Международная научная конференция: сборник докладов / ответственный редактор А.Л. Гельфонд / Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. – Нижний Новгород: ННГАСУ, 2024 – 176 с. 1 электрон. опт. диск (CD-RW) ISBN 978-5-528-00546-1. – Текст: электронный.

В сборник вошли доклады сирийских и российских преподавателей, ученых, исследователей, магистрантов, аспирантов, специализирующихся в сферах архитектуры, архитектурного проектирования, организации общественных пространств, инженерно-технологического обеспечения архитектурных решений, реконструкции и реставрации объектов наследия.

Научная конференция «Архитектура зданий и сооружений в исторической среде городов», организованная Нижегородским государственным архитектурно-строительным университетом (ННГАСУ), Российской академией архитектуры и строительных наук (РААСН) и Представительством Россотрудничества в Сирии, проводившаяся на базе ННГАСУ 22-23 ноября 2023 года, посвящена проблемам архитектурных и художественных взаимодействий разных эпох, внедрению современной архитектуры в сложившуюся историческую среду города, изучению и сохранению памятников культурного наследия.

ББК 85.11

Оглавление

А.Л. Гельфонд АРХИТЕКТУРА ЗДАНИЙ И СООРУЖЕНИЙ В ИСТОРИЧЕСКОЙ СРЕДЕ ГОРОДОВ КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	5
Rania I. Kataf DAMASCENE HOUSES: ARCHITECTURE OF COEXISTENCE.....	8
О.В. Орельская МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОЙ СРЕДЫ.....	17
Ameen Muhammad Saab THE CHARACTER OF THE DAMASCENE ARCHITECT «THE COURTYARD AS AN EXAMPLE».....	20
В.С. Дущев ОСНОВА АРХИТЕКТУРНОГО ТВОРЧЕСТВА.....	29
Г.Ф. Горшкова ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ СМЫСЛ АРХИТЕКТУРЫ.....	32
Sondos Omar Hmeedy A STUDY OF AL QALAMOUN MUD HOUSING ARCHITECTURE IN SYRIA.....	36
Аль Дарф Бушра, Е.В. Кайдалова ВОЗРОЖДЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ЭЛЕМЕНТОВ СИРИЙСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ В СПОРТИВНЫХ СООРУЖЕНИЯХ ПОСЛЕВОЕННОГО ГОРОДА АЛЕППО.....	42
М.В. Дущев КОММУНИКАЦИЯ В СРЕДЕ: ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ АРХИТЕКТОРА И МНОГООБРАЗИЕ СОВРЕМЕННОЙ АРХИТЕКТУРЫ.....	46
Т.В. Каракова, А.Д. Булавинец ЦИФРОВОЕ ИСКУССТВО В АРХИТЕКТУРНОЙ СРЕДЕ ГОРОДА.....	50
С.В. Борисов, К.С. Матвеева ВОССТАНОВЛЕНИЕ ГРАДООБРАЗУЮЩЕЙ РОЛИ ИСТОРИЧЕСКОГО ЦЕНТРА Г. КАЛЯЗИН, ТВЕРСКАЯ ОБЛ.: ХРАМОВАЯ АРХИТЕКТУРА И СТИХИЯ ВОДЫ.....	53
А.А. Худин КОНЦЕПЦИИ КОНТЕКСТУАЛИЗМА В ТЕОРИИ ЗАРУБЕЖНОЙ АРХИТЕКТУРЫ.....	57
Саллум М ДАМАССКИЕ ДОМА ЯВЛЯЮТСЯ ЧАСТЬЮ СИРИЙСКОГО УСТОЙЧИВОГО НАСЛЕДИЯ НА ПРОТЯЖЕНИИ ВЕКОВ.....	60
А.В. Лисицына АРХИТЕКТУРНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ МАЛЫХ ГОРОДОВ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ (БЫВШИХ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫХ СЕЛ).....	65
А.А. Худин ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ ВЗАИМОСВЯЗАННОЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ.....	69
А.С. Шумилкин НИЖЕГОРОДСКАЯ АРХИТЕКТУРНО-РЕСТАВРАЦИОННАЯ ПРАКТИКА В ХХІ В.....	73
А.А. Качемцева, Д.Д. Хмелевская, Т.В. Шумилкина СОХРАНИТЬ ДЛЯ ВЕЧНОСТИ: ГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ВОССОЗДАНИЯ УТРАЧЕННЫХ ОБЪЕКТОВ ПАЛЬМИРЫ.....	77
Т.Б. Ефимова, Ю.В. Токарева РЕКОНСТРУКЦИЯ НАБЕРЕЖНОЙ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ Г. ПЕНЗА.....	82
Т.Б. Борисов, Е.М. ЗНАМЕНСКАЯ АХИТЕКТУРА ЕПАРХИАЛЬНОГО ЦЕНТРА В ПРЕОБРАЗОВАНИИ РЕЧНОГО ФАСАДА ГОРОДА КИМРЫ, ТВЕРСКАЯ ОБЛ.....	85
К.А. Даниленко МЕТОДЫ И ПРИЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ОБЛИКА ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОЙ СРЕДЫ ГОРОДА.....	89
С.В. Норенков, Е.С. Крашенинникова СИНАРХИОТЕКТНИКА АНСАМБЛЕВОСТИ В СИНТЕЗЕ АРХИТЕКТОНИЧЕСКИХ ИСКУССТВ.....	92
Р.С. Сазанова АРХИТЕКТУРА КОНФЛИКТА В ТВОРЧЕСТВЕ ДАНИЭЛЯ ЛИБЕСКИНДА.....	96
О.Н. Чеберева, Al Ghadhban D. THE ARCHITECTURAL HERITAGE OF SUWAYDA CITY: THOUGH THE RAIN TO THE HISTORY OF BLACK STONES.....	99
А.В. Разумов РЕОРГАНИЗАЦИЯ ФУТБОЛЬНОГО СТАДИОНА СУДАН СПОРТ-СИТИ В МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ СПОРТИВНЫЙ КОМПЛЕКС.....	103
Marwa Mohamad Al Turkmane DOCUMENTATION, RESTAURATION AND RENABILITATION OF THE AL-KHANQAH AL-NAHRIA (OMAR SHAN KHANQAH) - DAMASCUS.....	108
Е.С. Крашенинникова, С.В.Норенков СИНАРХИОТЕКТНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СИНТЕЗА В АРХИТЕКТОНИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ: АРХИТЕКТУРА, ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО, ДИЗАЙН.....	114
Е.Ю. Агеева, Н.В. Свирина ОСОБЕННОСТИ ХРАМОВОЙ РОСПИСИ И АРХИТЕКТУРЫ ИНТЕРЬЕРОВ В КУЛЬТОВЫХ СООРУЖЕНИЯХ XVII ВЕКА.....	118
В.А. Кооп ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНАЯ СРЕДА ГОРОДА ВЛАДИМИРА КАК ОБЪЕКТ ЗРИТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ.....	122
Д.А. Пирогов РЕАНИМИРУЮЩАЯ АРХИТЕКТУРА БЫСТРОВЗВОДИМЫХ ОБЪЕКТОВ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В «ДЕПРЕССИВНЫХ» ГОРОДСКИХ РАЙОНАХ.....	125
Г.В. Меламед ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОЙ СРЕДЫ ГОРОДЦА НАЧАЛО XVII – НАЧАЛО XX ВВ.....	128
А.Г. Мельников ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОЙ СРЕДЫ ВАСИЛЬСУРСКА В XVIII –ХХІ ВВ.....	131
А.А. Ленькова ЦЕНТРИЧЕСКИЕ ХРАМЫ ПЕРИОДА КЛАССИЦИЗМА НА ТЕРРИТОРИИ НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ.....	134
Д.Н. Пестов АРХИТЕКТУРА ЗДАНИЙ В СТИЛЕ МЕТАБОЛИЗМ В ИСТОРИЧЕСКОЙ СРЕДЕ КРУПНЕЙШИХ ЯПОНСКИХ ГОРОДОВ.....	138

Hadieh Akbik ARCHITECTURE D'EAU À SALNIYEN.....	142
Е.В. Кузнецова АРХИТЕКТУРА КАЗЕННЫХ ВИННЫХ СКЛАДОВ РУБЕЖА XIX–XX ВВ. (НА ПРИМЕРЕ ПРЕДПРИЯТИЙ I РАЗРЯДА).....	151
И.С. Красавина ЗДАНИЕ РЕЧНОГО ВОКЗАЛА В Г. ГОРЬКОМ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОЙ СРЕДЕ ГОРОДА.....	155
О.А. Отделкина «ЗЕЛЕНАЯ» АРХИТЕКТУРА В ИСТОРИЧЕСКОЙ СРЕДЕ НИЖНЕГО НОВГОРОДА: НА ПРИМЕРЕ КВАРТАЛА «КРАСНЫЙ ПРОСВЕЩЕНЕЦ».....	159
М.Ю. Болгов «ЗЕЛЕНАЯ АРХИТЕКТУРА» В ИСТОРИЧЕСКИХ ЦЕНТРАХ ЗАРУБЕЖНЫХ ГОРОДОВ.....	163
С.Н. Володина ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ И ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОЕ МЕСТО: ИНСТРУМЕНТЫ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОЙ СРЕДЫ.....	166
Аббу Ахмед НОВАТОРСТВО В АРХИТЕКТУРЕ УНИВЕРСИТЕТСКИХ МЕДИЦИНСКИХ ЦЕНТРОВ В МАРОККО (НА ПРИМЕРЕ УНИВЕРСИТЕТА АЛЬ-КАРАУИН В ФЕСЕ).....	169

А.Л. Гельфонд

Доктор архитектуры, профессор, академик РААСН
Заведующий кафедрой архитектурного проектирования, главный архитектор
Архитектурной мастерской ННГАСУ
ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет»,
Нижегород, Россия, gelfond@bk.ru

АРХИТЕКТУРА ЗДАНИЙ И СООРУЖЕНИЙ В ИСТОРИЧЕСКОЙ СРЕДЕ ГОРОДОВ КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Заявленная тема конференции объединяет в себе научные специальности, по которым ведутся исследования в рамках отрасли науки Архитектура:

2.1.11. «Теория и история архитектуры, реставрация и реконструкция историко-архитектурного наследия»;

2.1.12. «Архитектура зданий и сооружений. Творческие концепции архитектурной деятельности»;

2.1.13. Градостроительство, планировка сельских населенных пунктов.

Направления исследований по этим специальностям часто носят смежный характер, пересекаются, а иногда даже совпадают. Кроме этого, в каждом из них присутствуют междисциплинарные темы. Цель настоящей статьи – не провести границу, что, по нашему мнению, невозможно и бесперспективно, а обозначить общее поле архитектурной науки, рассмотрев архитектуру зданий и сооружений в исторической среде городов как «сквозной» предмет исследования, который в той или иной степени присутствует во всех архитектурных специальностях.

Ведущие российские ученые неоднократно обращали внимание на единую идеологию научных исследований по архитектуре и градостроительству, вне зависимости от разнообразия заявленных тем.

Так, Г.В. Есаулов пишет: «Разработка новых методов анализа архитектурно-градостроительных ситуаций всё яснее предстаёт как детище научно-практического сотворчества, будь то проектирование на участке, не имеющем сохраняемой застройки, в историческом центре, или в ландшафте. Архитектор, ведущий проектную практику, сегодня всё больше внимания уделяет поиску, исследованию в процессе создания объекта, учёту различных влияний» [1].

Л.П. Холодова отмечает: «Архитектурная наука активно ассимилируется с другими науками, такими как: философия, социология, синергетика, фрактальная геометрия, медицина, экология, строительство, строительные материалы, конструкции зданий и сооружений, психология, экология и многие другие. Как строить искусственную среду обитания на земле и вне ее – это предмет исследования новой науки – науки об искусственной среде обитания» [2].

Мысль о междисциплинарности предмета исследования в архитектурной науке продолжает М.В. Дущев: «Актуальное взаимодействие на междисциплинарной границе ведет к формированию и развитию единой художественно-средовой связи «архитектура-дизайн-искусство», которая охватывает, как реальное пространство жизни современного человека, так и мировоззренческие модели профессионального сознания. Подчеркнем, что эта связь именно средовая, опирающаяся на новую расширенную трактовку границ архитектурного объекта и пространства» [3].

Объектом исследования в архитектурно-градостроительных научных работах, как правило, является материально-пространственная среда. Такое определение хорошо соответствует гносеологическому определению объекта исследования: объект – это та окружающая действительность, с которой исследователь имеет дело. В то же время подчас объектом исследования становятся явления, которые «нельзя потрогать», которые не являются частью материально-пространственного мира (например, архитектурная критика, система градостроительного планирования, теория и практика реставрации объектов культурного наследия, конкретной страны в конкретный период, сами теоретические представления об архитектуре) [4].

В границах настоящей статьи из всего богатого слоя архитектурных исследований мы выбираем объект исследования – здания и сооружения и предмет исследования – их архитектуру, а также смысловые границы исследования – историческую среду городов.

Предметом исследования является определенный аспект рассмотрения объекта исследования, одна или несколько сторон, та точка зрения, с которой исследователь познает целостный объект, выделяя при этом наиболее существенные свойства, признаки, отношения, характеризующие объект исследования [4].

На основе анализа диссертаций, защищенных в Диссертационном совете при ННГАСУ за двадцать лет – в период 2003–2023 гг. – классифицируем их максимально подробно в зависимости от предмета исследования [5]. Предметом исследования по заявленной тематике являются:

- особенности и закономерности формирования архитектуры того или иного типа жилых, общественных, промышленных зданий и сооружений, а также многофункциональных комплексов;
- отдельные типологические составляющие зданий и сооружений: градостроительные, объемно-пространственные, функционально-планировочные, конструктивно-технологические; композиционно-художественные подходы к их организации;
- принципы, приемы, методы включения архитектурного объекта в сложившуюся историческую среду городов и поселений;
- принципы, приемы, методы реставрации, реконструкции, архитектурной модернизации, а также сохранения объектов культурного наследия;
- проблемы устойчивого развития, новые технологии, экологический подход в архитектурно-градостроительном проектировании;
- разработка научных основ нормативных и законодательных документов для архитектурного проектирования зданий и сооружений, а также архитектурной среды;
- эволюция архитектуры общественных пространств;
- информационное пространство и виртуальная архитектура.

И если часть из представленных выше тезисов не требует пояснений, то на двух последних считаем необходимым остановиться. Обозначая архитектуру зданий и сооружений как предмет исследования, необходимо отметить, что последние годы характерны переносом интереса как теоретиков, так и практиков архитектуры со зданий и сооружений на общественные пространства как пространства общения и социальной активности, организованные в соответствии с доминирующей функцией. Это объясняется целым рядом факторов. Не останавливаясь на них отдельно, отметим лишь, в рамках данной статьи только типологические факторы: существенно изменились сами архитектурные объекты, наметилось стирание границ между понятием «внешнее» и «внутреннее». Эти процессы еще более заострили объединяющую роль исторически сложившейся среды городов и поселений. Поясним нашу мысль.

Сформировались здания-пространства – крупные многофункциональные комплексы со связями в разных уровнях, несколькими входами, торговые улицы-пассажи и здания-кварталы в исторических центрах городов, граничные пространства, выходящие за рамки

традиционной типологии, в которых доминируют процессы коммуникации. В зданиях-пространствах трудно определить, где кончается улица и начинается здание. В таких объектах преобладают атриумы, универсальные залы, форумы, торговые галереи, т.е. помещения, доминирующей функцией которых служат транзит. При этом сопутствующими являются функции, которые обычно выступают как главные: выставка, торговля, обмен информацией... В то же время идет параллельный процесс: общественные пространства вмещают в себя общественные здания как неотъемлемые части. Инфо-боксы и выставочные павильоны, объекты торговли и питания превратились в структурные элементы общественных пространств и существуют внутри их как определенные точки притяжения, некие аттракторы [6].

Наиболее острый предмет исследования последних лет лежит в плоскости информационного пространства. В научной среде преобладают два подхода к его изучению – технический и гуманитарный. Согласно первому, информационное пространство представлено в организационно-техническом аспекте как система, осуществляющая передачу, обработку и хранение информации с использованием технических средств и других ресурсов. Гуманитарное понятие информационного пространства предполагает полное отсутствие границ и привязки к конкретной местности. В обоих случаях это целостные сети с определенными приемами их соединения.

Слово «архитектура» все чаще стало использоваться в деловом и даже официальном языке вне связи с предметно-материальной реальностью. «Архитектура отношений», «архитектура успеха», «архитектура сети»... Во всех этих случаях слово подразумевает принцип построения, с одной стороны, и организацию взаимосвязей на разных иерархических уровнях, – с другой. Архитектура определяет принципы построения и функционирования той или иной структуры.

Многофункциональность, универсальность, ведущая роль коммуникаций, опережающее развитие новых технологий, подвижность, способность к транзитивным изменениям по определенному алгоритму – тот набор качеств, который прежде всего определяет архитектуру современных зданий и сооружений в сложившейся исторической среде городов и поселений. Именно эти моменты и задают траектории, которые ложатся в основу предмета новейших исследований.

Список литературы:

1. Есаулов Г.В. Архитектурная наука и образование; векторы развития // Academia. Архитектура и строительство, 2016, № 2, С. 5–13.
2. Холодова Л.П. О проблемах архитектурной науки // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований, 2015, № 4-2, С. 298.
3. Дущев М.В. Архитектурно-художественная среда: метаморфозы времени // Архитектура и строительство России, 2021, № 1, С. 22–27.
4. Методология научной деятельности в сфере архитектуры и градостроительства <https://helpiks.org/9-59476.html>
5. Гельфонд А.Л. О работе диссертационных советов по защите докторских и кандидатских диссертаций по специальностям 2.1.11 Теория и история архитектуры, реставрация и реконструкция историко-архитектурного наследия, 2.1.12 Архитектура зданий и сооружений. Творческие концепции архитектурной деятельности при ННГАСУ (учебно-методическое пособие) / А.Л. Гельфонд, Н.А. Гоголева, Э.В. Абаимова. – Нижегород. гос. архит.-строит. ун-т. Н. Новгород, 2023. 32 с.
6. Гельфонд А.Л. Архитектура общественных пространств: монография / М.: ИНФРА-М, 2019. – 412 с.

Rania I. Kataf

Researcher in Syrian Cultural Heritage
Museum of Islamic art, Pergamon museum, Berlin, Germany, raniakataf@gmail.com

DAMASCENE HOUSES: ARCHITECTURE OF COEXISTENCE

Abstract

For centuries, Damascus attracted people from across the globe, some traveling its way through the Silk Road for trade, others in pursuit of knowledge; and many seeking the capital in search of safety and a new home. In fact, one of the most popular areas in Damascus, al-Salhiyyah, was established by a Palestinian family known as al-Makdisiyeen, who fled their town during the 12th century consequently after the Crusaders invaded their city. The Lisbonas, a Jewish family originally from modern day Portugal fled the Iberian Peninsula during the late 15th century moving to Constantinople, then to Damascus, due to the expulsion of the Jews after the fall of Al-Andalus. Most local Jewish communities settled in Jobar, rural Damascus, yet the Lisbona's and the Farhi's chose to live closer to the Ottoman capital and within the city walls in what is known today as Al Amin or the Jewish Quarter. During the 1850's, Algerian political figure and Sufist, Amir Abdelkader, accompanied by his whole family, moved to Damascus after years of imprisonment by the French authorities, and settled in Al Amara, several blocks from the Grand Umayyad Mosque. These communities helped shape the history and local identity of the city, creating a melting pot of ethnical backgrounds and religions. Muslim, Christian and Jews lived together in harmony within the ancient city walls and in its extramural areas. Newcomers fit in and successfully integrated into the local environment, learned the local language and traditions, and most importantly, settled in courtyard houses much like the locals.

The ancient city of Damascus is situated within its city walls, yet with consistent increase in population the city faced several expansions. Most newcomers settled in its extra mural areas creating neighbourhood such as Salhiyyah, Sarouja, Midan, and Qanawat; where many rich families moved to build larger 16 or 18-bedroom Damascene courtyard houses. There is a popular saying amongst Damascenes reflecting this particular expansion, الزوايا للباشوات, which translates to 'Al Qanawat was built for Pashas'. The title pasha was granted to individuals of high family status and relation to the Ottoman government; and could afford larger, more luxurious houses with two and sometimes three courtyards. It is important to recognise that these expansions also respected the unified form of architecture present within the old city of Damascus and that most of the houses we see today are quite similar in layout, but not necessarily in size. These existing 'traditional' Damascene courtyard houses date back to the Ottoman era and were built sometime between the seventeenth and nineteenth century.

Damascus has faced several waves of renewal and reuse of its original structures. Some as a result of reforms or new rule, but also for the purpose of reconstructing what may have been lost or damaged

during an earthquake, war and invasion, or accidents such as fires. For this reason, it is quite common to see Mamluk remnants within an Ottoman era structure. Some ancient mosques in Damascus may also include reused columns that date back to the Roman period or early Islamic period. Many elements of local Damascene architecture represent a melting pot of its long-lived history, a cultural overlap and influence of the many civilisations that have set foot on its holy grounds. This is what truly distinguishes the identity of the city, the factor of time is clearly witness within its material culture; “the city is a cumulative reality in space and time.” (Mumford, 1937) In this essay, we will briefly discuss Damascene houses as an architecture of cultural coexistence, focusing on distinctive differences and similarities between the houses inhabited by the Muslim, Christian and Jewish communities of Ottoman era ancient Damascus.

Keywords: Damascene architecture, cultural identity, coexistence, architectural elements.

Historical Background

During the Ottoman period, Damascus “enjoyed a higher status,” and was the “home to memories and sites of a glorious early Islam and to a thriving scholarly life.” (Kafescioglu, 1999, 71) It was considered the second most influential city from which the Ottomans ruled, after Istanbul, and it grew to become “one of the urban centres from which official pilgrimage caravans left for the Hijaz every year.” (Kafescioglu, 1999, 71) Its elevated status, economic and political power played a major role in redefining the urban structure of the city; Damascus flourished with miraculous new buildings from mosques and schools known as madrasas; to khans (1), markets and Damascene courtyard houses.

Syrian artisans of the time were well known for their intricate craftsmanship and luxurious taste, which they showcased in their creation of unique interiors and quality furniture within these Damascene courtyard houses and public buildings. The latter combined the beauty of the Orient as well as Western styles, like Baroque and Rococo (2), which the Ottomans introduced to Damascus during the 19th century. Many high-class Damascene families renewed their houses to follow this contemporary dominant style popular amongst Ottoman officials and high ranked personnel. It was clear that these houses not only reflected beauty and harmony within their structured environment but more the social status and class of those who lived surrounded by its decorated walls.

Throughout history, Damascus has been a city of trade and merchandise; but during the period of Ottoman domination, more merchants developed businesses overseas. Following the industrial revolution that took place in Europe, in the 18th and up until mid-19th century, trade between Europe and Ottoman capitals boomed. The wealth of the merchants during this period was noticed through ownership of real estate and land. Houses were decorated to reflect social and economic status. Handpainted wooden panels and carved marble were some of the features that stood out most in high class owned houses. They were installed into the reception halls, rooms and even outdoor open spaces of these buildings.

Much of the artistic influence and interior designs were introduced to these houses through people who met in the city and exchanged knowledge and material through the trade routes. Local workers were commissioned based on the owner's taste, status and cultural experience. In one of the most important historical Damascene houses in Sarouja belonging to the Pasha Al Yusuf family, the marble covering the entire exterior and staircase of the building's courtyard was customised and shipped from Venice, Italy. It was mentioned that "perhaps the grandest of all Damascene notables at the turn of the 20th century, 'Abd Al Rahman Pasha Al Yusuf lived in the ornate family compound in Saruja which he had enlarged and redecorated." (Schilcher, 1985, 153) French style Baroque and Rococo interiors were added to the traditional Ajami art existing in the house, to create a completely new vision of an ornamental harmonious Damascene style courtyard space, witnessed nowhere but in Damascus.

Ajami art has existed in Damascus for centuries, it grew quite popular during the Mamluk period. The colours used to produce Ajami paint as well as the patterns were a product of nature and the surrounding environment. As Baroque style took over, artisans found ways to intertwine the 'traditional' and the 'contemporary' styles, which explains the many layers of influence one might experience in understanding the authenticity of these Damascene courtyard house.

Damascene Architecture

Most Damascene houses originally belonged to established local families, such as Nizam, Quwatli, Lisbona and Anbar, and many other families who came to settle in Damascus and built their houses inside and/or outside its city walls. The estimated dates of these buildings are based on several aspects. First, the style of these buildings. Damascene courtyard houses are most famous for their large space, and divisions. A 'juwani', the inner courtyard, and a 'barani', the secondary courtyard, renamed by the Ottomans as 'haramlek' and 'salamlek'. These divisions were directly influenced by Islamic culture, particularly the Ottoman culture, as all noble houses built during their era have those features. Gardens were an essential part of these Ottoman era houses, they were created within the courtyard and normally included citrus trees and flowers like jasmine and the popular Damascene rose. For most Damascene, these gardens were meant to romanticise their image of heaven. It is important to point out that life happened inside these homes, which did not only function as a shelter but rather a space to experience nature and its beauty.

The second factor includes the artworks featured inside the reception halls and rooms of Damascene houses. These artworks, the most popular being Ajami paint (3) were made by artisans in their private workshops and later installed inside the houses before the owners could move in. Most of the reception rooms include the date of instalment, some also included the name of the owner, carved or hand painted in classic Arabic calligraphy; another very popular form of art widely seen in Ajami rooms. These details reflected a direct documentation of the dates of when these houses were built, bought, renovated or redesigned. Work and installation may take as long as six months to two years to finish as houses were bought and work would immediately begin. Therefore, these artworks may be used to create a timeline of evidence of when and whom these houses belonged to overtime, regardless of background and religion.

Located near the Umayyad Mosque is Beit Al Quwatli, the house from which the family of the first president since Syria's independence belongs. This Damascene courtyard house was also known as the English Consulate in Damascus during the 1860's. The house has experienced several renewals, by the Muradi family in 1216 Hijra, 1801 AD, as mentioned on a marble plate in the reception hall,

and later by the Quwatli family, who commissioned the creation of hand painted scenes of Bosphorus bridge in Istanbul, on the façade of the interior walls and onto the original Ajami panels. It is important to point out that some of the wooden panels and scenes also include the red flag with a star and crescent belonging to the Ottoman Empire. In Beit Al Baroudi, located in the extra mural area surrounding the city wall, the reception hall is decorated with scenery paintings of the Palace of Concorde in Paris, and another of the Ponte Vecchino, the bridges of Florence, Italy. Interestingly, these scenery paintings fit beautifully into the original space of the Damascene house. They reflected not only Islamic capitals under the Ottoman rule, but also site those cities that were somehow connected to the empire, through trade or political relations.

Today, most of these ancient houses are in urgent need of renovation as many have started to decay as a result of weathering and abandonment. In the early 20th century, the expansion of the city of Damascus had made it possible for many Damascene families to move to modern buildings. This led to the mass abandonment of many courtyard houses within and on the outskirts of the ancient city walls. Most of which were later settled by newcomers from rural areas during the mid 20th century.

Many believe that the absence of the original owners has led to the loss of value and integrity of the Damascene courtyard houses, in addition to the inevitable loss of original surfaces will lead to the loss of integrity. In truth, these artistic elements are what add to the value to these buildings, if gone, Damascene houses will not be able to maintain their originality and identity. Today, well preserved houses which still contain most of the “original architectural features and artworks number only 200 – 300 in number.” (Scharrahs. 2013: 3)

From Artistic to Religious Coexistence

One of the most intriguing examples of such is the house known as Dar al Yasmine in Quemariyeh, in an alley near Maktab Anbar. This house was owned and renowned by several Damascene families, Muslim, Christian and Jewish. It is interesting to define and analyse the changes that have surfaced in Dar Al Yasmine as a result of its ownership. As most Damascene houses are quite similar in distribution and division, certain features stand out quite different. Looking into the reception rooms, certain elements are noticeable; the stone lintel at the entrance of the reception room, the symbol of the cross in the amlaq and the wooden snake relief on the ajami panel. The stone lintel which dates back to 1757/8 states:

ارْتَدَى بِأَهْلِ حَنْزَلِيَّانِ الضَّرَّارِ
وَمَنْ الرَّجُلِ الظَّالِمِ نَجَّيْ
١١٧٧ هجري

Rescue me O Lord, from the distressor,
Save me when confronted with men of violence.

1170 Hijra

The phrase reflects a very similar quote to that of the Book of Psalms:

(نَجِّنِي يَا رَبِّ مِنْ إِتْرَافِ مُرَرِّبٍ، وَمِنْ رَجُلٍ ظَالِمٍ الْاُنْدِي (بنو الزامير ٧-١١٧

Rescue me O Lord, from evil men.

Protect me from the men of violence.

Inside the reception hall lies a very striking figure, a relief of a wooden snake is seen on one of the Ajami panels located right above the door. The Ajami panels include both floral and geometric patterns, but also the muqarnas, known as beehive or stalactite vaulting, is displayed throughout the room. These architectural elements are significant to Islamic architecture and are very present in most Damascene houses decorated during the Mamluk and Ottoman era.

It is quite common to find a piece of snakeskin or a metal crafted snake figure hanging at the entrances of Jewish houses in Damascus, but this installation is on a different level of sophistication. If anything, it portrays the willingness of the Jewish family to remain in the house. As mentioned before, these reception rooms take months and sometimes years to finish and were quite expensive to make.

In the next room, a cross is present in the center of one of its walls. The room is richly decorated in geometric patterns and rows of black, white and rose marble and stones. Most of these stones were collected from neighbouring areas, for example, the black volcanic rock was brought from the south of Syria, near the city of Sweida. This style of interiors is known as ablaq and amlaq, and has existed in Damascus since the Mamluk period.

Conclusion

For centuries, Damascus has proven itself as a city of cultural coexistence. From the Umayyad Mosque to its seven gates and houses, every aspect of the city portrays a unified sphere of everlasting cultures and beliefs. Walking through this open-air museum, one can sense the presence of history in every step and angle. People of all background and religions lived in Damascus and associated with its local identity. All roads look quite similar, narrow and very interconnected, the houses inseparable, unified on the outside and quite similar in the inside. Finally, gardens inside its houses reminding its owners that heaven does not only exist in the sky, but inside a Damascene home.

Footnotes

1- An inn built inside a town, usually it would be smaller and was known in Persian as a khan from Middle Persian (xān, "house." In the Middle East the term "khan" covers both (خان) meanings, of roadside inn as well as of inner-town inn.

2- ((/rə'kɒkɒ/ or /rɒkə'kɒ/), less commonly roccoco, or "Late Baroque", is an early to late 18th-century French artistic movement and style, affecting many aspects of the arts including painting, sculpture, architecture, interior design, decoration, literature, music, and theatre. It developed in the early 18th century in Paris, France as a reaction against the grandeur, symmetry, and strict regulations of the previous Baroque architectural style, especially of the Palace of Versailles.

3- Techniques of painted wood paneling in the art and craft of Ajami, has been popularly practiced in the 17th to the late of 18th century especially during the Ottoman period. Ajami is used to describe the technique of painted wooden wall panel as well as the decorated interior as a whole.

Bibliography

Kafesçioğlu, Çigdem. 1999. "In the Image of Rum": Ottoman Architectural Patronage in Sixteenth Century Aleppo and Damascus". In *Muqarnas: An Annual on the Visual Culture of the Islamic World*, XVI, 70-96.

Karl Wulzinger & Carl Watzinger. "Damaskus, die Islamische Stadt." Walter de Gruyter. 1924 Keenan, Brigid. 2000. "Damascus Hidden Treasures of the Old City". London: Thames and Hudson

Mumford, Lewis. 1937. "What is a city?" *Architectural Record*. Pg 58-62.

Scharrahs, Anke. 2013. *Damascene Ajami Rooms*. London: Archetype Publications Ltd

Schilcher, Linda. 1985. "Families in Politics: Damascene Factions and Estates of the 18th and 19th Centuries", Wiesbaden, Franz Steiner

Images

Figure 1: Baroque Rococo style in Beit Pasha al Yousef, Sarouja, Old Damascus. Photo by Rania I. Kataf

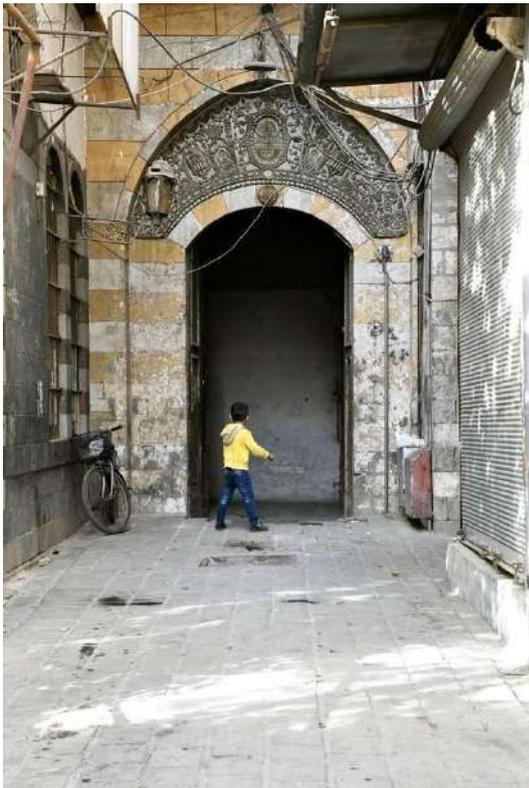

Figure 2: Marble entrance of Beit Pasha Al Yousef, Sarouja, Old Damascus. Photo by Rania I. Kataf

Figure 3: Wall painting of the Bosphorus strait of Istanbul in the reception hall at Beit Saeed Al Quwatli, Al Kallaseh, Old Damascus. Photo by Rania I. Kataf

Figure 4: The carved marble decoration with the name Al Muradi and Saeed Al Quwatli who later bought and redecorated the reception hall. Date inscription 1216 Hijri/ 1801 AD. Photo by Rania I. Kataf

Figure 5: Cross motif on the ablaq and amlaq style wall in Dar Al Yasmine, Quemarriyeh, Old Damascus. Photo by Rania I. Kataf

Figure 6: Arabic inscription on the lintel of the reception hall at Dar Al Yasmine, Quemarriyeh, Old Damascus. Photo by Rania I. Kataf

Figure 7: Snake relief in the Ajami and muqarnas interior of Dar Al Yasmine, Quemarriyeh, Old Damascus. Photo by Rania I. Kataf

О.В. Орельская

Доктор архитектуры, профессор, член-корреспондент РААСН
ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный
университет», Нижний Новгород, Россия, olgalero2015@yandex.ru

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ИСТОРИКО- АРХИТЕКТУРНОЙ СРЕДЫ

Исторические центры городов представляют собой уникальную неоднородную историческую среду, которая характеризуется сложностью и многообразием. При проектировании в исторической среде городов новых зданий и сооружений наиболее значимыми являются задачи ее сохранения и преемственного развития. "Перед исследователями встает задача всестороннего изучения и выявления художественного своеобразия среды исторических центров городов, в которых ведется новое строительство и осуществляются реконструктивные мероприятия. Методика анализа исторического наследия в Нижнем Новгороде апробируется в настоящее время на примере комплексного изучения территории исторического центра Нижнего Новгорода, которая характеризуется наличием значительной концентрацией объектов историко-культурного наследия " [1] разных веков. При этом важным представляется для архитектора решение широкого круга проблем, связанных, прежде всего, с предпроектными изысканиями. Таким образом, историко-архитектурная среда конкретной территории становится объектом исследования. На кафедре архитектурного проектирования ННГАСУ этому уделяется особое внимание, т.к. ведется подготовка студентов - будущих архитекторов к проектной работе в условиях реконструкции городов с ценным историко-архитектурным наследием и их центров, прививая им бережное отношение к нему. Методика на первом этапе получает апробацию в курсовом и дипломном, а затем и в реальном проектировании.

Перед архитектором стоит ряд ответственных задач, связанных с поиском " более совершенных приемов и методов, позволяющих сочетать обновление наших городов с сохранением их сложившейся структуры и застройки, представляющей большую ценность" [2, с.3]: 1. Оценить исходную градостроительную ситуацию (ознакомиться с литературными, архивными и натурными обследованиями, выполнить фотофиксацию) и составить историческую записку. Натурное обследование застройки должно выявить дисгармоничные объекты, особенности силуэта изучаемого участка. В процессе натурного обследования определяются бассейны видимости архитектурных ансамблей и доминант. 2. Провести ретроспективный анализ территории с целью выявления изменений планировочной структуры города и ее особенностей на разных исторических этапах, связей с природным окружением, что позволяет определить устойчивость/изменчивость функционально-планировочной структуры. Это важно для изучения истории и для планирования преемственного развития данного места. 3. Провести комплексный анализ застройки, определить ее ценность, составить историко-архитектурный опорный план и на его основе выполнить проект охранных зон памятников архитектуры и истории. Основными целями и задачами историко-архитектурного опорного плана и проекта охранных зон являются: сохранение

индивидуального облика исторического места; выявление и охрана имеющихся в историческом населенном месте историко-культурных ценностей; установление режимов нового строительства и реконструкции, которые обеспечивают сохранение исторической застройки, ландшафта, индивидуального облика и способствуют гармоничному функциональному развитию территории. Проектировщик должен обратить внимание на композиционный анализ существующей застройки, когда выявляются характерные морфотипы, преобладающая этажность. Застройка классифицируется и по стилевому признаку. Также определяются зоны регулирования, которые различаются по строгости режима: А - зона музеефикации (в непосредственной близости от памятника); Б - зона реставрации и реконструкции (на территории, прилегающей к памятнику с ценной средой); В - зона модернизации (территории, удаленные от памятников, не имеющие ценной историко-архитектурной планировки и застройки), при этом необходимо учитывать местные регламенты. 4. Составить схему существующего функционального зонирования исторической территории, отведенной под проектирование. 5. Составить схему транспорта и пешеходных связей. 6. Выполнить схему ландшафтного анализа. Материалы предпроектных исследований, кладутся в основу концептуального проектного предложения. На основе авторской концепции архитектор приступает к разработке проекта реконструкции заданной исторической территории, выполняет композиционное построение трехмерной модели реконструируемого участка с учетом всех факторов, влияющих на его формирование. "Творческий процесс должен базироваться на твердой методической основе" [2, с. 6]. При работе над проектом автор решает проблемы сохранения памятников архитектуры, сочетания старого и нового в архитектуре, вопросы тактичного включения новых зданий в реконструируемую систему сложившейся застройки. В результате идет процесс обновления архитектурного облика места, создаются более благоприятные условия жизни, быта и отдыха жителей, художественно переосмысливаются все компоненты застройки. Средством решения этой сложной задачи служит средовой подход, как основной метод современного архитектурно-градостроительного проектирования. "Историческая среда составляет тот культурный потенциал, который создавался и накапливался на протяжении многих лет" [2, с.7]. Поэтому выявление ее социальных, художественных и градостроительных возможностей имеет большое значение для поиска верного проектного решения. В процессе проектирования даются предложения по усовершенствованию функциональных зон, повышению эффективности использования территории, организации системы общественного обслуживания и зон отдыха, обеспечению удобства движения транспорта и пешеходов, по улучшению архитектурно-художественного облика конкретного места, по улучшению экологической ситуации, сохранению исторического ландшафта, благоустройству территории, гармоничной взаимосвязи с окружающей архитектурно-природной средой. Таким образом, работа над проектированием новых зданий в исторической среде состоит из двух взаимосвязанных этапов проектирования: 1. Предпроектные исследования. 2. Концептуальное и проектное графическое предложение по реконструкции места. Архитектору предстоит решить проблему преемственности в развитии исторической территории, обладающей культурным наследием разного уровня, и это не механическое соединение произведений разных эпох, а гармоничное единство на основе

взаимодействия памятников, имеющих историческую и художественную ценность, с современными и проектируемыми объектами. Современный подход требует глубокого изучения и "установления региональных принципов архитектуры исторических мест и местных особенностей" [3, с.6].

Проект реконструкции разрабатывается для территории с ценным наследием, которое обычно охватывает весь исторический центр. В состав проекта реконструкции конкретного участка обычно входят: историко-архитектурный опорный план; схема существующего использования зданий; раздел с определением экономической эффективности сноса или сохранения зданий; раздел, обосновывающий функциональное использование памятников истории; архитектурно-планировочное решение застройки в пределах красных линий с предложением по габаритам новых зданий, проработкой вопросов озеленения, благоустройства, решению совершенствования системы транспорта; технико-экономическое обоснование. Концепция реконструкции должна отражать стратегию преобразования городской среды, включая сохранение историко-культурного наследия, изменение функционально-планировочной и композиционной структуры района, обновление застройки, зонирование территории по плотности, определение очередности осуществления реконструктивных мероприятий.

Важной характеристикой, отражающей сложившуюся и моделируемую ситуацию, является: баланс территории, отведенной под реконструкцию, т.е. соотношение величин площадей, занятых различными функциональными зонами; соотношения застроенной и свободной территорий; общая площадь территории конкретного места. При реконструкции территории необходимо определить какие типы жилых и какие типы общественных зданий необходимы в каждом конкретном случае и какой должна быть их вместимость. Все необходимые расчеты выполняются на основе СНиП и СП. Композиционное построение модели реконструируемого участка проводится с учетом факторов, влияющих на его формирование. Одна из основных задач формирования ансамблей в историческом центре - поиск индивидуального для каждого города решения при сохранении своеобразия архитектуры, единства композиции с планировочной структурой, с масштабом города, продолжение развития градостроительных традиции города.

Список литературы:

1. Орельская, О.В. К вопросу о методологии исследования культурного наследия // Известия высших учебных заведений. Строительство. Новосибирск, Новосибирский гос. архит.-стр. университет, 2005, № 9.- С.95-97.
2. Регамэ, С.К. Сочетание новой и сложившейся застройки при реконструкции городов / С. К. Регамэ, Д. В. Брунс, Г. Б. Омеляненко. – М.: Стройиздат, 1988. - С.3.
3. Пруцын, О.И. Архитектурно-историческая среда / О. И. Пруцын, Б. Рымашевский, В. Борусевич / под ред. О. И. Пруцына. – М.: Стройиздат, 1990. – С.6.

Ameen Muhammad Saab

Lecturer at Damascus University, Faculty of Architecture – Al-Baroudi Heritage House
Architecture Committee of the Engineers Syndicate
Damascus University
Engineers Syndicate, Damascus Countryside Branch
Owner of the Fourth Dimension Engineering Office, Damascus, Syria,
ameens7@gmail.com

THE CHARACTER OF THE DAMASCENE ARCHITECT «THE COURTYARD AS AN EXAMPLE»

introduction:

There were many models of Damascene houses, and they were distinguished by their good planning and decorative architecture that distinguishes many of their inner courtyards. Their designs, areas, and level of cladding differed according to the social and economic status of Damascene families.

The architecture of the Damascene house from the inside and its many subdivisions executed with perfection remain astonishing and are influenced by a special philosophy that harmonizes the functions of architecture and climate on the one hand, with a set of special concepts about family, women and social life in accordance with local customs and traditions on the other hand.

The Damascene House witnessed the development of residential homes in Damascus according to

historical stages:

The first stage: traditional Damascene houses: Until the end of the eighteenth century

1. Elements and components: The house consists mainly of three sections (Haramlik, Salamlik, and Servants) and its most important elements are on the ground floor: at least one heavenly space containing a courtyard, an iwan on the southern side, the main hall, and the square. On the second floor: rooms, vestibule, bright room, and roundabout.

Building materials: In most cases, the building materials are made of stone on the ground floor in addition to the arch of the iwan, while the second floor and the plane are made of mud and wood.

3. Decorations: They were dense, floral or geometric, and present in all elements of the house, but concentrated in the hall.

4. Other information: In most cases, the opening is towards the heavenly expanse, and windows overlooking alleys and lanes are rare.

5. The doors of the rooms open into the space, so the heavenly space is the center of movement in the house.

Among these houses that were influenced by this style: Al-Azm Palace - Al-Akkad House - Al-Quwatli House.

The second phase: a transitional phase that saw changes while maintaining the foundation until Before the middle of the eighteenth century

- 1. Elements and components:** Some elements that were not present were added, such as: the seat (in the house of Al-Saqqa Amini). In some cases, we may find an iwan on the upper floor (in the house of Al-Saqqa Amini), as we find, as in the house of Farhi Al-Dahdah, a portico on the southern side, ahead of the iwan. .
- 2. Building materials:** Building materials generally did not change in this period.
- 3. Decorations:** Decorations began to become much richer, the idea of stone carving appeared more widely, and the white spaces in the walls disappeared and were replaced by decorations of several types. These decorations began to spread widely starting in 1820.
- 4. Other information:** These decorations turned into the new regular form for halls and squares starting in 1830 (the use of inlaid marble and marble decorations).
- 5.** These changes continued to appear more and the fresco drawings were later added to the decorations of traditional houses after they moved from Istanbul and were delayed until they reached Damascus. Architecturally, the design of the houses continued as it was with minor differences that did not constitute a radical change to the elements of the house in general until the end of the century. nineteenth.

Among these houses that were influenced by this style: the House of **The third stage: a transitional stage that witnessed changes while maintaining the basis until the end of the nineteenth century**

- 6. Elements and components:** Other elements appeared and disappeared, and the architectural design of the residential homes changed completely and the sofa appeared instead of the sky space, as the sofa became the basic component of the residential homes. Also important elements are the plane and the presence of gabled tiled roofs in most roofs instead of flat roofs. Which was widespread in the previous period.
- 7. Building materials:** Building materials have adapted despite the change in the method of construction, but the same building materials were mostly used: stone for the lower floors and wood and mud for the upper floors. Al-Mujallad in Damascus - and the House of Maktab Anbar.
- 8. Decorations:** Interest in the external facades became clear and most of the time it relied on symmetry in one facade, and the external window openings were used as decorative elements after the facades were almost completely solid.

9. Other information: Window openings are now directed towards the street.

{ Among these houses that were influenced by this style: Ghazi House and many houses that spread in the nineteenth century.

The role of building materials in the architecture of the courtyard in the Damascene House:

1. The visual and sensory characteristics of the building.
2. Aesthetic characteristics of the building.
3. Finding the desired form and meaning.

Characteristics of perception in the design of the courtyard of the Damascene House:

1. **Appearance:** lightness - color - material
2. **Texture:** rough - smooth
3. **Feelings:** dry - wet - hot - cold.
4. **Smell:** natural.
5. **The sense of time:** movement - close rhythm - depth.
6. **Hearing:** echo - noise - cracking.

The advantages achieved by the design of the courtyard in the Damascene house:

The inner courtyard came in response to climate challenges. The courtyard worked as a thermostat for the large temperature difference between night and day, as it is an important climatic phenomenon on which the courtyard depends to perform its function.

The designer introduced a microclimate into the house, and this entry required special agricultural engineering treatment.

Therefore, the designer controlled this courtyard with intelligence and skill, and interacted with the core of his life. The design of the interior of the house was integrated with the courtyard and they interacted to give an organic unity in which the human being melted in intimacy and harmony, as it reflects this. The courtyard is an architectural treatment with several features and an explicit response to the climatic conditions in our city. These features include:

1- Creating a moderate local climate: The inner courtyard worked to create a local climate that achieves a decrease in temperature, as a result of the shadows resulting from the intersection of its sides and the result of the evaporation of water from the seas in it, as it reflects the sun's rays on the surface of the water and reduce the rate of heat absorption. Greenery helps cool the atmosphere and plays an important role in reducing solar radiation by 86%, knowing that the protrusion of part of the roof above the southern facade improves thermal performance in summer.

2- Ensuring ventilation: The difference in air pressure between the inside and outside ensures good ventilation, and the temperature level of the inner courtyard garden is not affected by air currents and external weather fluctuations, so the courtyard was credited with reducing the formation of dirt and dust inside it as a result of excess humidity.

3- Ensuring a good relationship with nature: The inner courtyard garden in the Damascene house provides a good relationship with nature, including the trees, plants, and water found in a lake inside this garden. Using trees in the courtyard prevents solar radiation and separates the cold air below it from the hot air above it.

There had to be a fountain that would provide humidification of the air and increase the refreshing and pleasurable sensory effect. It is preferable to be mobile to increase mist wetting and prevent static water from acting as a reflective surface

4- Al-Bahra: It is an important element of architecture, which is characterized by the heavenly courtyard in traditional homes.

They are of different shapes, circular, square, or polygonal with regular sides. They are made with different building materials of baked brick and covered with marble, and sometimes with black and white stones, decorated with curved geometric and artistic threads. On their edges are panels of marble or lobed stone in red and white. In the middle there is also a marble fountain.

5- Providing natural lighting: The inner courtyard garden provides natural lighting, and the dazzle of sunlight is determined by opening windows and views of the different rooms on it, to avoid the difficulty of opening it to the hot area, to a sufficient degree for ventilation and lighting.

- Walls that helped maintain internal temperatures away from external temperature fluctuations, through the use of thick walls painted white. The use of white as paint for the exterior facades, especially the top, was a helpful factor in reducing the effect of sunlight and preventing the walls from retaining their heat.

- **Increasing the height of the courtyard walls increases the amount of shade on the floor for all geographical directions.** Also, if the ratio of height to width is more than doubled, the effect on efficiency will be limited. Thus, it was not recommended to increase the height of the courtyard more than twice the width.

- **The ceiling height of the iwan and halls is equivalent to the height of two floors,** which allows for increased ventilation and humidity.

- **The rectangular courtyard is better than the square courtyard in terms of the amount of shade,** and the performance of the courtyards converges when the ratio reaches 3:1, which is the ratio of width to length.

- **The courtyard receives the least amount of solar radiation in the summer and the largest amount of solar radiation in the winter.**

- Thus, the courtyard achieved the concept of sustainability through building engineering studied from the environmental, climatic, and economic aspects. The presence of the inner courtyard not only acts as a climate softener, but also provides the highest levels of privacy for the family inside the residence.

6 - The floor of the courtyard in the Damascene House: The floors in the courtyard of the Damascene House received special attention, as the architect was creative in implementing stone or marble, according to the importance of the places.

So that the floor is in the form of a stone mat with large geometric mosaic formations of black basalt, porphyry, red angular or white limestone distributed alternately horizontally and in different and random sizes.

The alternation of colors in stone and marble has a role in achieving thermal balance in the home. The black, white and porphyry floor has a positive effect in reflecting and absorbing the rays. White reflects them and black absorbs them, and porphyry is an intermediary factor between absorbing and reflecting the sun's rays.

The quality of the cladding materials is related to the antiquity and modernity of the house. The porphyry and clay stone used indicate the antiquity of the house.

While basalt, marble, or colored tiles indicate that the house was built in the late stages.

Marble was also used in overlapping geometric or floral shapes in multiple colors, forming a special artistic painting.

The interior facades of the courtyard of the Damascene house are designed:

- It is done in a style that is consistent with the function, so the design from the inside out, i.e. the facades of the courtyard, is first determined by designing the components of the site on the basis of which the site of the house is determined, and then the shape of the external facades is built on this determination. Therefore, the process of designing facades requires continuous relationships between these facades, the horizontal layout, and the materials, which are expressed through integrated work that must also be consistent with the surrounding atmosphere.

- The principle of symmetry prevailed in the facade, and the windows expanded and increased, and they became somewhat Baroque in style, whether in their external wooden frame or the rhythm of their distribution in the facade, and attention was paid to the external door and its location in the axis of symmetry of the facade, above which we find small windows known as lunar windows with an elliptical shape

and in the appearance of small balconies. And wide windows.

Formation elements in the facades of the courtyard of the Damascene house:

- 1) **Wall formation and colors**
- 2) **Openings:** their shape, dimensions, and layout
- 3) **Arches:** They resulted from a construction situation where the lintel was insufficient, including the decorative one, and it was used in the lunar facades - the mandolon - the lintel.
- 4) **Decorations:** Floral - geometric decoration such as cornice and frieze - calligraphy - sculptures.
- 5) **Gaps:** niches - muqarnas

The most important features of facade design:

- The dominance of the human scale over the visual and functional configuration through the proportionality of human sizes to all architectural elements, including walls, doors, windows, and drawers.
- The use of multiple decorative elements used in shaping and decorating facades and using satellites.
- We also notice in the facades the variation in colors through the diversity of building materials and period.

Damascus 11/22/2023

Ar. Ameen Saab

.....

Sources :

Arabic references:

- ♣ The book The Damascene House during the Ottoman Era, Part 1 - 2, by Zakaria Muhammad Kabrit. Approval of the Ministry of Information No. /49285/ dated 9/20/2000 Deposit Document No. 3 of 2003. Directorate of Copyright Protection - Ministry of Culture. First and second edition.
- ♣ The book on the urban history of Damascus between 923-1373 AH / 1516-1918 AD, by the writer Lutfi Fouad Lutfi. Publications of the Syrian General Book Authority / Ministry of Culture - Damascus 2011 AD.
- ♣ The book Damascus Neighborhoods Outside the Wall - a contemporary atlas of historical neighborhoods, shapes, spaces, and horizons. Written by Yves Rogon - Luc Vaillant. The book is the result of research under license No. 287 and 2359, published by the French Institute of the Near East in Damascus, in cooperation with the Higher School of Architecture in Versailles and with the participation of the Syrian-European Municipal Administration Modernization Programme.

- **The book The Damascene House: A Treasure of Architecture, author: Hassan Zaki Al-Sawaf - Publisher: DarAl-Maktabi.**
- **The Book of Ancient Damascene Houses, author: Dr. Muslim Saqqa Amini and his team - Publisher: NinevehStudies, Publishing and Distribution, 2018.**
- **Damascus is the city of magic and poetry. Author: Muhammad Kurd Ali. Publisher: Hindawi Foundation. This edition was published in 2013.**
 - **A lecture at the University of Damascus by the researcher, consultant engineer, Faisal Al-Omar, entitled a project on the building system of the old city of Damascus and archaeological slides.) Amending the system issued by Resolution / 1217 / AD. T . For the year 2011 AD.**
 - **A, Raafat. (2010) The Architectural Creativity Trilogy (Constructive Creativity in Architecture).**
 - **Master's thesis (The effect of building materials on the choice of constructional sentences - Damascus University). Salah al-Din Mahmoud Hamad, Damascus, 12/15/2015.**

Foreign references:

- **BOOK: DES PHOTOGRAPHES A DAMAS 1840-1918, BADR EL-HACE.**
 - **BOOK: DAMASCUS - Ottoman Modernity and Urban Transformation (1808-1918), By Stefan Weber**
- 2009.**

Websites:

Damascene architecture is a sustainable aesthetic legacy June 18, 2020/0 Comments/in /by Amina SahraouiDamascus House Dr. Joseph Zeitoun 01/07/2019.

В.С. Дuceв

Канд. философ. наук, доц. кафедры истории архитектуры и основ архитектурного проектирования
ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет»,
Нижегород, Россия

ОСНОВА АРХИТЕКТУРНОГО ТВОРЧЕСТВА

В архитектурном проектировании здания и сооружений, различных комплексов и всей архитектурной среды в градостроительном аспекте с древнейших времен существует проблема, которая в настоящее время не имеет однозначного решения. Складывается впечатление, что архитектуры как творчества в целом не существует, а напротив, существуют разнородные части, безосновательно объединенные в условно архитектурное целое. Действительно эта проблема взаимоотношения одного и многого известна с древнейших времен, но в отношении науки в целом. Например, Сократ спрашивает – что такое наука? – ему отвечают, что наука – это то, еще то и другое прочее. Сократ неудовлетворен таким ответом и требует бедного простого ответа с однозначным определением основы научного целого, поскольку научность разных наук сомнительна ввиду неопределенности их общего основания [2]. Воспользовавшись особенностями ассоциативного мышления, такой же вопрос допустимо направить и в плане определения основы архитектурного творчества, которое охватывает всю архитектурную среду обитания разных людей.

В поиске ответа сталкиваемся с проблемой взаимоотношения одного и множества, а аспекте архитектурных рассуждений эта же проблема представлена во взаимоотношении одного основания и множества разнородных частей структуры архитектурного целого. Предлагается задуматься и обсудить эту проблему. Если все разнородное множество свести к основанию, то получится нечто единое. Смысл единого множества обозначает множество разных оснований, которые условно теоретически объединены, а на практике объединение архитектурного творчества по разным направлениям должно соответствовать принципу организации единой предметно-материальной среды. Из этих рассуждений следует, что объединенное множество разнородных оснований нуждается в подоснове для этих оснований, а далее мысль в поиске одного-единственного основания увлекает «дурная бесконечность», которая влечет ещё и ещё целый ряд предшествующих оснований архитектурного творчества.

Следуя совету Шеллинга, «прежде чем пытаться что-либо познать, необходимо подвергнуть проверке саму нашу способность познания» [10]. А в этом случае «все зависит от определения принципа, который лежит в основе человеческого познания» [10]. Замечания Шеллинга не есть чисто философское высказывание, а это напрямую связано с общенаучной проблемой познания мира, в том числе и архитектурного творчества, если оно считается частью системы наук.

Принцип формирования структурного взгляда на архитектурное творчество, по сути, определяет специфику отношений разных людей к архитектуре. Поэтому следует учитывать не только мнения профессионалов, но и не профессионалов [9], которые являются лишь потребителями продуктов архитектурно-строительного творчества. Поскольку профессиональный архитектор тоже является потребителем своего или произведений творчества своих коллег, то он может сопоставлять и сравнивать проблемы архитектурного проектирования, науки и образования с потребностями людей в плане архитектурной среды.

Среди потребителей произведений архитектурного творчества есть выдающиеся и простые ученые из разных научных областей, разных эпох и народов. Поэтому у высоких

специалистов из разных областей наук и искусств разные взгляды на архитектурное творчество, что следует считать нормой. Ибо все люди представляют собой множество свободных человеческих индивидуальностей, то есть неповторимых уникамов, совокупность которых можно представить лишь условно в эмпирическом перечислении. Эти рассуждения не просто философия, которая, по словам Делёза и Гваттари, занимается изобретением идей [3]. А к этой фразе можно добавить, изобретение идей без намерения осуществить их в нынешних натуральных условиях. Архитектурная философия определяет принцип архитектурного творчества: архитектор должен изобрести объект и представить его проект в полном объеме с целью осуществления замысла в натуральных условиях. Хотя лабораторные опыты и разные инсталляции допустимы для развития способности ума и фантазий.

Практик и теоретик архитектурного постмодернизма Филипп Джонсон в 1988 году писал о всеохватывающей архитектурной идеи, которая, возможно, «так и не возникнет, пока не появится новая всемирная религия или философия, на основе которой может сложиться эстетика» [9].

И так, архитектурная эстетика определяет сведение множества разных архитектурно-строительных деятельностей к одной цели – создание объекта в виде натуральной архитектурной среды обитания разных людей. Плюралистическая эстетика современной архитектурной деятельности «характеризуется освобождением от формальных канонов, свободой формотворчества, множественностью, многообразием, своего рода эстетической вседозволенностью» [9]. Причина эстетического своеволия коренится в неопределенности основания архитектурного творчества. Думается, что основание объекта исследования не есть фундамент этого объекта, и не следует отождествлять два разных объекта, ибо они устроены по-разному. Касательно определения основы архитектурного творчества, как правило, допускается логическая ошибка в подмене качественно-количественной характеристики основания разными признаками фундаментального строения архитектуры. Данная проблема касается архитектурного синтеза на всех уровнях и аспектах: синтез теории и практики; синтез науки, искусства и производства; синтез образования, науки и практики; и многое другое прочее. Нет признака наличия основания архитектурного творчества, значит, оно не существует. Стало быть, устройство архитектурного фундамента безосновательно. В поиске ответа на такое недоразумение следует обратить внимание на рассуждения Андреа Палладио, что представлено в первой из четырех книг об архитектуре. Практик и теоретик А. Палладио с подлинным уважением отнесся к трактату Витрувия и его высказыванию, где заявлено, что архитектура – это польза, красота и прочность сразу вместе. Основываясь на высказывании своего предшественника, Палладио представил свои рассуждения о требованиях, предъявляемых архитектурному творчеству.

Итак, «в каждой постройке должны быть соблюдены три вещи, без которых ни одно здание не может заслужить одобрения: это польза, или удобство, долговечность и красота; ибо невозможно было бы назвать совершенным здание хотя бы и полезное, но недолговечное, равно как и такое, которое служит долго, но неудобно, или же то, что имеет и то и другое, но лишено всякой прелести». Далее, вероятно, заслуживает особого внимания фраза: «красота явится результатом красивой формы» и не столько это главное, но необходимы «и соответствия целого частям, частей между собой и также частей целому» [6]. Соответствие «целого частям» и, наоборот, «частей целому» возможно лишь при соподчиненности части, частей и целого, а принцип соподчинения части и целого отрицает «господство частного над целым» [5], равно как и господство целого над частным. Принцип соподчиненности есть принцип гармонизации взаимоотношений разнородных частей и целого, что допустимо при парадоксальной условии, где, по словам Гёделя, часть не только равна, но и идентична целому [8].

В статье заявлено, что основа архитектурного творчества в целом устроена по-другому в отличие от фундаментального строения архитектуры, где наличествуют три относительно автономные члены структуры взаимоотношений, а именно функция, форма и конструкция. В этом случае пытались определить схему взаимодействия относительно

разнородных структур, например, Земля, Луна и Солнце, или, что аналогично в аспекте архитектурных рассуждений – функция, форма и конструкция. Только в конце девятнадцатого века Брунс и Пуанкаре доказали, что схематизация взаимоотношений такого рода невозможна [7]. Во-вторых, необходимо представить связующее или синтезирующее звено, которое объединяло бы разные виды архитектурно-строительной деятельности как членов структурных взаимоотношений, а именно функцию, форму и конструкцию. Однако сущностные определенности функций, форм и конструкций, которым соответствует разный способ их существования, характеризует строение архитектурного фундамента. Поиск главного из представленных членов данной структуры является ошибочным. Например, исходя из принципа Аристотеля, две вещи не могут быть в одном месте и в одно время [4]. А если подумать наоборот, то одна вещь как форма определенного сущностного содержания не может находиться одновременно в двух местах без искажения своего сущностного содержания, которое определяет её самобытный способ существования. Стало быть, не функция, не форма, не конструкция не могут играть главную роль в гармонизации межсистемных взаимоотношений архитектурного творчества. Поэтому основу архитектурного творчества, синтезирующую в осуществлении замысла все разнородные виды деятельности, если её нет, то следует основу сотворить и представить в виде архитектурной модели соответствующей сути высказывания.

Зодчий не изобретает новые функции, конструкции и формы. Функциональное использование архитектурных объектов напрямую связано с социальными преобразованиями. Прочность и надежность конструктивных решений связано с совершенствованием и изобретением техники, технологий и новых материалов. Красота формы объекта определяется архитектурной композицией, где все разнообразие форм необходимо привести в соподчиненное состояние, а взаимоотношение разнородных частей конкретного целого следует гармонизировать уместно и своевременно в соответствии с заданными условиями.

Список литературы:

1. Витрувий. Десять книг об архитектуре: Пер. с лат. – М.: Изд. ак. арх. СССР 1936.–331 с.
2. Грицанов А.А. Жак Деррида / А.А. Грицанов, Е.Н. Гурко. – Мн.: Книжный Дом, 2008. – 256 с. – (Мыслители XX столетия)
3. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / Пер. с франц. и послесл. С.Н. Зенкина. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 288 с.
4. Лосев А. Ф. Миф – Число – Сущность / Сост. А.А. Тахо-Годи; Общ. ред. А.А. Тахо-Годи и И.И. Маханькова. – М.: Мысль, 1994. – 919 с.
5. Ницше Ф. Антихристианин. Сумерки богов / Сост. и общ. ред. А.А. Яковлева: Перевод А.В. Михайлова. – М.: Политиздат, 1989. – 398 с.
6. Палладио Андреа. Четыре книги по архитектуре // Пер. с итал. И.В. Жолтовского; Под ред. А.Г. Габричевского. – Факс. изд. – М.: Стройиздат, 1989. – 352 с.: ил.
7. Пригожин Илья. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой: Пер. с англ. Изд. 4-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 312 с.
8. Рассел Б. Введение в математическую философию. Избранные работы [Текст] / Бертран Рассел; вступ. статья В.А. Суровцева; пер. с англ. В.В. Целищева, В.А. Суровцева. – Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2007. – 264 с.
9. Хайт В.Л. Об архитектуре, её истории и проблемах. Сборник научных статей / А.П. Кудрявцева. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 456 с.
10. Шеллинг Ф.В.Й. Сочинения в 2 т.: Пер. с нем. Т.2/ Сост., ред. А.В. Гулыга; Прим. М.И. Левиной и А.В. Михайлова. – М.: Мысль, 1989. – 636 с.

Г.Ф. Горшкова

Доктор архитектуры, профессор, доц. кафедры архитектурного проектирования
ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный
университет», Нижний Новгород, Россия, gal-gorshk@yandex.ru

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ СМЫСЛ АРХИТЕКТУРЫ

Еще в прошлом XX веке архитектурная наука начала разрабатывать методологические проблемы теории архитектуры [1]. Были сформулированы вопросы, требующие дальнейшего изучения. Среди них: многозначность термина «архитектурное пространство». Было установлено, что архитектурная система как определенная ступень развития материи связана с «надприродной» системой. Во взаимодействии со временем и с пространством непрерывно рождается новое качество жизненной среды. При этом большое место в архитектурном творчестве будет занимать не только естественная природа пространства и человека, но сам человек как объект и субъект архитектурного пространства.

Утверждается [2, с. 18], что «каждое живое существо, а человек особенно, возникая и развиваясь в пространстве, распространяется вовне от самого себя, от своего внутреннего центра, от своего «я». Пространственное сознание отражается (рис.1) через отношение между геометрической структурой архитектурного пространства и фигурой человека. В каждом из четырех известных рисунков фиксируется качественное изменение в пространственном сознании человечества за последние 2000 лет.

Витрувий (рис.1а) в I в. до н.э. фиксирует эпоху Древнего Рима, когда в крестообразной форме фигуры человека отражалась поверхностная направленность на имперское освоение территорий по четырём сторонам света. Плоскость квадрата изображает невидимую геодезическую сетку параллелей и меридианов на условной поверхности Земли с углом между ними в 90°. Множеством непроявленных линий-связей человек получал знания о пространстве из непознаваемой области пространства через круги практической деятельности (вокруг кистей рук) на основе ручного труда. Через оптическое зрение образная логика (ум) пространства соединяется с уровнем знаний человека.

Л. Да Винчи (рис.1б) в 1490 году создал рисунок, представляющий канон пропорций человеческого тела. В нем Леонардо усовершенствовал концепцию римлянина Витрувия, «сделав возможным одновременное восприятие двух отдельных, наложенных друг на друга прозрачных изображений, таким образом, указав на возможность перехода из одной позиции в другую» [3, с.82]. Им же еще в ранних рисунках «формулировался основополагающий принцип «активного движения», которое объект выполняет «в себе», не изменяя положения в пространстве» [там же, с.80]. Эта система новых отношений пространства и человека на несколько столетий предопределила известную в истории архитектуры эпоху науки и искусства, называемую Ренессансом.

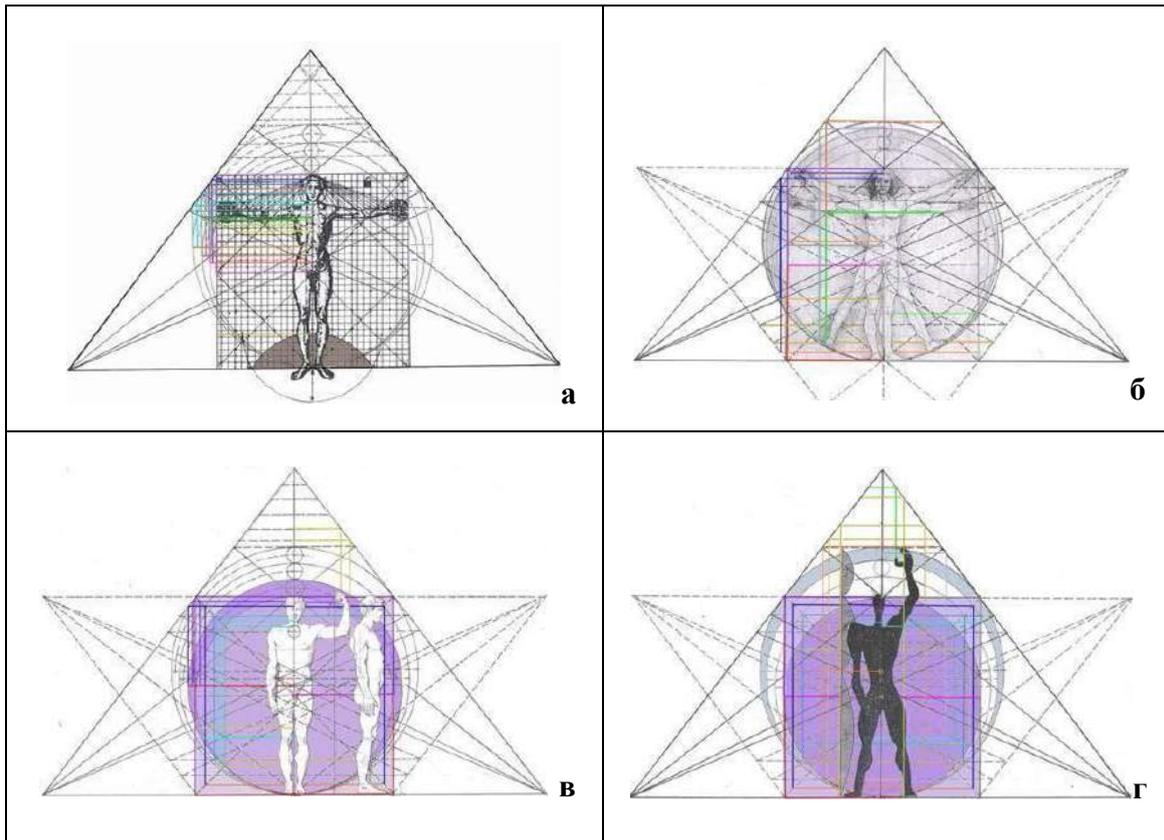

Рис. 1. Фигура человека как отражение актуального пространственного сознания

Академический рисунок (рис.1в), был разработан преподавателями в качестве образца «в профиль и фас» фигуры человека в Санкт-Петербурге (1772 г.) в рамках императорской Академии художеств. Божественная гармония, через сакральную проекцию в духовную сферу Земли, определяет эпоху важности архитектуры как реального объемно-пространственного искусства. Изображение в двух проекциях сразу, а также более точная и выразительная прорисовка тела человека, подготавливает человека к важности зрительного восприятия объемной формы.

Ле Корбюзье (рис.1г) представил фигуру человека, заключённую в квадрат, в виде системы взаимодействия с пространством под названием «модуль» как «средство измерения, основой которого является рост человека и математика» [4, с. 250]. Далее он утверждает, что «человек с поднятой рукой даст нам точки, определяющие занятое пространство...». Рисуя человека, достигшего рукой небесных горизонтов, автор «модуля», по сути, предсказал к концу века революционный прорыв за пределы привычного жизненного пространства, в пока не познаваемую область бытия.

Пространственно-временная эволюция зданий и сооружений (рис.2) закрепляет определенную историческую закономерность в поступательном развитии пространственного сознания человека: сначала через техническое сооружение (пирамида, башня) на земле материализуется физическая форма, осуществляя прорыв в сакральную зону «небес», появляются новые технологии, затем появляются здания (храмы и небоскрёбы). При каждом скачке времени происходит повышение уровня и ёмкости рационального знания о пространстве на земле, но в XX-XXI вв. возникает вопрос о границах бытийного пространства, о пределах физического и комфортного пребывания в «небесах» для человека, а не только в качестве символа технической власти над земным пространством.

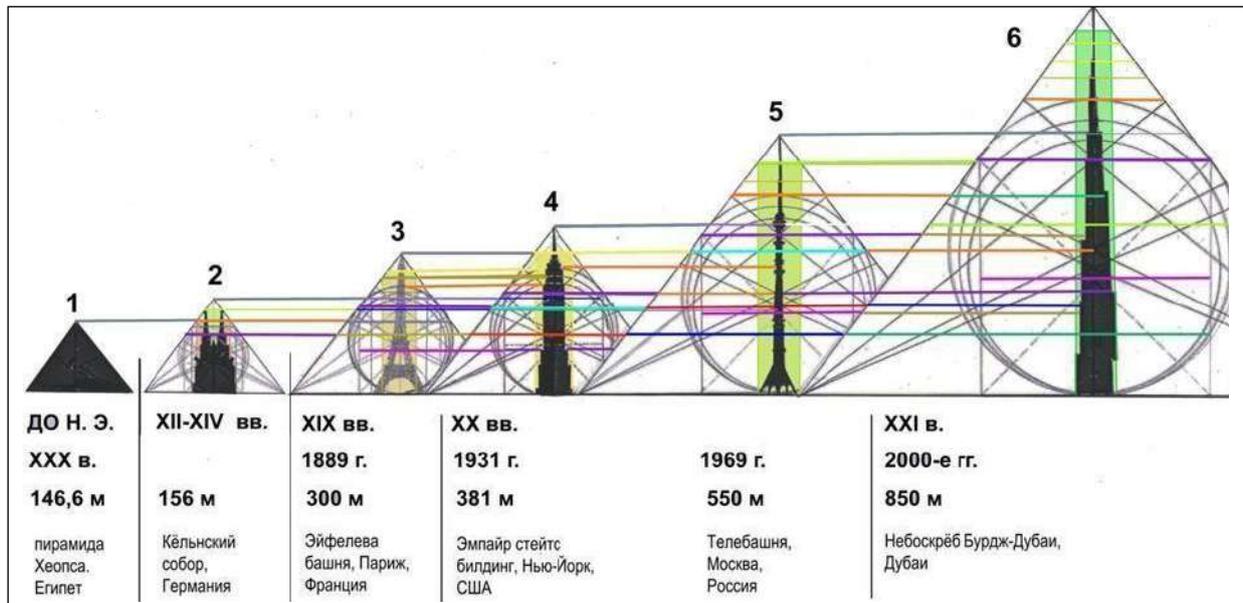
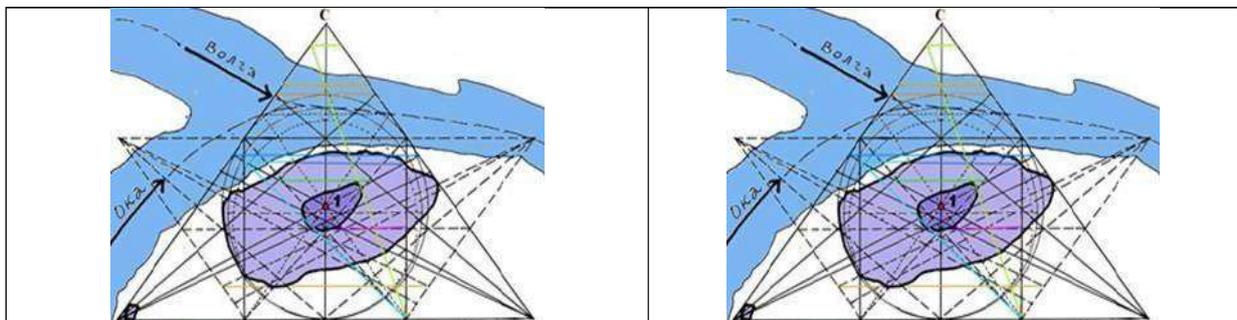

Рис. 2. Высотная эволюция пространственного сознания на планете Земля

На примере Нижнего Новгорода (рис.3) показана система пространственно-временного взаимодействия природной и искусственно созданной человеком жизненной среды. Согласно Л.-Б. Альберти, теоретика эпохи Возрождения, всегда следует искать, «душу» местности, т. е. некие точки ее пространства, в которых время оставляет след своего жизненного «дыхания», индивидуальный неповторяемый «genius loci». Возникновение и «дыхание» города во времени определено при взаимодействии с важным природным явлением – местом слияния двух рек, стрелкой Волги и Оки. В трёх примерах показаны моменты влияния речного русла Волги на территориально- пространственную трансформацию городского организма.

Архангельский собор (рис. 3а), в XVII в. (по С.Л. Агафонову) фиксирует место (1) зарождения города, определяемое сакральной проекцией Неба через русло реки наземную поверхность, организующую территориальную структуру.

В начале XIX в. (рис. 3б), с переездом торговой ярмарки из-под Макарьева Нижний Новгород перешел на противоположный берег Оки (по С.М. Шумилкину), при этом через шатровую форму Архангельского собора (1) происходит сакральное управление территориальной организацией и застройкой города. Место будущего объекта – собора А. Невского (2) еще не определено, но уже существует на мыслительном уровне. Волжский фарватер на образном уровне выражает степень гармонизации городского пространства.

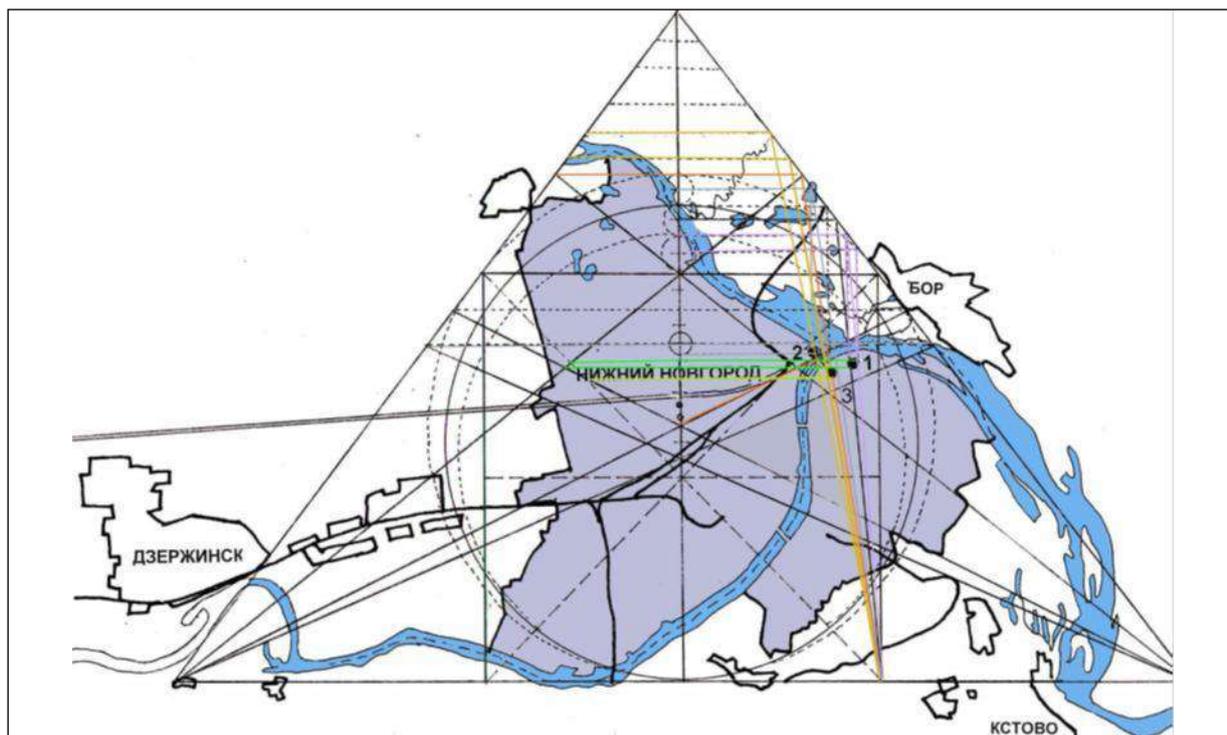

Рис.3. Нижний Новгород как территориально-пространственный организм на Земле

Современный Нижний Новгород (рис. 3в) представлен территориально-пространственной структурой конца XX века. Здесь уже существует третий вертикально доминантный объект – здание архитектурного факультета в комплексе ННГАСУ. Участок вписан между проекционными траекториями, определяющими деятельность этого образовательного учреждения в стремлении к небесной и духовной гармонизации жизненного пространства города. При этом остальные объекты сакральной проекции служат так: собор А. Невского (2) принимает на себя божественную миссию; Архангельский собор (1) вместе с Кремлём «дышит» земным духом; участок комплекса ННГАСУ (3) занимает позицию как идеальную, духовную, сердцевину городского пространства, а речной фарватер Волги определяет пространственное равновесие духовного баланса города в целом.

Список литературы:

1. Методологические проблемы теории архитектуры: сб. КиевНИИТИ. – Киев, КиевЗНИИЭП, 1981. – 120с.
2. Павлов Н.Л. Алтарь. Ступа. Храм. Архаическое мироздание в архитектуре индоевропейцев – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 368 с.: ил.
3. Леонардо да Винчи. Гениальный художник и учёный / Пер. с англ. – Книжный клуб: Харьков, Белгород, 2008. – 143 с., ил.
4. Ле Корбюзье. Архитектура XX века / Ле Корбюзье; пер. с фр. под ред. К. Т. Топуридзе. – М.: Прогресс, 1970. - 303 с.: ил.

Sondos Omar Hmeedy

An engineer appointed for the teaching stage at the Syrian Ministry of Higher Education at Governmental Damascus University and at the Private University of Al Qalamoun (Faculty of Architecture and Civil Engineering), Damascus, Syria, Sondosh89sondosh@gmail.com

A STUDY OF AL QALAMOUN MUD HOUSING ARCHITECTURE IN SYRIA

Abstract

Mud architecture was and still is the most widespread, least expensive, and easiest architecture in the world, thus it has become the largest human urban heritage without rival. It is also considered one of the most important solutions to the problem of housing and sustainable development in our current time, and one of the most important practical aspects of linking urban heritage with contemporary life. Mud architecture has become one of the best approaches to solving the housing dilemma, alleviating the problems of manufacturing building materials, and reducing environmental pollution.

Researcher will present an overview of Al Qalamoun mud architecture in general, then she moves on to examine the urban characteristics of mud residential communities.

The researcher also addresses in the study architectural characteristics of the mud Housings in Al-Qalamoun including their design, sections, classification, distinctive architectural elements are studied through functional spaces, cladding, structural, and decorative elements.

Finally the researcher concludes to a number of results and recommendations to benefit from those characteristics to be used in modern architecture wherever possible.

Key words: The mud Architecture - Al Qalamoun area- Urban and architectural characteristics - construction by cutting mud bricks.

Research Introduction: In embodiment of Hassan Faitehy's saying (the pioneer of mud architecture in the Arab world) in his famous book, *The Architecture of the Poor: (The architect should not assume that this heritage is an obstacle to him, and when all the power of human imagination supported by the weight of a living heritage, the resulting work of art is far greater than any artist can accomplish when he has no tradition to work from or when he willfully discards his own.)* [1]

The Syrian Qalamoun region was dominated by a traditional, rural urban style and the residents of Al Qalamoun used clay in their residential buildings in particular, and they often used clay mixed with other materials, such as straw in the form of a material called (mud brick pieces). [2]

Figure 1 shows the location of Al Qalamoun region in relation to Syria,

- **The Research problem:** Mud housing in the Qalamoun region was exposed to many factors that affected on it like economic, social, urban and architectural characteristics, making it lose its distinctive features and this may generate a lack of complete knowledge how to properly deal with these changes which requires research and analysis. adjacent to Lebanon's eastern border.
- **The goal of the research:** extracting some of features and components, studying characteristics, collecting some information, documenting, trying to preserve mud architecture in Al Qalamoun, because it is an integral part of our historical cultural heritage.
- **1- Introduction about the Syrian Qalamoun region:** It is a mountain range located in western Syria that extends from Al-Darij in the south to Al-Bureij in the north, and It is located in the northwest of Damascus. It includes cities, villages and towns belonging to the Damascus countryside governorate, such as: (Saydnaya, Maaloula, Rankous, Jabadin, Yabroud, Qara, Deir Attia, Al-Qatifah, Al-Raheiba, Giroud, and others), figure (1).
- **2- An introductory overview of clay architecture:** Clay has been one of the basic building materials since the beginning of human history, due to its ubiquitous availability and ease of shaping and using.
- Clay has many important capabilities and advantages, although it has some disadvantages or negatives that must be taken into consideration and worked to reduce. In the past and present the methods of using this material in construction have varied greatly in response to environmental determinants such as climate, soil quality, and available materials, in addition to available expertise.
- Clay and baked bricks are among the most famous and oldest building materials. About 5,000 years ago, the Sumerians built cities. [3]

3- Morphology of the mud settlement: it has two dimensions, one of which is the planning of this community, its composition, shape, and the extension of its residential units, and the other is represented in the design of the mud dwelling, its construction, its internal composition, and its various architectural elements.

The researcher divided historical stages of the mud architecture in Al Qalamoun development into:

- The first stage: It dated back to approximately 1840 AD to the late Ottoman period.
- The second stage: It dated back to the period of the French Mandate from 1920 to 1946 AD.
- The third stage: after the period of independence, figure (2).

3-1 Urban composition of mud residential buildings in ancient Qalamoun:

Among the most important factors that determined the locations and plans of the communities were the Earth's topography, ownership boundaries, water sources, and the ease of defending them. Rarely anyone care about the appearance and beauty of his house, as it was far from the mind of its owners. Most importantly, it performs the functions of society and protects it. Therefore, mud houses were gathered in the cities and villages of Al Qalamoun around the water source, with a small square that included a place of worship and a number of shops, Figure (3), Reference [7].[8]

From the old plans of some Qalamoun cities, we notice: the unity of the neighborhood according to the concept of social sustainability in the traditional residential fabric, and the narrow side alleys with

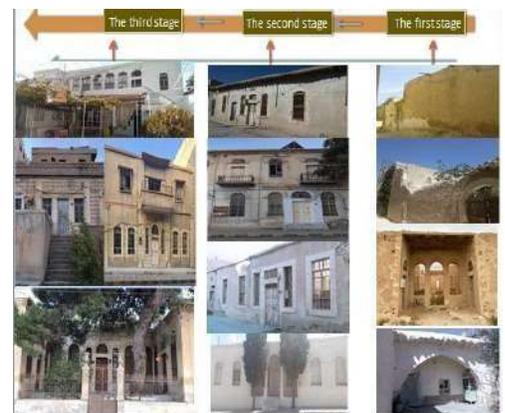

Figure (2) shows different stages of the development of mud architecture in Qalamoun, Photography by a researcher

closed traffic to prevent the entry of strangers and preserve the social privacy of the residents. The neighborhood is as in the image (5).

3-2 Architectural characteristics of mud dwellings in Al Qalamoun :Most of the mud dwellings in Al Qalamoun region are similar in style and homogeneous in style. Pre-diffusion of modern concrete materials buildings, which indicates a single (historical, cultural, economic and social) affiliation for all the towns and villages of Al Qalamoun, image (5).

Image (1) shows a group of photos showing the urban formation of mud architecture in different towns of Qalamoun, such as Maaloula, Al-Rahibah, Al-Qatifa, Al-Nabk, the researcher.

3-2-1- Designing of the Qalamoun mud dwelling: It was based on the custom and aesthetic sense of the builders at that time.. Rather, there were common general features determined by the nature of the materials, their dimensions, the experience of the builders, and other factors.

In general, it is taken from the Arab House, with some modification to suit the nature of the residents' work, the acquisition of animals, and the storage of food for the family and its animals.

Image (2) shows The two-storey mud dwelling, the researcher.

The important architectural decorations in Qalamoun were limited to temples, places of worship, and government buildings, while residential homes were almost devoid of these decorations. This is due to the weakness of the economic aspect of most of the population, which made them unable to spend on decorative appearances.

The rooms were distributed around the courtyard on one, two, or 3 sides, it is very rare to be distributed around the courtyard on four sides, as in the historic houses of old Damascus, figure (7).

Figure (4-3) old plans. Source: Prepared by the researcher based on Reference No.]8[.

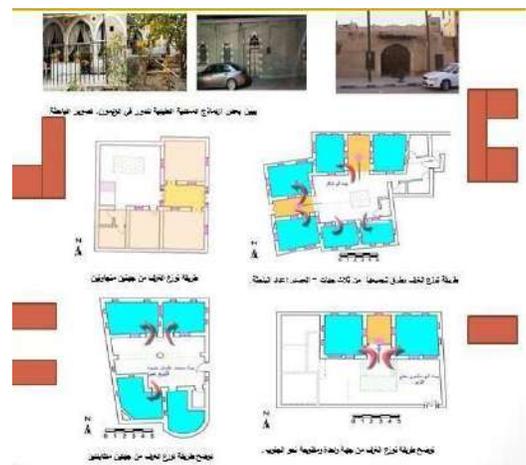

Figure (5) shows some plans and pictures of room distribution models in the Qalamoun mud dwelling, the researcher.

- **3-2-2- Sections of the Al Qalamoun mud dwelling:** The dwelling performed certain functions related to the nature of human social and economic life. [2]
- 3-2-2-1 The first function belongs to the family: it is necessary to build rooms according to the number of married children around "Ard Al-Dar": which is the heavenly space of the dwelling, and usually it is not devoid of (the garden) which is in the middle of this space and contains trees such as olives, "seed" plant beds, and sometimes a water fountain.
- Firewood room: It is located in the animal section and is used to store firewood and tree branches, or to store dried animal dung so that it can be used as fuel during the winter.
- "Bayt al-Tanoor" Oven space: It is a small room that is often built in one of the corners of the house for making bread.
- 3-2-2-2 The second function relates to serving and feeding animals and poultry
- **3-2-3 Classification of the Qalamoun mud dwelling:** it reflects to a large extent the social and economic diversity of the population, and it is based on the knowledge of its owners and their taste, and it is also based on the materials and environmental resources, the stone for the foundations, the clay mixed with straw for the walls, and the wood for the ceilings, and there is no doubt that these materials provide many benefits such as ease Construction and low cost, and thermal insulation.
- **3-2-3 -1 (The old traditional mud dwelling):** They are old buildings made of clay and date back to the period before 1900 AD. It consists of a wide central sky space, closed on one or three sides, and has a hall or hallway. The ceilings were carried on secondary wooden beams resting on a supporting stone arch or a main wooden beam with a height of (3.5-5) m. (6), image (6).
- **3-2-3 -2 (The modernized traditional mud dwelling):** It shows using two types of ancient and modern building materials (clay pieces and limestone) dating back to approximately after 1950 AD. It is characterized by the appearance of some Western influences, such as the (Al Sofa), which is a space or vestibule behind the main door, open on one side to the heavenly expanse, roofed with wooden beams, and on either side of it are two or more rooms, then an open courtyard into which the rooms open their number depends on homeowner's condition, image (7).

Image (3) many photos show The old traditional mud dwelling They are old mud buildings, the researcher.

Image (4) many photos show The modernized traditional mud dwelling, the researcher.

- 4- The distinctive architectural elements of the mud buildings in Al- Qalamoun:

- They were classified into functional spaces such as ("Al liwan", image (6) "Al Riwaq" image (7), "Al-Kawair" to preserve grains (6)), and decorative elements of faience and porcelain such as ("colorful plates are made predominantly blue color, Image (9))

Figure (6) Drawing of facades for various models of "Al-Khawkhah", (This model spread in the fir)

- 5- Results and recommendations:

5-1 The importance of focusing on documentary studies of the historical clay architectural heritage in Al Qalamoun to know its urban architectural and construction characteristics, in order to have deeper understanding of this architecture, especially when subjected to restoration and rehabilitation works and to benefit from it in the future stage.

Image (6) show "Al liwan", the researcher.

Image (7) Show "Al Riwaq": in the mud residence, the researcher

2-2 Mud bricks are considered one of the best and most widely used materials in Al Qalamoun and they do not cause any pollution to the environment during manufacturing, implementation, modification, or in building being whether demolished or even abandoned.

Image (8) explains "Al-Kawair" - Source: Researcher.

5-3 The necessity of returning to the elements of mud architecture in the region, taking advantage of its environmental data and developing it in a manner commensurate with the data of the current era.

5-4 Educating people in general about the many advantages of the natural clay material, its properties, disadvantages, and how to deal with it.

5-5 Clay is one of the best materials used in AL Kalmoon and does not constitute any pollution to the environment during manufacturing, implementation, modification, or in the event of the building being demolished or even abandoned and dilapidated.

5-6 Mud architecture in AL Kalmoon represented a state of true harmony between the requirements of man and his environment in its various dimensions, as it is considered a source of intellectual and scientific enrichment that must be employed and adopted by governmental and private institutions and engineering consulting offices in their architectural practices and products as an intellectual conviction and an integral part of the values and characteristics of this rural region.

6- References:

-]1[Fathi, Hassan (7181) "Architecture of the Poor", American University in Cairo, Cairo, Egypt
-]2[Zechariah. Ahmed Wasfi: The Syrian countryside, Part One. A topographic, historical, archaeological, social, and urban description of the districts, districts, and villages belonging to the Damascus District Governorate - 1955 AD, 440 pages.
-]3[Waziri, Yahya (2003) "Environmentally friendly architectural design - towards green architecture", Madbouly Library, Cairo Egypt
-]4[Dr. Al-Kabsi - Ashraf Ali Activating the uses of clay in construction: towards sustainable urban development, An article published at Dhamar University, Oct 26, 2021.
-]5[Al-Jadeed, Mansour Abdel Aziz (2001) "Mud Architecture in the Arab and Western Countries - Prevailing Construction Methods." And the proposed development axes," Journal of the Medina Research and Studies Center, Saudi Arabia.
-]6[Abdo, Mukhtar (2010) "Developing a modern technology for clay construction," Conference on Technology and Sustainability in Urbanism, King Saud University, Al Riyadh, Saudi Arabia.
-]7[- Diab. Tayseer: Velvet and the Inheritance of the Years - 1993.
-]8[. - Sammour. Mahmoud: The Jairud region in the nineteenth and twentieth centuries - 2002 AD.
-]9[- Sarut. Yasser: Building with mud, articles - December 2003 / Issue 69 - the first Arab environmental magazine.
- [10] - Aqeel. Nour al-Din: Yabrud, history and civilization. Al-Arabi Publishing, Printing and Distribution 1995.
- [11] - Hmeedy. Sondas: An analytical study of housing characteristics in the Qatifah area in the Damascus countryside (the impact of the crisis, reconstruction), a master's thesis published at the University of Damascus 2019.

Image (9) Several pictures showing some types and colors of decorative plates frequently used in interior facades and rarely in exterior facades, photographed by the researcher

ВОЗРОЖДЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ЭЛЕМЕНТОВ СИРИЙСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ В СПОРТИВНЫХ СООРУЖЕНИЯХ ПОСЛЕВОЕННОГО ГОРОДА АЛЕППО

Возрождение национальных традиций в архитектуре считается одним из важнейших направлений при проектировании и строительстве новых спортивных сооружений в Сирии. Это особенно актуально в городах, которые пострадали в результате войны. С разрушением исторических общественных зданий (мечетей, церкви, медресе, базаров, хаммамов) во многом была утрачена архитектурная самобытность исторических центров городов.

Спортивные сооружения играют социально важную роль в современном мире, в том числе и в сирийском обществе послевоенного периода не является исключением. Влияние использования элементов арабской архитектуры при восстановлении этих сооружений проявляется в нескольких положительных аспектах. Во-первых, это способствует созданию атмосферы уникальности, что способствует появлению чувства гордости и национальной принадлежности у местного населения. Во-вторых, арабские элементы играют роль в создании комфортной и привлекательной среды для людей, способствуя улучшению психологического благосостояния и мотивации к физической активности.

Традиционная арабская архитектура богата наследием элементов проектирования, взаимосвязанных с окружающей средой и национальными традициями. К ним мы относим целую группу арабских архитектурных элементов, таких как, полукруглые и стрельчатые арки, полукруглые купола, *шатры*, *Маширабия* и *Малькаф*; а также арабские элементы декора, как, например, цветочные и геометрические орнаменты, *Мукарны* или *Мукарнасы*, мозаичные панно, арабская вязь в виде барельефов и стиль кладки *Аль-Аблак* с рядами черного и белого или желтоватого камня, который может имитироваться в облицовке. В дополнение к этому важное значение имеет *внутренний двор* как традиционный метод реализации концепции устойчивости при использовании возобновляемых источников энергии и защиты от воздействия неблагоприятных воздействий внешней среды. Рассмотрим их подробнее.

«*Маширабия*» – разновидность ставень, частично подвижных, у балконов, оконных проемов и эркеров, обеспечивающих как затененность, так и защиту от посторонних взглядов, сопряженную с традиционной исламской этикой – элемент арабской архитектуры, представляющий собой узорные деревянные решетки [1] (Рис.1.). Такие элементы могут использоваться в интерьере спортивных сооружений, как ширмы или перегородки для того, чтобы разделить спортивную арену на несколько арен, а во-вторых, отделить мужчин от женщин в определенное время.

Рис. 1. «Машрабия» частично или полностью на фасаде

Шатер происходит от форм традиционной бедуинской палатки, остается символом арабской истории и арабской цивилизации в странах, объединенных одним названием Билад аш-Шам (Сирия, Иордания, Ливан, Палестина). Шатер – вид покрытия, предлагается для защиты открытых спортивных площадок от яркого солнечного света.

Малькаф – «ветролов», аналог иранского *Бадгира*, по сути – декоративно обыгрываемый вентиляционный канал, – стал неотъемлемым элементом арабской архитектуры, активно участвующим в создании естественной циркуляции воздуха одновременно двумя разными способами [1] (Рис.2.).

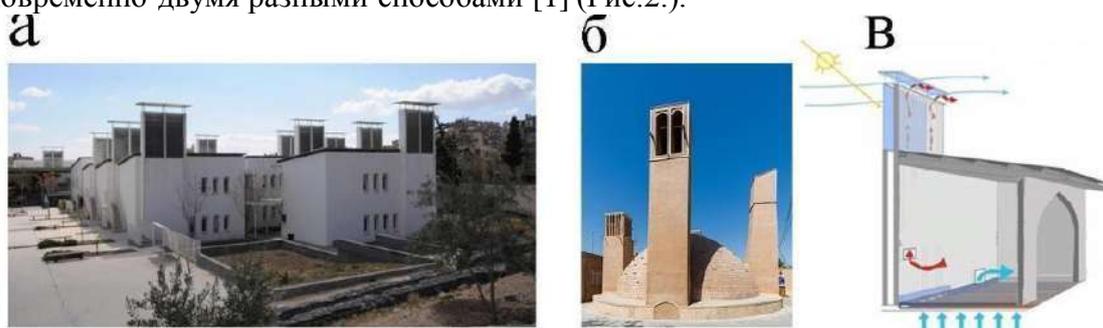

Рис. 2. «Малькаф» – «ветролов»: а. «Малькафы» используемые в школе Шарляде Голля в Дамаске (современная форма); б. традиционная форма; в. Процесс работы

Основная функция следующего компонента – *внутреннего двора* – (Рис.3.) заключается в обеспечении естественной вентиляции и освещения. Двор является эффективным средством для создания движения воздуха путем конвекции. *Внутренний двор* как ядро архитектурно-планировочной структуры, также является одним из самых важных символов арабской архитектуры. Тип традиционного дамасского дома с внутренним двором, использовался в странах с жарким климатом из-за его преимущества в поддержании умеренной температуры внутри него днем и ночью, а также сохранении приватности [2] и получил дальнейшее развитие в структуре общественных зданий. Планировочный элемент *внутреннего двора* использовался в жилых домах, дворцах, медресе, мечетях и даже в больницах, поэтому его трактовка в спортивных сооружениях оправдано в варианте группировки дополнительных залов и вспомогательных помещений вокруг спортивной арены, занимающей в такой композиции место внутреннего двора, благодаря чему возможно поддержание на арене умеренных температур.

Использование перечисленных выше традиционных элементов арабской архитектуры и применение идеи внутреннего двора в спортивных сооружениях может оказать значительное положительное воздействие на психологию людей, переживших

трудные времена в период после войны, в том числе это рекомендуется при проектировании и строительстве спортивных сооружений в городе Алеппо.

Рис. 3. «Внутренний двор», а.Школа Аль-Ахмадия;б. Дворец Джумблат;в. Газале дом

В городе Алеппо рекомендуем интегрировать элементы арабской национальной архитектуры в структуру интернациональной архитектуры спортивных сооружений (Рис. 4.). В крупных крытых спортивных сооружениях оболочка, образованная большепролетными элементами, составляет до 100 % внешней ограждающей конструкции. Если эта оболочка отражает в своей архитектуре национальные элементы, она с большей вероятностью может стать достопримечательностью и даже символом города. В средних крытых спортивных сооружениях рекомендуем использовать внутренний двор и стиль Аль-Аблак во внешней или внутренней облицовке, в дополнение к другим элементам, таким как украшения или арки и купола для покрытия и другие элементы арабской архитектуры.

Открытые спортивные площадки рекомендуем:

- покрывать частично или полностью в виде шатра из гибких солнечных батарей с использованием вантовых систем (рулоны солнечных панелей изгибаются по мере необходимости);
- использовать каркасно-стеновые конструкции в виде арабских и исламских орнаментов для определения ограждения спортивной площадки для различных игр с мячом высотой не менее 4-8 м.;
- использовать Машрабии в качестве каркасно-стеновых конструкций, если спортивная площадка предназначена для женщин, тем самым добившись необходимой приватности.

Колористка – неотъемлемая часть городского ансамбля и образа любого архитектурного сооружения. В южной стране, где много солнца, можно и нужно использовать в колористке города холодные насыщенные цвета. Колористка в основном используется в арабской архитектуре в стиле Аль-аблак. В историческом центре необходим сдержанный подход с обилием природных тонов, и открытые решения с обилием холодных зеленых, фиолетовых, турецкого голубоокого и синего цвета. Это актуально в густонаселенных районах, в том числе районах трущоб, поскольку жаркий климат требует прохладных цветов.

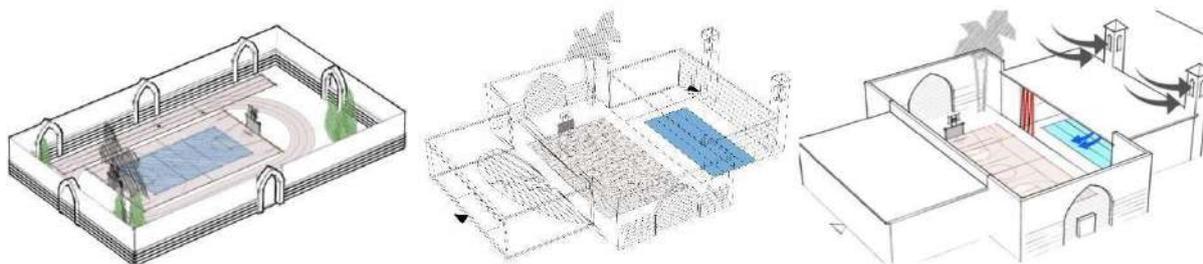

Рис. 4. Модели спортивных сооружений города Алеппо

Список литературы:

1. Гассан Барджас Абуд. Архитектура и структура спортивно-зрелищных сооружений с висячими покрытиями в условиях Ближнего Востока, автореферат диссертации по архитектуре [Текст] : дис. ...канд. архитектуры: 18.00.02 / Киев, 1991.
2. Юсфи Р. А., Забалуева Т. Р. Традиции арабской архитектуры в энергоэффективных зданиях. АМІТ 2(39) 2017 – С. 239-254.

М.В. Дуцев

Доктор архитектуры, зав. кафедрой дизайна архитектурной среды, профессор кафедры архитектурного проектирования, член союза художников РФ, советник РААСН, академик национальной академии дизайна

ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет»,
Российский университет дружбы народов, НИИ теории и истории архитектуры и градостроительства – филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России», Нижний Новгород,
Россия, nn2222@bk.ru

КОММУНИКАЦИЯ В СРЕДЕ: ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ АРХИТЕКТОРА И МНОГООБРАЗИЕ СОВРЕМЕННОЙ АРХИТЕКТУРЫ

Актуальная коммуникация архитектора и пользователя среды весьма противоречива. С одной стороны, мы наблюдаем явный интерес со стороны адресатов (жителей, приезжих, организаций и городских сообществ) к вопросам формирования, в первую очередь, городских пространств. С другой – архитектурное искусство, по-прежнему во многом автономно и замкнуто на узкий круг специалистов. В этом плане индивидуальность мастера скорее добавляет проблем, умножая концепции, пластические языки, формы репрезентации, стили. Попробуем обнаружить преимущества в сложившейся непростой ситуации. Сегодня представляется возможным выделить ряд актуальных концепций, к которым приходит современная архитектура:

- историческая и культурная идентичность, тема памяти [1];
- глокальная и приоритет повседневной архитектурной среды;
- естественность – концепт укорененности и контексты места;
- экологический тренд – био- и геоморфизм;
- социальная – универсальность, комфорт, адаптация и адаптивность, архитектура соучастия;
- событийная, сценарная;
- медиативная и интерактивная;
- идея тотального дизайна – оболочки или «упаковки» процессов;
- театральная – пространство как часть перформанса или шоу;
- прогностическая и экспериментальная.

В фокусе нашей темы будет средовая коммуникация, действующая как бы вместе со всеми представителями настоящего списка, и отчасти словно «над» указанными линиями архитектурного творчества. Архитектурная коммуникация может быть понята расширительно в нескольких плоскостях: внутри профессии, диалог с пользователем архитектурного пространства, передача накопленного опыта и знаний на уровне образования, а также «разговор» самих архитектурных объектов с нерукотворным ландшафтом или между собой в среде. При этом по-своему интересны все формы коммуникации и комбинации участников. Например, сегодня все отчетливее прослеживается не только функция «воспитания» пользователя, но и обратный процесс его влияния на архитектурные процессы. Диалог автора и адресата [2] архитектуры все больше смещается из области семантических смыслов в сторону потребительских запросов и формирования соответствующих средовых сценариев.

Центральными по-прежнему остаются три группы участников со своими особенностями. Архитектор выступает в нескольких ипостасях. В своей творческой роли как носитель индивидуальной идеи, художественной концепции. В роли продолжателя архитектурной традиции, прислушиваясь к голосам из прошлого и устремляя напутствия в

будущее. Также архитектор включен в круг профессиональных взаимодействий разного масштаба и уровня. Пользователь задействован не менее многопланово, имея возможность оценивать прагматические качества архитектуры (комфорт, функциональность, доступность [3]), откликаться на символические послания или, ловить ауру или пространственные токи места. Сегодня пользователь – одновременно член глобального общества потребления и личность со своим эмоционально-чувственным миром и уникальной историей. Конечно, между указанными участниками может возникнуть прямой или опосредованный диалог, совпадающий или отложенный во времени. Третьим «участником» можем выступить среда, чьи материальные и ментальные планы определяют стыковки, связи, совпадения или расхождения «мнений». Самые очевидные и наиболее общие из таких диалогических пар следующие: история – современность [4], социум – окружающее пространство, природа – рукотворная среда, высказывание архитектора – восприятие адресата и т.д.

Для актуальной архитектурной повестки, проявленной, как в концептуальном режиме, так и в прикладных сферах архитектуры, средового проектирования, дизайна, искусства, действительно, характерны процессы гибридизации. Интеграция разных по сути, не соприродных и не синонимичных подходов, направлений, не совпадающих течений, рождает «гибриды» в прикладном и понятийном смысле [5]. Указанные процессы проходят по всем фундаментальным основаниям архитектурного творчества и по ряду междисциплинарных выходов профессии. Так, слияние результатов глобализации процессов и местных условий, средовых черт, порождает глокальную идентичность. Вообще, поиск идентичного часто мыслится на уровне бренда, т.е. маркетингового инструмента. Коммерческая и авторская составляющие часто встречаются в одном объекте, создавая своего рода «популярный», массовый архитектурный жанр. Технологическое, экономическое, коммерческое, политическое, социальное начала прорастают в архитектуре как во многом самостоятельные единицы, где-то отодвигая привычные качества зодчества на второй план. С более родственными сферами деятельности, профессия обнаруживает общие приоритеты:

- архитектура и дизайн – оболочка;
- архитектура и театр – игра;
- архитектура и текст – нарратив;
- архитектура и актуальное искусство – концепция.

Безусловно, данный ряд не строгий и может быть продолжен. В любом случае, архитектурная деятельность – не только архитектура. И в этом кажущемся привычным утверждении кроется новое качество самих результатов, по природе изначально интегративных, сконцентрированных в архитектурном объекте или распадающихся на части. Архитектура-философия, архитектура-социология, архитектура-экология, архитектура-социология, технология или бизнес. Если концептуальное творчество, то «компоненты» еще умножаются, существуя внутри умозрительной реальности. Таким образом, затруднительно однозначно ответить на вопрос, как же бытует современная архитектура – что это за явление культуры: технологическая или экологическая инновация, творческая автономия, соучастие с пользователем или феномен с открытыми границами, входящий в междисциплинарные области, вступающий в сложные, даже рискованные, многоосновные союзы...

Индивидуальность архитектора относит его творчество к акту искусства, однако, в современных условиях, оно отчасти трансформируется и перешагивает вопросы стиля или почерка, т.е. реализуется в смежных областях. Вновь мы наблюдаем расширение понятия, сложность однозначного определения и некоторые онтологические несоответствия. К примеру, непререкаемая индивидуальность Ф. Гери лежит в его узнаваемой скульптурной пластике, а Ж. Нувеля – в его дематериализующем подходе. З. Хадид утвердила свой закон эмоциональной нелинейной пластики на грани закона гравитации, а Р. Мейер известен авторской белой архитектурой, упорядоченной и сгармонизированной по сетке, которая

стала его каноном. При этом минималистская эстетика А. Сиза Виейра или Э. Соуто де Моура относит к средиземноморской линии современной архитектуры с ее идеей укорененности в ландшафте. Снохетта – взаимосвязь с геологией места, Морфозис – сложный ген мутации формы. П. Цумтор узнаваем своими «атмосферными» пространствами, а С. Холл – работой света в «теле» архитектурного объекта. Ж. Херцог и П. Де Мёрон предлагают коллажную сборку структуры и материальности, а Р. Коолхас – коллаж смыслов, самоиронию, нарушение масштаба и игру с потребителем. MVRDV или BIG проводят эпатажные эксперименты со структурой и функциональными гибридами. Х. Рашид создает иллюзорную архитектуру-шоу, а П. Эйзенман работает в поле противоречивых смыслов, семантических оппозиций и самоорганизующихся построений. Компания RCR и вовсе выстраивает свою признанную линию внимательного к среде проектирования в реальном жизненном окружении человека.

Как это видно из беглого рассмотрения, мы сталкиваемся, во-первых, с разными основаниями индивидуального: от традиционных художественно-пластических приемов – до модных социальных или бионических оснований. Второе – приведенный обзор грешит условностью и далеко не бесспорными выводами, продиктованными имиджем каждой компании. Между тем, каждое из упомянутых бюро, исповедует не одну зрелую проектную концепцию – и в этой концептуальной области находятся истоки тех манифестаций, действующих сил, формообразующих методов и структурных построений, которые имеют те или иные «внешние» проявления. Но главное остается за кадром даже при пристальном знакомстве с философией проектирования! Индивидуальное, как и в любом искусстве, отличает то еле заметное, тот характер, ту неповторимую «интонацию», с которыми автор применяют скульптурную пластику, фактуру, свет, контексты, иронию, функциональную или социальную историю и т.д. Не «что» и даже не «как», а некая особая сквозная «мелодия», проходящая через содержание, форму, личность архитектора. Рождается интегративное мета-начало творчества в среде.

Попробуем отыскать возможность сориентироваться в многомерном настоящем и немного заглянуть в будущее, собрать в едином блуждающем поле новые мысли, языки, формы, увидеть некие вероятные константы, которые позволят произойти продуктивной встрече разного. В качестве новой целостности (в обязательном порядке сохраняющей индивидуальное начало) следует выдвинуть, как минимум, две идеи.

Первую – можно обнаружить в формировании системы устойчивых ориентиров профессии на основе потенциала интеграции в междисциплинарные области и в круг вечных понятий, характеризующих гармоничное обитание человека в окружающем мире. Архитектура Новейшего времени вовлечена в поле постоянных активных взаимодействий традиционных и новых смыслов профессии, технологий, коммерческих или социальных институтов, естественно-природных трендов, крупных мировоззренческих концепций и индивидуальных подходов. Все это во многом усложняет реалии архитектурной деятельности, образования, диалога с потребителем, затрудняет выстраивание непротиворечивой теории архитектуры. При этом именно принятие сложившегося и растущего многообразия должно послужить основой жизнеспособности зодчества в процессе обновляющихся культурных кодов. Могут быть предложены следующие теоретические ориентиры современной архитектуры в ее расширительной трактовке: поля художественной интеграции, «дрейфующая» идентичность, динамическая коммуникативность, витальность и витальные качества среды, индивидуальная история и проблема реальности, атмосфера и аура, перформативное начало, театральность и театрализация, природа и органические закономерности [6]. Обозначенные позиции задают базу для оценки целостных качеств и выработки системы вневременных критериев языка архитектора в условии современного средоформирования.

Еще одним желанным и, вероятно, необходимым звеном средовой теории и практики на пути преодоления кризиса коммуникации представляется ресурс «пограничной»,

«стыковочной» архитектурно-художественной среды на пересечении деятельности архитектора, дизайнера и художника [7]. К искомым «посредникам» между уже существующим и современным следует отнести временную архитектуру малых форм, художественные акции, перформансы, а также весь спектр мероприятий, относящихся к дизайну архитектурной среды, включая благоустройство общественных и рекреационных пространств. Все эти формы приглашают к диалогу пользователя среды, «включают» его в систему творческого взаимодействия, «открывают» сотворчеству с профессионалом.

© М. В. Дуцев, 2023

Список используемых источников:

1. Бакшутова, Д.В. Подходы к выражению феномена памяти в новейшей архитектуре [Электронный ресурс] / Д.В. Бакшутова // Архитектон: известия вузов. – 2021. – №1(73). – URL: http://archvuz.ru/2021_1/1/
2. Гельфонд А.Л. Адресат архитектуры и жизнеспособность архитектурного объекта / Теория и история архитектуры. Выпуск 1: XI Иконниковские чтения: материалы научной конференции / отв. ред. и сост. И.А. Добрицына; Филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства. – Москва; Санкт-Петербург : Коло, 2020. – 296 с. : ил. ISBN 978-5-4462-0128-0, С. 31–50.
3. Гейл Ян. Города для людей / Ян Гейл ; [пер. с англ. А. Токтонов]. – Москва : Концерн "Крост" : Альпина Паблишер, 2012. – XI, 263 с. : цв. ил.; 27 см.; ISBN 978-5-9614-1933-7 (в пер.)
4. Бондаренко И.А. Архитектура в эпоху модернизации образа современности // Современная архитектура мира. Вып. 20 (1/2023) / Гл. ред., сост. Н. А. Коновалова. – М. ; СПб. : Нестор-История, 2023. – 328 с.
5. Невлютов М. Утопическое мышление в архитектуре. Новый союз между героем и технологией. Архитектура и строительство России. 2023. № 1 (245). С. 46–49.
6. Дуцев М.В. Архитектурная среда Нижнего Новгорода – диалоги с идентичностью: часть 1. Теоретические аспекты // Приволжский научный журнал. – Н. Новгород: ННГАСУ. – 2023, № 1, С. 181–186
7. Дуцев М.В. Концепция художественной интеграции как актуальный ресурс новейшей архитектуры. Часть 2 Художник-архитектор // Архитектура и строительство России, 2018, № 2, С. 8-17.

Т.В. Каракова¹, А.Д. Булавинец²

¹Доктор архитектуры, профессор, заведующая кафедрой «Дизайн» ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», г.о. Самара, Россия

²Магистрант кафедры
ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», г.о.
Самара, Россия

ЦИФРОВОЕ ИСКУССТВО В АРХИТЕКТУРНОЙ СРЕДЕ ГОРОДА

В настоящее время цифровые технологии играют все более важную роль в создании новых практик и смыслов для привлечения внимания горожан и гостей города, предоставляя уникальные возможности для популяризации его истории и памятников архитектуры, для формирования современных общественных пространств в среде исторических центров.

Сегодня современное искусство находится в активном развитии и поиске новых форм воплощения. Одним из самых крупных ответвлений выступает цифровое искусство, которое уже насчитывает множество уникальных техник исполнения, различные инструменты для его создания и презентации, а также целые отдельные реальности, которые дают массу возможностей для гармоничного и эффективного синтеза с дизайном общественных пространств.

В эпоху цифровизации дизайнеры и архитекторы активно используют новые технологии, которые имеют либо преимущества перед традиционными формами проектирования и решения задач, либо дополняют уже сложившиеся практики, способствуя созданию современных аттракторов, интегрированных в исторический контекст городских центров, придавая исторической среде новый динамичный облик и формируя уникальный когнитивный эффект.

Сегодня человек находится в информационной эпохе, где цифровые технологии стали полноценными участниками повседневности, благодаря чему сложились предпосылки к формированию нового стиля в современном искусстве, а точнее – цифрового искусства (Digital art) [1]. Стиль искусства новой информационной эпохи характеризуется своей полистилистикой, что парадоксальным образом вызывает демассификацию искусства, а именно возможность реципиента выбирать только источник художественной информации, но и становиться одновременно его участником. Основным драйвером прогресса в Digital art стали новейшие возможности цифрового оборудования и совершенствование программного обеспечения, а дизайн послужил катализатором, ускорившим поглощение цифровыми технологиями ряд направлений монументального искусства. Само компьютерное проектирование породило новые пластические и графические языки, коллаборация которых позволила сформировать ряд устойчивых направлений, среди которых выделяются:

1. Цифровая живопись (Computer GraphicsArt) – имитация в программах классической работы художника над картиной.
2. ASCII Графика – форма изобразительного искусства, когда используются символы, воспроизводимые клавиатурой компьютера.
3. Демосцена – это соединение программирования и искусства, задача которого гиперболизировать и удивить зрителя, скрывая реальные возможности изображаемого объекта.
4. Трехмерная графика 3D – использование программного обеспечения, способного моделировать и симулировать в трехмерном пространстве.
5. Анимация и трехмерная анимация.
6. Видеомеппинг – проекция изображения на здание или на скульптуру.

7. Виртуальная реальность – уносящая зрителя в другой мир индивидуальной фантазии.

Цифровые электронные технологии можно вправо назвать частью современного искусства, которое оказывает огромное влияние на дизайн городской среды и архитектуру. Сегодня образ и имидж города формируют не только физические объекты, которые были спроектированы с применением цифровых технологий, но и непосредственно интегрированные в пространство информационные ресурсы, интерфейсы, стенды, сервисы и виртуальные арт-объекты [2].

Сегодня все больше архитекторов, ученых и художников ставят эксперименты, в которых совмещают материальное с нематериальным, благодаря технологическим инновациям и интерпретации цифрового языка.

Ряд специалистов по созданию видеомэппинг-инсталляций рассматривают ближайшее будущее архитектуры и монументального искусства в синтезе с цифровыми технологиями, способными создать в городской среде визуальные и информативные эффекты на фасадах зданий с помощью специальных проекционных систем, интерактивных экранов. Примерами могут служить общественные здания в Китае, на фасадах которых на цифровой панели были созданы проекции символа Нового года, фасады торгового центра в городе Чэнду, Китай с проецированием видео с 3D-эффектом (например, ролик с полётом космического корабля, который «вылетает» из экрана на оживлённую улицу), рекламный дисплей в Сеуле, Южная Корея, который изображал в движении и с оптическим эффектом глубины гигантскую волну [2]. С помощью таких специальных приложений на смартфоне, как AR Murals, ReBlink, Chernobyl App, Gif-iti и другие, новое звучание приобретают муралы, получившие динамические, кинематические характеристики. Ярким примером является мурал на фасаде здания в городе Хельсинборг, Швеция – изображение с помощью цифрового приложения позволяет оживить «стопку чашек», которая начинает вибрировать, падает и разлетается на множество осколков.

Особую роль использование цифровых технологий играет в качестве основного инструментария в сохранении и популяризации исторического архитектурного наследия. При помощи цифрового дизайна были реализованы проекты «Стеклянные дома» (Crystal Houses Amsterdam, бюро MVRDV) и «Зеркало» (The Looking Glass, бюро UNStudio) на одной из самых элегантных и дорогих улиц в Амстердаме – Хофтстрат (P.C. Hoofstraat) в Амстердаме, Нидерланды. Необычный прием реконструкции исторических зданий заключался в коллаборации кирпичной кладки из традиционных терракотовых и стеклянных кирпичей, выполненных по специальной цифровой технологии, что предопределило получение такого эффекта как визуальная иллюзорность форм и пространств. Создание полимерной плитки BioResin расширило возможности архитекторов и дизайнеров в вопросах сохранения и популяризации исторического наследия городов за счет подключения к смартфонам технологических устройств, вмонтированных в эти плитки.

Анализ сложившихся практик использования цифровых технологий в контексте синтеза искусств, позволяющего найти оптимальное соотношение между задачами сохранения исторической среды городов и созданием современных общественных пространств, аттрактивных локаций в границах исторических поселений и на периферии города с гомогенной, унылой застройкой. По утверждению специалистов использование цифровых технологий в городе позволяет архитектору и дизайнеру создавать виртуальную среду в зависимости от актуализации поставленных задач и сценариев, не требуя при этом существенных функционально-планировочных, конструктивных и инженерных изменений. Нельзя не отметить значительную роль такого подхода при позиционировании сохраняемых памятников зодчества и нивелировании проблем архитектурных объектов, диссонирующих с историко-стилевым характером исторической застройки. Именно использование цифровых технологий становится авангардом «...информационного насыщения и гармонизации сценария посещения, восполнения недостающих звеньев аутентичного сценария, повышения функциональной гибкости среды памятника, уровня комфорта и безопасности посетителей,

мониторинга физического состояния объекта, управления климатом, оптимизации системы обеспечения сохранности памятника» [3].

Сегодня процесс архитектурного проектирования, функционально-пространственное и сценарное развитие социально значимых городских пространств, реконструкция и реновация историко-архитектурного наследия практически невозможен без активного включения аддитивных и 3D-технологий, виртуальной и дополненной реальности. Цифровой формат современной жизни изменяет естественные законы, а виртуальное пространство, ставшее реальным фактором аттрактивности среды общественных пространств города, переформирует традиционные представления о способах презентации исторического наследия, создания механизма повышения коммуникативности городской среды, способной вызывать у горожан уникальные эстетические эмоции, формировать чувство «места» и патриотизма.

Следуя логике классического определения синтеза искусств в архитектуре как взаимосвязанного, органического единства различных видов искусства (живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства) и архитектуры, в результате осуществления которого возникает новое эстетически-образное качество целостного художественного ансамбля, необходимо признать ведущую роль цифровых технологий в синтезе искусств в архитектуре [4]. Использование цифровых технологий в архитектуре и дизайне городской среды позволяет: балансировать между сохранением исторических объектов и одновременным внесением современного контекста; создавать уникальные проекты, где традиционные архитектурные формы дополняются цифровыми элементами в рамках гармоничного синтеза искусств; позволяют внедрять инновационные подходы к привлечению туристов и оживлению интереса жителей города к его истории и архитектуре; проводить мониторинг обратной связи с горожанами; вовлекать широкую аудиторию к обсуждению и совместному творчеству для сохранения и обновления исторической ценности города, вносить свой вклад в формировании архитектурной среды.

Список литературы:

1. Шавлыгин Д. О., Обморокова А. М. Интеграция цифрового искусства в традиционную художественную среду // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2015. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/integratsiya-tsifrovogo-iskusstva-v-traditsionnyu-hudozhestvennyu-sredu> (дата обращения: 29.10.2023).
2. Анфимова Е.Б., Новикова Я.В. Возможности цифровых технологий архитектуры и дизайна в процессе преобразования городской среды // МНИЖ. 2021. №7-1 (109). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-tsifrovyyh-tehnologiy-arhitektury-i-dizayna-v-protse-sses-preobrazovaniya-gorodskoy-sredu> (дата обращения: 29.10.2023).
3. Глинтерник Э. М., Шатилов Д. А. Современный кризис и футуропрогноз формирования дизайн-среды историко-архитектурных памятников. // Архитектура и дизайн в цифровую эпоху. 2021 С. 87-93
4. Прохоров С.А. Проблема синтеза искусств в архитектуре. //Мир науки, культуры, образования. № 5 (36) 2012. С. 224-227

С.В. Борисов¹, К.С. Матвеева²

¹Кандидат архитектуры, заведующий кафедрой Храмовое зодчество
Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва,
Россия, borisov-sv@inbox.ru

²Магистр архитектуры, архитектор
ООО «АМ Атриум», Москва, Россия, matveeva.ks@gmail.com

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ГРАДООБРАЗУЮЩЕЙ РОЛИ ИСТОРИЧЕСКОГО ЦЕНТРА Г. КАЛЯЗИН, ТВЕРСКАЯ ОБЛ.: ХРАМОВАЯ АРХИТЕКТУРА И СТИХИЯ ВОДЫ

Рассмотрим в настоящей статье позиции, объединяющие тематику водной стихии в Христианстве и задачи церковного зодчества на примере храмового комплекса на месте затопленной части города Калязин. Корабль, как символ, для раннехристианских мыслителей и богословов средневековья отличался набором весьма значимых возвышенных характеристик, позволяющих связывать его с Церковью, понятием безусловной святости и чистоты. И здесь присутствует, вероятно, не только понимание корабля в качестве ковчега, спасительного убежища или свидетельства неуклонного преодоления трудностей. Представляется, что образ корабля, громады белых парусов, бесшумно скользящей по водной глади, на протяжении столетий для людей был символом истинности, благородства, чистоты [1].

Облик парусника, поступательно развивавшегося на протяжении тысячелетий, был уникален по единству составляющих целесообразности конструкций, соразмерности пропорций, утонченности или богатства декора, подчиненных сознательно придаваемым чертам стремительности, динамики. Краткий срок службы, некоторая эфемерность столь мощных сооружений, образованных уважительным взаимодействием людей на протяжении тысячелетий со стихиями воды и ветра, очевидно, наводила современников на воспоминания о Божественной основе сотворенного мира и о краткости человеческого века. В мировой истории строители или конструкторы кораблей именовались архитекторами. Термин «архитектура корабля» существует в современных отечественных нормативных документах. Парусный корабль, как произведение искусства, создавал своим строителям, архитекторам, широкие возможности для синтеза конструктивных и образных решений, как в обводах корпуса, так и в его соотношении с парусным вооружением, рангоутом, тончайшим рисунком такелажа.

Представляется, что архитектура кораблей, морских и речных, во множестве строившихся на всем протяжении становления и развития христианской цивилизации, не могла не повлиять на зодчество в его основном понимании. Уже в раннем Христианстве существовало многосложное уподобление храма кораблю с командой – Церковью, которое приведем в связи с его точным соответствием рассматриваемой нами тематике: *«Когда же соберешь церковь Божию, то как бы кормчий великого корабля, со всем знанием приказывай, составляй собрания, повелевая диаконам как бы матросам, чтобы назначили места братьям, как бы пловцам... Прежде всего, здание да будет продолговато, обращено на восток, с притворами по обеим сторонам к*

востоку, подобное кораблю».¹ Подразделение храма на структурные части дословно воплощено в базиликальном типе, который соотносится с понятием нефа, «корабля спасения». В купольной базилике, крестово-купольном типе храмов, неизменно сохраняется трехчастное деление богослужебных пространств, восходящее к ветхозаветным прообразам, общим для авраамических религий [1]. Стихия воды неоднократно упоминается в книгах Ветхого и Нового завета в различных назидательных и символических значениях, вода является неотъемлемым элементом христианских таинств и богослужения.

Для воплощения представлений о стихии воды в храмовом зодчестве представляет интерес город Калязин в Тверской области. При строительстве Угличской ГЭС в 1930-е годы исторический центр города, в который входили: Свято-Троицкий Макарьев монастырь, Никольский собор, центральные улицы с купеческими особняками, торговая площадь с небольшим приходским храмом, оказался под толщей воды. От Никольского собора уцелела лишь известная колокольня высотой 74,5 м, возвышающаяся донныне над водохранилищем. В настоящее время Калязин – небольшой, пришедший в упадок город, где туристы, приезжающие для осмотра соборной колокольни, не задерживаются надолго из-за отсутствия развитой инфраструктуры и иных значимых достопримечательностей [2].

Проектируемые объекты – приходской и соборный храмовые комплексы располагаются на воде, на местах снесенных исторических построек. Доминантой и географическим «ориентиром» проектируемого объекта, является упомянутая колокольня Никольского собора, фиксирующая местоположение затопленных храмов и, одновременно, входящая в состав нового соборного комплекса. При создании архитектуры храмового ансамбля не ставилась задача соответствия историческим прообразам в условиях кардинально изменившегося по сравнению с прошлым окружения – вместо городской среды с мелкомасштабной застройкой возникла обширная водная поверхность.

¹ «Постановления святых апостолов через Климента епископа римского преданных» (III – начало IV в.): Емельянова Л.С. Развитие символики раннехристианских храмов. Режим доступа: <http://rusarch.ru/emelianova1.htm>. (дата обращения: 03.05.2022)

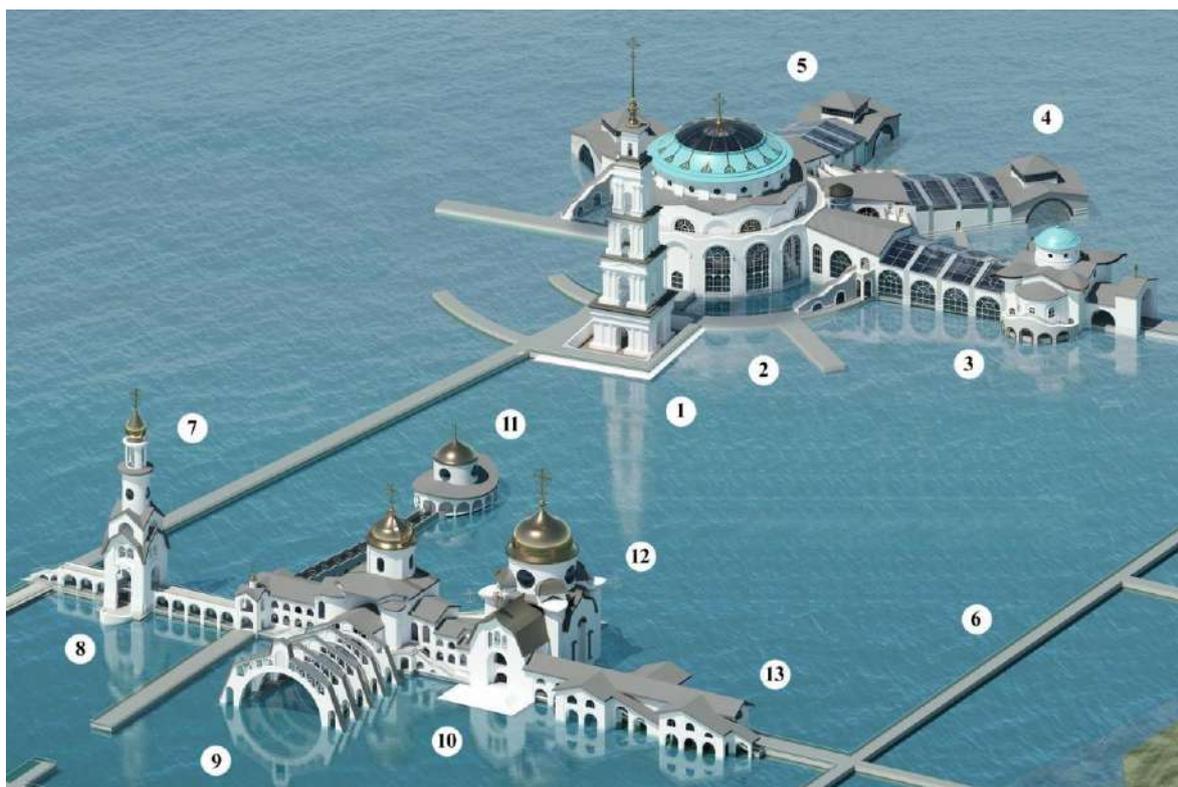

Рис. 1. Храмовый комплекс с выявлением планировки квартала затопленной части г. Калязин, Тверская обл., вид с высотной точки с юго-запада:² 1 – сохранившаяся историческая колокольня Никольского собора; 2 – собор; 3 – притвор собора с размещенной в нем копией галеры «Тверь»; 4 – мастерские моделирования исторических волжских судов; 5 – зрительный зал со сценой, отрывающейся на воду; 6 – восстанавливаемая трассировка исторической улично-дорожной сети; 7 – колокольня приходского комплекса; 8 – площадка под колокольней с открытым Престолом для богослужения «на водах»; 9 – притвор придела с возможностью захода паломнических судов для участия в богослужении и концертах духовной музыки; 10 – причал приходского храма; 11 – крестильный подводный храм на затопленном Престоле исторической церкви в торговых рядах; 12 – приходской храм; 13 – образовательный центр

Соборный комплекс, сформированный вокруг центрального ротондального храмового объема, насыщен объектами социального служения Церкви, в него входят: притвор-музей с копией екатерининской галеры «Тверь»; мастерские моделирования исторических волжских судов; зрительный зал со сценой, отрывающейся на воду. Приходской комплекс, как и соборный, имеет четкую географическую «привязку» к местности, в его состав включен крестильный подводный храм на затопленном Престоле исторической церкви в торговых рядах. Функциональным наполнением приходского комплекса, обеспечивающим связанность с тематикой водной стихии, является предусмотренная возможность захода малых туристических судов в притвор главного храма для участия пассажиров в концертах духовной музыки. Площадка под проектируемой колокольней символически решена в формах ладьи, отсылающей к образам ковчега праотца Ноя. На ней, непосредственно под колокольней размещен

² Рис. 1: автор Матвеева К.С., научн. рук. Борисов С.В., кафедра «Храмовое зодчество», Московский архитектурный институт, 2021–2023 гг.

Престол для богослужения «на открытом воздухе» с возможностью участия верующих на лодках и катерах [3].

На воде на местах исторических улиц города созданы наплавные мостики-понтонны – подходы к религиозным объектам. В концепцию воссоздания градостроительной структуры Калязина входит восстановление уничтоженного исторического Свято-Троицкого Макарьева монастыря, территория которого не подверглась затоплению. Приходской и соборный комплексы с объектами социального служения Церкви выполняют роль основы при восстановлении градостроительной структуры Калязина. Проект храмового комплекса основан на связи идейно-образной составляющей объекта с христианским пониманием водной стихии, особенности функциональной структуры связаны с привлечением широких слоев населения к традициям православной России.

Список литературы:

1. Матвеева К.С. Православный храм и стихия воды в Христианстве: символика и формообразование, на примере воссоздания целостности градостроительной структуры г. Калязин: диссертация магистра архитектуры; научный руководитель С.В. Борисов; МАРХИ. – М., 2023. 133 с.

2. Борисов С.В. Развитие структуры архитектурного пространства православия в России [Электронный ресурс] // Architecture and Modern Information Technologies. 2023. № 1(62). С. 139–149. URL: https://marhi.ru/AMIT/2023/1kvart23/PDF/08_borisov.pdf. DOI: 10.24412/1998-4839-2023-1-139-149.

3. Борисов С.В. Возрождение и развитие застройки исторических территорий с учетом религиозной составляющей // Новые идеи нового века – 2022: материалы Двадцать второй Международной научной конференции: в 2 т. / Тихоокеан.гос. ун-т. Т.1. Хабаровск: Изд-во ТОГУ, 2022. С. 21–28.

А.А. Худин

Доктор архитектуры, доцент кафедры архитектурного проектирования
ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный
университет», Нижний Новгород, Россия, hoodin-alex@yandex.ru

КОНЦЕПЦИИ КОНТЕКСТУАЛИЗМА В ТЕОРИИ ЗАРУБЕЖНОЙ АРХИТЕКТУРЫ

Проблемы интеграции современных архитектурных объектов в сформировавшуюся городскую среду стали подвергаться теоретическому осмыслению в архитектуре второй половины XX века, а именно в эпоху постмодернизма - теоретиками, историками архитектуры, архитекторами на Западе. Эпоха модернизма в XX столетии породила состояние оторванности от земли, возникшее вследствие множественности поликультурных связей и активной динамике и проницаемости индустриального мира. Модернистские здания универсально пригодные для любого места, среды и обстоятельств, проявлявшие в большинстве случаев, полное равнодушие к условиям конкретного места, перестали удовлетворять вкусы потребителей и архитектурного сообщества. Начинаясь новый цикл возврата к «земле и почве». В 1960-1970 годы мы видим колебание маятника предпочтений в противоположную сторону, ввиду поражения универсализма и глобализма модернизма. Можно вспомнить, как пророчески писал в 1930-е годы немецкий философ Вальтер Беньямин (Walter Benjamin) (1892-1940): «Здесь и сейчас произведения искусства - его уникальное бытие в том месте, в котором оно находится. На этой уникальности и ни на чем ином держалась история, в которую произведение было вовлечено в своем бытовании.» [1]. Вся история архитектуры до XIX века легко идентифицировалась и опознавалась по национальным и географическим параметрам. Эkleктика, посредством расширения и умножения культурных связей, ликвидировала уникальность и неповторимость местной архитектуры, а затем модернизм поставил точку в этом вопросе, сделав здание антиконтекстуальным, универсальным и возможным к существованию в любом месте, без какой-либо связи со средой.

Возрождающийся интерес к истории предполагал обращенность к конкретике и специфике локусов, и архитекторы начинают искать примеры контекстуализма в трудах архитекторов прошлого. Так итальянский архитектор А. Росси (1931-1997) вспоминает работы А. Палладио: «Вспомните Палладио и исторически сложившиеся венецианские города, в которых мы встречаем его работы; изучение этих городов и отдельных зданий выходит за рамки изучения творчества Палладио-архитектора. Здесь понятие локуса, из которого я исходил в своих рассуждениях, в полной мере проявляет свой смысл и превращается в контекст города, отождествляется с отдельным фактом. Спросим себя: где начинается индивидуальность? Она начинается в отдельном факте, в материи и её истории, и в разуме создателей этого факта. Кроме того, она заключается и в месте, которое определяет архитектурное творение, как в физическом смысле, так и – прежде всего – в смысле выбора именно этого конкретного места, в смысле неразрывного единства места и архитектурной работы» [2].

Из этих взглядов зарождается особое направление в архитектуре постмодерна – контекстуализм и в 1970-е эти идеи можно проиллюстрировать мыслями одного из основоположников этой концепции, американского архитектора – Томаса Шумахера (Thomas Schumacher) (1941-2009), который в 1971 г. публикует свою статью «Контекстуализм: градостроительные идеалы и деформации» [3]. Статья посвящена

критике подходов модернизма, которые на протяжении многих лет ставили единственной своей задачей дискредитировать традиционный город. Автор утверждает, что связь с городами прошлого не нарушена полностью, и даже в условиях современности он готов наслаждаться эстетикой городов прошлого. Он восстаёт против урбанизма, который во имя прогресса уничтожает прошлое. Модернистский урбанизм позиционируется автором как утопия, не решающая подлинных проблем, заменяя вопросы необходимости на вопросы высоких прибылей. Понимая, что возврат в прошлое невозможен, он предлагает поиск некой золотой середины, в которой будет найден гармоничный синтез нового и старого. Методом для решения подобной задачи предлагается метод коллажа, соединения фрагментов, гибридизация – предложенные Р. Вентури. Данная методология должна базироваться на оперировании контекстом, примеры чего находятся автором в истории, в работах итальянских зодчих эпохи Возрождения Д. Браманте, А. Палладио и др. Вслед за Колином Роу автор соглашается с невозможностью идеализации лишь одного здания или стиля, но утверждает необходимость гибкой работы с «зонами», «полями» и сложившейся средой во всей её сложности.

Философы (например, немецкий теоретик В. Беньямин) и архитекторы (например, А. Росси, Т. Шумахер) в 1970-е годы призывают к синтезу современности и истории в архитектуре. Причинами возрождения в архитектуре тенденции к историзму называются неспособность модернизма с его минимализмом и геометризмом архитектурных форм выражать эстетические ценности, а также оторванность человека от традиций и конкретного места. В архитектуре постмодернизма наблюдается рождение контекстуализма, не только как метода, но и как стилистического течения. В градостроительстве звучит призыв работать с исторически сложившейся средой, используя методы свойственные эклектике XIX века (метод коллажа, гибридизации). В связи с обращением архитектуры эпохи постмодерна к феномену контекста необходимо акцентировать внимание на связанной с ним категории «духа места». Ещё в 1960-е годы в архитектурных теориях можно слышать голоса за возвращение в архитектуру учета специфики и своеобразия, так архитектор Альдо Росси говорил: «Мы уже не раз упоминали значимость локуса (места), подразумевая особую и в то же время универсальную связь, существующую между определенными местными условиями и строениями, расположенными в этом месте. Выбор места и для отдельной постройки, и для целого города имел определяющее значение в античном мире; расположение, место находилось под покровительством *genius loci* [гения места], местного божества-посредника, в ведении которого находилось все, что происходило в этом месте» [2]. Эти идеи в 1970-х мы видим оформленными, например, у норвежского архитектора, историка и теоретика архитектуры Кристиана Норберг-Шульца (Christian Norberg-Schulz) (1926-2000), который одним из первых задался вопросом интерпретации архитектуры через концепт пространства как «духа места». В своей статье «Феномен места» [4] он обращается к проблеме восприятия человеком окружающей среды. Автор обращается к работам американского специалиста в области городского планирования К. Линча (Kevin Andrew Lynch) и итальянского архитектора-постмодерниста П. Портогези (Paolo Portoghesi), формируя идею пространства как «систему мест», «атмосферу» локусов, сочетаний пейзажа и ландшафта, анализируемых с точки зрения гештальт-психологии. «Место» для автора – это не только геометрическая абстракция: «структура места должна быть описана в понятиях «ландшафт» и «поселение» и подвергнута анализу с помощью категорий «пространство» и «характер». В то время, как «пространство» указывает на трёхмерную организацию элементов, составляющих его, «характер» определяет общую «атмосферу», являющуюся наиболее всеобщим свойством места». Им рассматривается

теория символов, совершается обращение к работам Р. Вентури. «Символ» и «характер» определяют среду более, чем координаты, геометрия, размеры. Мы указываем, что разные действия требуют мест с разным характером. Жилище должно быть «защищающим», офис – «практичным», зал для вечеринок – «праздничным», а церковь – «возвышенной». Когда мы посещаем некий город за рубежом, мы бываем потрясены его особым характером, что становится важной составляющей опыта.» [4]. Все выкладки автора суммируются в концепте «Genius loci» (дух места): «Genius loci – это римская концепция. Согласно древнему римскому поверью, каждая независимая сущность имеет свой дух, своего ангела-хранителя. Этот дух даёт жизнь людям и местам, сопровождает их от рождения до смерти и определяет их характер или сущность... Древний человек воспринимал свою среду, как состоящую из определённых отличительных качеств. В частности, он признавал, что величайшей экзистенциальной значимостью обладало согласие с духом местности, где протекала его жизнь... По существу, современный человек долгое время полагал, что наука и технология освободили его от прямой зависимости от места... Это убеждение оказалось иллюзией и, в результате, проблема места вновь приобрела свою истинную значимость» [4]. В числе признаков отличающих его идеологию от модернизма, можно отнести внимание к фактору конкретной среды, истории места; а так же внимание к проблемам экологии, соотношения техногенного и природного.

Итак, концепцию "Духа места" одними из первых выдвинули и соотнесли с идеями контекстуализма в рамках постмодернизма архитекторы А. Росси, К. Норберг-Шульц. Эта концепция пространства, рожденная в глубинах истории архитектуры, связана с проблемой восприятия окружающей среды. В трудах урбаниста К. Линча и архитектора П. Портогези обозначен комплексный подход к среде, который позволяет выявить феномен конкретного места и добиться через него своеобразия архитектуры проектируемого здания. Ч.Дженкс в своей книге "Язык архитектуры постмодернизма", также выделяет контекстуализм, как учет особенностей конкретного окружения, и при этом подчеркивает, что города должны быть калейдоскопичны [5,с.98], и контекстуализм требует максимально чуткого вписывания нового объекта в исторически сложившуюся среду города. [5,с.103]. А подобные теоретические положения, с которыми, безусловно, необходимо согласится, требуют того, чтобы перед началом архитектурного проектирования в исторических центрах городов и поселений историко-архитектурная среда являлась, прежде всего, объектом исследования.

Список литературы:

1. Benjamin, W. Das Kunstwerk im Zeitalter seiner technischen Reproduzierbarkeit / Walter Benjamin, 1936 // Gesammelte Schriften, Suhrkamp ; Frankfurt am Main, 1980. – Band I, Teil 2. – S. 471–508.
2. Росси, Альдо. Архитектура города / А. Росси. – Москва : Стрелка, 2015. – С.10.
3. Schapiro, Meyer. Style / Meyer Schapiro // Anthropology Today : an Encyclopedic Inventory / ed. by Alfred Kroeber. – Chicago, 1953. – P.79-87.
4. Norberg-Schulz, Christian. Phenomenon of Place / Christian Norberg-Schulz // Architectural Association Quarterly. – 1976. – № 4. – P. 3-10.
5. Дженкс, Ч. Язык архитектуры постмодернизма.-М.:Стройиздат,1985 г.-С.98; С.103.

Саллум М

Магистрант 1-го года обучения ФГБОУ ВО «Государственный университет по землеустройству», Москва, Россия

ДАМАССКИЕ ДОМА ЯВЛЯЮТСЯ ЧАСТЬЮ СИРИЙСКОГО УСТОЙЧИВОГО НАСЛЕДИЯ НА ПРОТЯЖЕНИИ ВЕКОВ

Введение

Старый город Дамаска характеризуется важным культурным наследием благодаря своему большому разнообразию археологических памятников и зданий с большой исторической ценностью и уникальными декоративными и художественными элементами. Мы специально рассмотрим историю старых дамасских домов с османского периода и далее, изменения, которые произошли в них с чередой цивилизаций, их способность развиваться и сохраняться до наших дней и их взаимодействие с современной городской средой, окружающей их.

Дом Дамаска во время османского владычества

Сирия и Дамаск стали частью Османской империи, которая имела самый длительный период правления в стране, длившийся четыре столетия с 1516 по 1918 год. В этот период сирийская архитектура и искусство развивались в соответствии со вкусом турецкой колониальной власти. Типичный дом для состоятельных семей состоял из нескольких этажей, каждый этаж состоял из нескольких комнат, расположенных вокруг внутреннего двора. Могло быть два или три двора, в этом случае он считается дворцом. Строительным материалом для стен является известняк, а двери и окна сделаны из дерева [1]

Перевод частей традиционного дамасского дома

1-Элнамлек: это место, предназначенное для женщин, состоящее из нескольких спален и гостиной. Гости не входят в него, а его дизайн отличается простотой.
2-Элсаламлек: это секция, предназначенная для приема гостей. Он имеет прямой выход на улицу и является местом проведения встреч и вечеринок. Его дизайн отличается роскошью, так как потолки и стены украшены и декорированы
3-Элкадамлек: Хозяйственная часть дома, в которой находятся слуги и кухня. Также есть камин и место для хранения припасов. [2]

Дом в Дамаске во время французского владычества

После падения Османской империи Сирия находилась под французским колониальным правлением с 1920-х по 1940-е годы. Это оказало значительное влияние на дизайн дамасских домов, включая внутреннюю отделку и архитектурные элементы, в результате непосредственного контакта с европейской цивилизацией. Современные кварталы также строились во французском стиле. Одним из отражений этого стиля стало принятие принципа симметрии в разделении дома внутри, где он был разделен вертикально на две секции: мужскую и женскую. Что касается фасада дома, то он стал открытым к улице, а не к внутреннему двору. [1]

Во второй половине XIX века, в результате экономических и социальных факторов и возникновения нового класса в обществе богатых людей и торговцев, имевших тесные связи с Европой, было построено много зданий в европейском стиле. Кроме того, были внесены изменения в некоторые существующие здания путем замены закрытых стен, которые существовали в период османского владычества, стенами с окнами и балконами, выходящими на переулки. Эти стены были покрыты декоративными деревянными решётками, называемыми мушарабиями. [1]

Возможно, самым ярким свидетельством богатого разнообразия цивилизаций, следовавших друг за другом в дамасских домах, является разнообразие форм и типов декора, украшающего дамасский дом, будь то потолки или настенные росписи, а также разнообразие форм арок над дверями и окнами.

Вот некоторые из самых важных и известных дворцов и домов в Дамаске, которые считаются свидетелями этапов развития дамасского дома:

Дом Сабаи:

Его строительство относится к 1769 году н. э. Он состоит из традиционных разделов дамасского дома – Харамлик, Саламлик и Хедемлик. Дом отличается красотой деревянных и цветных штукатурных украшений и считается важным с точки зрения наследия. Этот дом считается одним из немногих, вернувшихся к XVIII веку, который полностью сохранил свою первоначальную форму.

Дом Сабаи стал резиденцией немецкого посла в Сирии в 1996 году. Сейчас это неофициальный музей, открытый для публики для проведения экскурсий

Наиболее отличительной особенностью этого дома является украшение потолков в мужской части дома (саламлик). Здесь мы находим тип декора, называемый «османским потолком», который восходит к эпохе Османской империи. [3]

Потолок украшен растительными мотивами, которые повторяются в непрерывном узоре. В центре находится восьмиконечная звездообразная пластина, которая соединена с потолком посредством переплетенных деталей. В центре мы видим сталактитовый подвес в качестве декоративного элемента. Мы также замечаем, что потолок отделен от стены белым пространством, которое дает прекрасное представление о деталях потолка. Затем мы видим карниз и декоративные полосы внутри него [2]

Рисунок (1)_ План дома Аль-Сибай

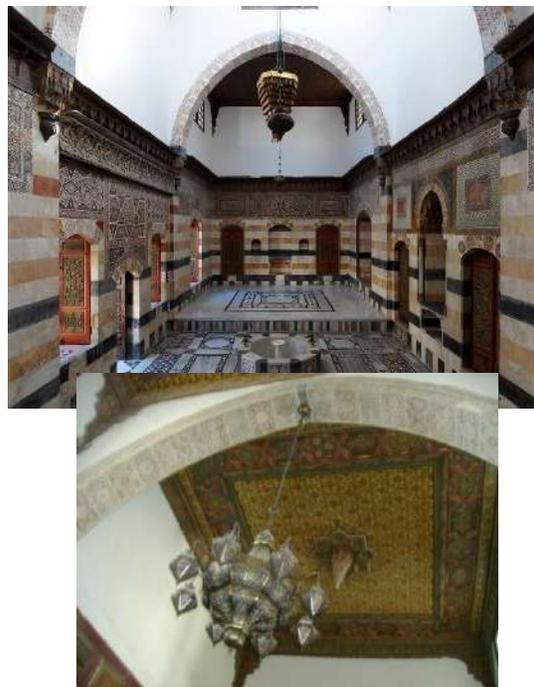

Рисунок (2)_ Зал на верхнем этаже
И Детали мозаики на потолке

В настоящее время одним из наиболее важных и популярных направлений развития городской среды Старого города Дамаска является переоборудование дамасских домов в отели и рестораны. По словам одного из владельцев отеля, эта идея возникла в связи с необходимостью реставрации домов и высокой стоимостью этого процесса. Таким образом, инвестиции в эти дома покрывают расходы на реставрацию. Кроме того, существуют определенные требования к реставрационным работам, которые выполняются традиционными способами под надзором губернаторства Дамаска. [4]

Первый дом, который был переоборудован в отель, в настоящее время называется Beit al-Mamlouka. Он открылся в 2005 году и расположен в старейшем районе Дамаска, датируемом 17 веком. В отеле восемь различных гостевых номеров, каждый из которых назван в честь известной исторической фигуры из арабской или исламской истории. Номера не имеют номеров.

В отеле есть оригинальные картины и символы 18-го века, а также сводчатый коридор середины 16-го века и христианская фреска 200-летней давности. [5]

Рисунок (3)_ Veit al-Mamlouka отель

Заключение

Дамасские дома являются живым примером того, как социальная среда отражается на проектировании и планировании городов и домов. Поэтому изучение истории городского и архитектурного развития любого города в деталях является ключом к пониманию и воображению социальной среды во всех ее подробностях в тот период времени. Однако, когда возникает разрыв между современной социальной средой и культурным наследием, возникает задача создания баланса между сохранением наследия и следованием в ногу с колесом развития. Сохранение культурной идентичности является основополагающим принципом любого плана развития, разрабатываемого для этих районов.

Список использованных источников:

- 1- Vlada Melnik, Ph. THE DAMASCENE ARCHITECTURE OF THE POST-OTTOMAN PERIOD AND THE INFLUENCE OF EUROPEAN CULTURE (BAROQUE STYLE) ON THE DAMASCENE TRADITIONAL HOUSE (POST-NINETEENTH CENTURY - THE BEGINNING OF THE TWENTIETH CENTURY) . International Journal of Civil Engineering and Technology (IJCET). Volume 10, Issue 03, March 2019.
- 2- **Samar Waleed A. Abu Saleh. ceiling Geometry on the Damascene houses.** Master Thesis. The World Islamic Sciences and Education University W.I.S.E. <https://ia801006.us.archive.org/5/items/ktp2019-tra16462/ktp2019-tra16462.pdf> (дата обращения 11.10.2023).
- 3- Born in Damascus blog. بيت أحمد السباعي. 2022. Gérard Degeorge. Damas: Des Ottomans à nos jours. L'Harmattan (1994). Brigid Keenan and Tim Beddow. Damascus: Hidden Treasures of the Old City. Thames and Hudson, New York, 2000. Stefan Weber. Damascus: Ottoman Modernity and Urban Transformation 1808–1918, Proceedings of the Danish Institute of Damascus V 2009. (дата обращения 11.10.2023).
- 4- السليمان غني-دمشق-القديمه-البرخيص ل-33-عندق. 2011. <https://manhom.com/aliqtisadi/79490-%D8%A7%D9%84%D8%A7%D8%B3%D8%AA%D8%AB%D9%85%D8%A7%D8%B1-%D9%81%D9%8A-%D8%AF%D9%85%D8%B4%D9%82-%D8%A7%D9%84%D9%82%D8%AF%D9%8A%D9%85%D8%A9%D8%A7%D9%84%D8%AA%D8%B1%D8%AE%D9%8A%D8%B5-%D9%84%D9%8031/>

(дата обращения 12.10.2023).

- 5- Beit al-Mamlouka Hotel. Wikipedia. Helen Arnold (2009). 1001 Escapes to Experience Before You Die. Barron's. p. 680. ISBN 978-0764161780. Nick Maes (December 20, 2008). "Souk it and see". The Guardian. Retrieved 2011-08-17. "Beit Al Mamlouka, Damascus - Rooms". Almamlouka.com. Retrieved 2015-04-30. "Beit Al Mamlouka, Damascus - History". Almamlouka.com. Retrieved 2015-04-30. https://en.wikipedia.org/wiki/Beit_al-Mamlouka_Hotel .

(дата обращения 12.10.2023)

А.В. Лисицына

Доктор архитектуры, профессор кафедры архитектурного проектирования
ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный
университет», Нижний Новгород, Россия, av_lisitsyna@mail.ru

АРХИТЕКТУРНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ МАЛЫХ ГОРОДОВ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ (БЫВШИХ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫХ СЕЛ)

Специфику хозяйственного уклада Нижегородского Поволжья, находящегося в нечерноземной зоне Европейской России, издавна определяли два фактора: во-первых, сосредоточение промыслов и ремесел, которые составляли основу крестьянских хозяйств, и, во-вторых, развитая торговая деятельность. Сам Нижний Новгород, расположенный на соединении значимых речных торговых путей – Волги и Оки – был известен как важный торгово-промышленный центр Поволжья, «карман России», место проведения крупнейшей в стране Макарьевской ярмарки (1817-1929 гг.). В конце XVIII – начале XX вв. в зоне влияния этого большого города получил развитие социально-экономический и культурный феномен торгово-промышленных сел (ТПС) – многолюдных (5-15 тысяч человек) негородских поселений, жители которых, оставаясь крестьянами, были практически полностью оторваны от земледелия. При этом, в силу недостаточной концентрации крупного капитала, в Нижегородском Поволжье не было фабричных сел, характерных для Центрального промышленного района России [1]. До Великих реформ Александра II (1861-1874 гг.) ТПС и их жители принадлежали помещикам, что являлось препятствием для получения городского статуса, соответствующего уровню экономического развития таких поселений. В результате, в Нижегородской губернии сложилась парадоксальная ситуация: номинальные центры уездов (уездные города) заметно уступали административно подчиненным им ТПС по числу жителей, количеству дворов, капитальности застройки.

Самые крупные и значимые для губернии ТПС окружали Нижний Новгород, располагаясь на расстоянии 40-100 км от него: на северо-западе, вверх по течению Волги находилось село Городец Балахнинского уезда; на юго-западе, вверх по течению Оки – села Богородское и Павлово Горбатовского уезда; на востоке, вниз по течению Волги – село Лысково Макарьевского уезда; на юго-востоке – село Большое Мурашкино Княгининского уезда.

Своеобразие облика ТПС проявлялось, прежде всего, в градостроительном аспекте. Не затронутые проводившимися на уровне государства преобразованиями конца XVIII – начала XIX вв., такие поселения сохраняли древнюю нерегулярную планировку, обусловленную рельефом местности (Богородское, Городец, Павлово). Впрочем, отдельные помещики по собственному почину инициировали урегулирование застройки своих владельческих сел (к этому вынуждали частые пожары). Так, в Большом Мурашкине и Лыскове, в условиях спокойного рельефа, сложились территории с регулярной прямоугольной планировкой. Архитектурными доминантами ТПС выступали каменные церковные комплексы XVII – XIX вв. Вертикали глав и колоколен (от четырех до пятнадцати единиц) формировали развитый активный силуэт и живописные архитектурные пейзажи поселений.

На рубеже XIX – XX вв. общественные центры ТПС приобрели «городской» вид: их отличала значительная плотность застройки с преобладанием двух-

трехэтажных каменных зданий, наличие инфраструктуры обслуживания, появление элементов благоустройства.

Архитектурную типологию ТПС определяли усадебные комплексы купцов и зажиточных крестьян. Многофункциональная усадьба представляла собой специфический тип жилища, отвечающий жизненному укладу ТПС. Кроме базовых жилой и хозяйственной функций, усадьба включала производственные, складские, торговые и даже общественные функции. Масштабное, структурное и стилевое единство построек превращало усадьбу в целостный архитектурно-художественный ансамбль.

Архитектурно-морфологические особенности застройки ТПС определяла фронтальная композиция уличных фасадов зданий. В отдельных поселениях сложились характерные морфотипы фасадов, организованные устойчивым сочетанием основных элементов и членений (лопаток, поэтажных поясов, венчающих карнизов, фронтонов и аттиков, осей и рядов окон). Необходимо отметить и богатый набор архитектурных деталей, придававших застройке многообразие в пределах единства.

В стилевом аспекте своеобразие архитектуры ТПС выражалось в формировании особого регионального варианта провинциальной эклектики, когда широкое распространение получило интерпретирование форм классицизма, эклектики, модерна в лицевой краснокирпичной кладке. Такая «демократичная» трактовка архитектурных стилей отвечала вкусам заказчиков из купечества и крестьянства, а также учитывала вопросы экономии средств. Архитектура деревянных жилых домов, составлявших более 90 % застройки ТПС, демонстрировала стабильность местных строительных и художественных традиций, тесно связанных с крестьянскими художественными промыслами.

Историко-архитектурная среда ТПС сочетала в себе черты города и деревни. «Высокая» стилевая архитектура была представлена лишь отдельными объектами (церковными, общественными, промышленными зданиями). Рядовые жилые постройки создавались, как правило, без участия профессиональных архитекторов, артелями потомственных строителей-подрядчиков – каменщиков и плотников. Эту анонимную «архитектуру без архитектора» (по Г.В. Есаулову) характеризовали высокие художественные качества – вплоть до самых небольших и скромных зданий [2]. Значительным оставался и компонент народного зодчества, объединявший ТПС и их окружение.

Городец, основанный во второй половине XII в., известен как древнейший город Нижегородского Поволжья. В конце XVIII – середине XIX вв. это было владельческое село Орловых – Паниных, центр судостроения, пароходства, поволжской хлебной торговли. Архитектурное своеобразие Городца определяет нерегулярная полицентрическая планировка, плотная мелкомасштабная застройка, переплетение черт классицизма с традициями деревянного народного зодчества, деревянная домовая резьба высокого художественного уровня (глухая и пропиленная).

Лысково, которое вело историю от крепости на Оленьей горе (начало XV в.), уже в XVII в. превратилось в крупное торговое село, чему способствовала близость Макарьевской ярмарки. Архитектурное своеобразие Лыскова тесно связано с деятельностью владельца, князя Г.А. Грузинского (1762-1852). Среди его начинаний – регулярная прямоугольная планировка восточной части поселения, развитый усадебный комплекс с «зимним» и «летним» домами, классицистический ансамбль церкви Вознесения. Архитектурный облик жилых и общественных зданий воплощает стойкие традиции классицизма.

Павлово, основанное в середине XVI в., являлось вотчиной Черкасских – Шереметевых. К началу XIX в. село превратилось в общероссийский центр кустарных

слесарных промыслов. Архитектурное своеобразие Павлова обусловлено развитым рельефом правого берега Оки, нерегулярной планировкой, выразительной по силуэту крупномасштабной застройкой, разнообразными по архитектуре краснокирпичными особняками с белыми лепными деталями, эффектными каменно-деревянными жилыми домами начала XX в.

Богородское, также известное с середины XVI в., принадлежало представителям нижегородской ветви Шереметевых. К середине XIX в. здесь сформировался крупный центр кожевенного производства. Нерегулярная планировочная структура сочетает в себе линейные элементы и компактное треугольное ядро, сложившееся вокруг Кабацкого озера. В однородной, гомогенной архитектуре Богородского выделяются краснокирпичные усадебные комплексы периода поздней эклектики, обладающие художественным единством и цельностью.

Большое Мурашкино, основанное в конце XVI в., было разновладельческим поселением (Грузинские – Толстые, Белосельские – Волконские), которое достаточно рано превратилось в центр овчинно-мехового производства. Его архитектурное своеобразие определяет размещение на обоих берегах реки Сундовик, регулярная прямоугольная планировка, архитектура богатых каменных особняков начала XX в. в переусложненных формах поздней эклектики, модерна, ретроспективизма.

В 1920-х гг. все рассматриваемые ТПС закономерно получили городской статус. В настоящее время это малые города, районные центры Нижегородской области. В каждом из них сохранилось разнообразное историко-культурное наследие XIX – начала XX вв., представленное значительным числом памятников и ансамблей.

Итак, бывшие ТПС демонстрируют особый путь формирования архитектурного своеобразия. Оно складывалось в основном в середине XIX – начале XX вв., в период развития капитализма в Российской империи. Почти не испытывая влияния градостроительной политики государства, дворянской культуры, деятельности профессиональных зодчих, историко-архитектурная среда ТПС стала результатом коллективного творчества народа, его наиболее активных представителей – купцов и промышленников [3].

Региональная общность историко-архитектурной среды малых городов (бывших ТПС) определяется влиянием Нижнего Новгорода – крупнейшего нестоличного города Европейской части России, важного торгового и промышленного центра на слиянии Волги и Оки. Вместе с тем, каждый из городов обладает собственным архитектурным своеобразием, которое возникло в результате взаимодействия целого комплекса факторов и условий – градостроительной ситуации, наличия крупной реки, особенностей рельефа, основного вида промысловых занятий населения, местных строительных и художественных традиций – и представляет собой неповторимую архитектурно-художественную целостность, интегрированную на уровне ландшафта, планировочной структуры, открытых городских пространств, архитектурных доминант и массивов застройки, типологических, морфологических и стилистических характеристик зданий.

Список литературы:

1. Градостроительство России середины XIX – начала XX века : монография. В 3 книгах. Книга 3. Столицы и провинция / под общей редакцией Е. И. Кириченко. – Москва : Прогресс-Традиция, 2010. – 616 с. : ил. – (Русское градостроительное искусство).
2. Есаулов, Г. В. «Третий пласт» в архитектуре юга России в XX веке / Г. В. Есаулов // АCADEMIA. Архитектура и строительство. – Москва, 2009. – № 3. – С. 36-38.

3. Лисицына, А. В. Уездные города и торгово-промышленные села Нижегородской губернии конца XVIII – начала XX вв.: два пути формирования архитектурного своеобразия / А. В. Лисицына // «Великие реки'2015» : 17-й Международный научно-промышленный форум : труды конгресса. В 3 томах. Том 3 / Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. – Нижний Новгород, 2015. – С. 191-193.

А.А. Худин

Кандидат архитектуры, профессор, доцент кафедры архитектурного проектирования,
член-корреспондент РААСН
ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный
университет», Нижний Новгород, Россия, xalexal@yandex.ru

ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ ВЗАИМОСВЯЗАННОЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

В течение всего 2023 года Нижегородским отделением Союза архитекторов России проводился фестиваль «Окно в постмодернизм». В его рамках проходил круглый стол, который был призван оценить феномен постмодернистских нижегородских экспериментов. В этой статье будут высказаны соображения по поводу того, каким образом нижегородским архитекторам удалось сформировать взаимосвязанную городскую среду.

Взаимосвязанность, целостность, ансамблевость – одни из важнейших и труднодостижимых характеристик города. Анализ двух сотен построек рубежа XX-XXI веков в Нижнем Новгороде позволяет говорить о формировании целого ряда особых пространственных конгломератов, того, что было названо мной «пространствами диалога», в которых происходит диалог и построек, и их авторов - «уважительное формообразование», опирающиеся на интерес к работам коллег-соседей. В совокупности с исторической средой, с которой налаживался изначальный диалог, можно говорить даже о своеобразных «прото-ансамблях» [1]. Осмысленный диалогизм превращает исторический центр в новую целостность, формирует градостроительную ткань, в которой даже постройки 1960-70-годов во многих случаях выглядят достаточно адаптированными, так как потеряли свою агрессивность за счет нового окружения, сформировавшего переходный масштаб – буфер между ними и исторической средой.

Представляется важным извлечь определенные уроки из постмодернистского опыта, чтобы использовать его принципы, приемы и методы взаимосвязанности среды для формирования максимально целостного облика города, чтобы не свести понятие «Нижний Новгород» только к историческому центру. Задача, бесспорно, чрезвычайно непростая, но на периферии города уже используются типично нижегородские подходы к освоению пространств и характерные формообразующие приемы.

Следует извлечь определенные уроки из нижегородского постмодернизма. Является ли «окно» постмодернизма закрытым и запертым «печатью истории» или же он продолжает отстаиваться действующим методом (стилем)? Является ли он сегодня ностальгией по благостному времени рубежа столетий или фантомной болью? Какие его черты представляют интерес для одной из главных целей профессионального проектирования - создания взаимосвязанной, целостной городской среды?

Нижегородский постмодернизм ориентирован на понимание архитектуры как **ИСКУССТВА**. Для него характерны избыточность формообразования, пластичности, театрализованности. Богатство пластического языка – один из тех элементов, который позволяет с одной стороны, позиционировать постмодернизм как сопоставимый или даже равный с историческими стилями по информативности, а с другой стороны, наладить диалог с массовым потребителем. Позитивное восприятие этой архитектуры значительным числом горожан создало благоприятную атмосферу для архитектурного сообщества. Излишество, избыточность, детализированность, по нашему мнению,

являются общими чертами и высокохудожественного ремесленничества, и высокого искусства. Эти черты позволяют современной архитектуре органично наладить диалог с окружающей средой.

Постмодернизм в Нижнем Новгороде отличает **ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОСТЬ**, стремление наполнить проектируемые объекты множеством смыслов и прочтений. Мы наблюдаем проявление многослойного кодирования, использование ассоциативных связей, то сугубо внутрипрофессиональных, то более открытых, подчас наполненных иронией, что выражается и в *поименованности* построек, как авторской, так и сторонней. Сторонние, в основном журналистские, наименования в большинстве случаев не имеют никакого отношения к авторским смыслам, но их «инакомыслие» есть мысль (sic!) в адрес архитектуры, демонстрирует не «сон разума, порождающий чудовищ» [2], а явь смысловых игривостей, что создает истории, легенды и предания, обогащающие культурную и интеллектуальную жизнь города. Текстуальность, как характерная черта постмодернизма, кроме того, формирует программу проектирования, делает его более содержательным, вступающим в противоречия и комбинации с сугубо проектными задачами, приводит к диалектике духовного и прагматического, к результирующей обоснованной сложности объектов, их естественной жизненности, столь ценимой и характерной для исторической среды провинциального города – подкупающей зрителя *неидеальностью*.

Нижегородская архитектура рубежа веков была **АПОЛИТИЧНА**, в силу того, что политики того времени боролись за власть в ее «рафинированном» виде, зарождающийся бизнес не видел в строительстве легких инструментов быстрого обогащения, исчезла регулирующая роль государства в определении единых установок в адрес творческой интеллигентности. Заказчиками архитектуры выступали бывшие «красные генералы» от строительства, вынужденные в новых условиях обращаться все к тем же архитекторам, что и в старые времена, но которые стали более независимыми, организовав собственные частные мастерские. Другая категория заказчиков представляла собой нуворищей, получивших неожиданные большие деньги и вынужденных довериться архитекторам в отношении *опредмечивания* их капиталов. Все это привело к плюрализму, разнообразию подходов, к эклектике, так как и сами архитекторы в новой ситуации потеряли привычные ориентиры. В этой ситуации ключевую роль сыграл А.Е. Харитонов, который смог и закрепить себя в общественном мнении в качестве «главного» в сфере всего, связанного с архитектурой, и определить базовый вектор для всего нижегородского архитектурного цеха – контекстуализм, определяющий взаимосвязанность городской среды.

Контекстуализм – по сути, и есть диалогичность в выстраивании ткани города. Как мы отмечали в начальных абзацах этого текста, речь можно вести даже о протоансамблях – **ПОЛИЛОГИЧНОСТИ** городской среды. Смысловые связи стилей, построек, их авторов, истории и современности стала создавать указанные «пространства диалога» через понимание роли нового объекта как средства поддержки и развития характеристик пространственной и художественной среды. Через осознание особенностей проектной задачи пришло новое понимание истории, как непрерывного процесса, в котором стирается грань между ней и современностью, когда именно история является одним из главных источников проекта, определяет конкретные композиционные приемы и ходы, присутствует зримо или завуалированно в новом здании. Интерпретация базовых композиционных схем, переосмысление типичных приемов, *перепрочтение* традиционных форм, мягкая ирония в отношении к наследию – всё это видимый инструментарий лучших объектов нижегородской архитектурной школы.

Всё вышеизложенное стало посылком к формированию **РЕГИОНАЛИЗМА**, как осознание личного вклада в историю города, укорененности в его культуре и жизни. В этом отношении типичным является то, что архитекторы, приехавшие в Нижний из других городов, становятся в большей степени нижегородцами, чем коренные архитекторы. Регионализм возникает не просто как набор из декоративных *составляющих*, а как обращение к символическим образам, архетипам городской среды. Регионализм базируется на ответственности, общности моральных ценностей, преемственности поколений – «отцы основатели» из небытия указывают нравственные и эстетические границы *допустимого*. Нижегородская архитектурная школа не то, что понимается под «школой», как выстраивание определенных деклараций, но содружество людей, четко знающих, что такое качественная и профессиональная архитектура для этого города.

Для постмодернистской нижегородской архитектуры характерно **ПРЕОБЛАДАНИЕ ДИОНИСИЙСКОГО** над апполоническим, иррационального над рациональным. Точнее надо говорить о своеобразном понимании апполонического – как, конечно, упорядоченного, всячески обосновываемого, но по-особому искаженного рационализма, когда акценты смещены к бегству от простоты и буквализма. В этом отношении «анекдот» про Е.Н. Пестова, назвавшего свою «Гарантию-2» минимализмом, очень показателен [3]. Рационализм нижегородских постмодернистов проявляется в понимании реализуемости того, что они проектируют. Несопоставимо большее количество новых построек достойного качества в Нижнем Новгороде на рубеже XX-XXI веков, по сравнению с другими провинциальными городами, объясняется именно этим качеством нижегородцев – интуитивным ощущением границ *возможного*. Имитация дорогостоящих современных решений и конструкций, экономия на второстепенном, удержание, во чтобы то ни стало, главной композиционной темы, помноженные на фанатичное или, по крайней мере, ответственное служение профессии, позволили реализовать реальную и адекватную городу среду.

Современная ситуация в отечественной архитектуре далека от тех условий, в которых возникла и сложилась нижегородская постмодернистская архитектура. Доминирование *товарного* в строительстве резко сокращает свободу формообразования и уж тем более пространственного формирования объектов и среды. В большинстве ситуаций мы видим, если так можно выразиться, *плутосийское* начало в области архитектуры и строительства. Поэтому, на первый взгляд, и основываясь на изложенных выше позициях, «окно» постмодернизма, вроде бы, захлопнулось.

Однако жизнь много богаче аналитических схем. Постмодернистские корни продолжают пронизывать большинство сколь-нибудь уникальных объектов города, а само постмодернистское сознание присутствует повсеместно. Самые, казалось бы, рационализированные проекты и объекты несут печать искусства, аполитичности, интеллектуальности, полилогичности, региональности. Даже примитивные разукрашенные «жилые» коробки (то, что я называю «оберточной архитектурой», «архитектурой фантиков»), наверное, могут быть тоже расценены как результат неистребимого желания нижегородских архитекторов украсить, разнообразить, обогатить среду. Декоративистские изыски на этих плоских фасадах подчас весьма небезынтересны. Характерно для них и использование весьма сомнительного, с нашей точки зрения, приема организации теплых лоджий, который, однако, позволяет почти совершенно свободно размещать оконные проемы и создавать дополнительные «декоративные» ритмы и метры на фасадах. В конце концов, все мы – «Дети Хохломы»... Хотя, все-таки структурное построение архитектурного объекта

представляется нам более правильным, хотя и более сложным, в особенности в рамках жилищной типологии.

Таким образом, постмодернистские принципы, методы, средства и приемы не исчезают из арсенала нижегородских архитекторов и по-прежнему используются для создания целостной и взаимосвязанной среды Нижнего Новгорода.

Список литературы:

1. Худин А.А. Пространство диалога (выявление современных прото-ансамблей центра Нижнего Новгорода как результат прикладного исследования) // Сб. научн. тр. РААСН. Т. 1. - М.: Издательство АСВ, 2022.
2. Гойя Ф. «Сон разума рождает чудовищ» // Офорт. 1797.
3. Худин А.А. Шедевр (вторая очередь банка «Гарантия») // Журнал «Архитектурный вестник». №5 (56), 2000.

А.С. Шумилкин

Кандидат архитектуры, доцент кафедры истории архитектуры и основ архитектурного проектирования

ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет», Нижний Новгород, Россия, alrcarchnn@gmail.com

ООО Архитектурное бюро «АСГАРД» Нижний Новгород, Россия, info@asgard-arch.ru

НИЖЕГОРОДСКАЯ АРХИТЕКТУРНО-РЕСТАВРАЦИОННАЯ ПРАКТИКА В XXI В.

Нижегородская земля обладает значительным историко-культурным наследием. Его наиболее древние пласты относятся к древнерусскому периоду XVI – XVII вв. Обширный типологический спектр составляют памятники жилой архитектуры, культовое зодчество, крепостная архитектура, общественные здания, промышленные здания и комплексы, архитектурно-градостроительные ансамбли.

Достаточная близость к административно-политическому и финансовому центру страны, значительный территориальный охват, богатый архитектурно-типологический и стилистический состав наследия – эти факторы обусловили формирование на данной территории во второй половине XX в. школы архитектурной реставрации, в рамках которой развивались подходы и приемы восстановления памятников нижегородского региона. Несколько десятилетий, в которые велись крупнейшие восстановительные работы на ансамбле Нижегородского кремля, памятниках древнерусской палатной архитектуры, монастырских комплексах и других постройках города и области, составили «золотой век» нижегородской реставрации. Этот период реставрационной школы связан с именами ее основателей и лидеров: С.Л. Агафонова, Ю.Г. Самойлова, В.Я. Чащина и других, вокруг которых формировался профессиональный круг последователей. [1]

Рубеж XX–XXI вв. открыл новый этап в нижегородской архитектурной реставрации. Научная база и подходы горьковской реставрационной школы стали основой ее развития в новую эпоху: в большинстве вновь созданных мастерских работали специалисты из профессиональной плеяды Горьковской специальной научно-реставрационной производственной мастерской (далее – ГСНРПМ). Это позволило сохранить методологическую преемственность и высокий статус реставрационной школы в период реорганизации отрасли в 1990-е гг.

Реставрационные работы стали охватывать более широкий типологический круг памятников Н. Новгорода и области, чем в предыдущие периоды: например, в него вошли памятники промышленной архитектуры, до этого остававшиеся вне круга научной реставрации. Стилистический спектр объектов восстановления пополнили постройки периода классицизма, эклектики, модерна, конструктивизма.

Восстановительные работы приобрели более комплексный характер, развивая приемы комплексной реставрации и приспособления ОКН для современного использования. Увеличился спектр реставрационных приемов. Направленность работ сместилась от приемов точечного восстановления памятников в сторону контекста городской среды. [2]

Масштабный объем реставрационных работ был проведен на древнейшем памятнике крепостной архитектуры – Нижегородском кремле XVI в. В ходе восстановительных работ с воссозданием значительного участка памятника в начале XXI в. было впервые за все реставрационные периоды замкнуто кремлевское «кольцо».

При проведении восстановительных работ в 2000-е гг. выполнено полное воссоздание Зачатьевской (Зачатской) башни с прилегающими пряслами, применена реставрация с использованием исторического материала (большемерный кирпич с облицовкой белым камнем, шатровая кровля с тесовым покрытием), музеефикация руин подлинных остатков башни XVI в., ансамблевая реставрация (авт. коллектив под рук. И.С. Агафоновой (ООО НИП «Этнос»), И.Б. Видманова (ЗАО «ТИК «Старый Нижний Новгород»)).

Последующий комплекс работ по сохранению стен и башен Кремля в 2019 г. включил в себя реставрацию и приспособление (Борисоглебской, Георгиевской башен и участков стен от Зачатьевской башни до Борисоглебской башни и от Борисоглебской башни до Георгиевской башни), инженерную реставрацию (авт. коллектив ННГАСУ: Соболев И.С., Гельфонд А.Л., Шапошников А.А., Агафонова И.С., Иванов Д.И.).

Практика последнего десятилетия показывает примеры полноценной комплексной реставрации и приспособления памятников жилой архитектуры Нижнего Новгорода XIX – нач. XX в. Среди них важное место занимают такие объекты, как: особняк Каменской начала XX в. на Верхневолжской набережной (реставрация и приспособление 2016 – 2021 гг., авт. коллектив ННГАСУ), Дом Чатыгина кон. XVII – нач. XVIII вв. (повторная реставрация и приспособление 2015 г., авт. коллектив ЗАО СМУ-77), жилой дом Т.А. Войткевич – В.Г. Пачкунова конца XIX в. (работы 2016 г., авт. коллектив ООО «АР ГРУПП» под рук. В.В. Ковалея).

Знаковым объектом комплексной реставрации стал «Дом В.М. Бурмистровой с интерьером» 1885 г., в котором располагается Литературный музей им. А.М. Горького. Деревянный на каменном цоколе оштукатуренный дом является примером богатого парадного особняка второй половины XIX в. в формах зрелой эклектики, выделяющегося изысканностью и разнообразием лепного фасадного декора и отделок интерьеров, инженерным оснащением начала XX в. Реставрационные мероприятия разрабатывались коллегиально ведущими проектными коллективами Н. Новгорода (ЗАО СМУ-77 (рук. Молоканов В.А.), архитектурная мастерская ННГАСУ (рук. Гельфонд А.Л.), ООО «АСГАРД» (рук. Шумилкин А.С.)). Разработанный проект восстановления объекта культурного наследия предусматривал научную реставрацию исторического облика особняка на период его наивысшего расцвета – начало XX в.

Особого внимания заслуживают примеры реставрации памятников деревянной городской архитектуры, которые составляют ценнейший пласт зодчества Нижнего Новгорода. Состояние подавляющего большинства объектов в настоящее время является аварийным, что придает дополнительные сложности при работе с ними в поле сохранения наследия.

Примером данного направления являются работы по сохранению 2020 г. «Дома М.Ф. Щелокова» на ул. Варварской – одного из старейших памятников городского деревянного зодчества первой половины XIX в. с характерными чертами классицизма. Основная задача заключалась в сохранении облика памятника, приобретенного во второй трети XIX в. (целостная реставрация «на оптимальную дату»). Практику научной реставрации памятников деревянной архитектуры можно дополнить примерами восстановления одной из наиболее ранних нижегородских построек из дерева – жилого дома №8 по ул. Ульянова, а также флигеля городской усадьбы купца В.М. Рукавишникова конца XIX века на ул. Большой Печерской (проекты реставрации ООО «АСГАРД» под рук. А.С. Шумилкина, М.Л. Ткачевой, Е.Н. Поляковой, Е.А. Ключкиной).

Ряд масштабных реставрационных работ с приспособлением проведен на крупных общественных зданиях Н. Новгорода и Нижегородской области: Здании областного суда (реставрационные работы 2007 – 2010 гг., авт. коллектив ННГАСУ под

рук. С.М. Шумилкина); Здания Арсенала в Кремле (реставрация и приспособление 2007 – 2014 гг., авт. коллектив ЗАО СМУ-77); Нижегородском академическом театре Оперы и балета имени А.С. Пушкина (реставрационные работы 2015 – 2016 гг., авт. коллектив ООО «АСГАРД», ЗАО СМУ-77).

Обширную группу реставрационных объектов составляют памятники культовой архитектуры Нижнего Новгорода. В последние годы особое внимание уделяется методам целостного воссоздания храмов, разрушенных в советский период. В рамках градостроительной реставрации к 800-летию города были воссозданы утраченные объекты культурного ландшафта Кремля: церковь Николая Чудотворца при манеже, Церковь Симеона Столпника, колокольня Спасо-Преображенского собора (ООО «Региональный инженерный центр» (г. Владимир), под рук. Ю.А. Коваля).

Современная нижегородская реставрационная практика обратилась к восстановлению и адаптации памятников промышленной архитектуры XIX – начала XX вв., составляющих значительный пласт наследия.

Уникальным объектом реставрации является Водонапорная башня системы инженера В.Г. Шухова в Выксе. В рамках восстановительных работ выполнена инженерная и целостная реставрация первоначального облика башни по стилистическому принципу, воссоздание утраченных элементов, (проект 2016 г., авт. коллектив ООО «АСГАРД»).

Пример сохранения объекта культурного наследия – восстановление Комплекса банка Рукавишниковых на Нижне-Волжской набережной (бывший промышленный корпус ПО «Маяк») по проекту Ф.О. Шехтеля. В первоначальной отделке фасадов и интерьеров «готического замка» были использованы оригинальные материалы и различные виды облицовки, чугунное литье и ковка, световые фонари с стеклянными призмами. Выполнена комплексная реставрация и приспособление здания для современного использования с заменой его промышленной функции на административную. (реставрационные работы 2022 г., авт. коллектив ООО «Асгард» под рук. А.С. Шумилкина). [3]

Таким образом, обобщающий анализ реставрационной практики предыдущих десятилетий говорит об успешном развитии нижегородской школы архитектурной реставрации в XXI вв. со сложившимися профессиональными лидерами, приемами и подходами. Выявляется, что нижегородская реставрация отражает современные тенденции, такие как:

- переход от точечной к приемам ансамблевой реставрации, учитывающим задачи комплексного сохранения среды;
- комплексный характер реставрационной практики, актуализация реставрационных приемов с задачами современного использования зданий;
- развитие кластерно-территориального подхода, объединяющего приоритетные задачи сохранения историко-культурного разнообразия региона с финансово-экономической составляющей его развития, и синтезирующего наибольший спектр реставрационных приемов при работе с объектами культурного наследия в решении задач сохранения и устойчивого развития культурного ландшафта региона.

Список литературы:

1. Памятники архитектуры в Советском Союзе: Очерки истории архитектурной реставрации / Под ред. А.С. Щенкова. – М.: Памятники исторической мысли, 2004. – 696 с: ил. – Текст : непосредственный.
2. Баталов, А. Путь эволюции категорий. Отношение к достоверности формы и подлинности материалов в отечественной реставрации XIX – начала XX века /

А. Баталов. – Текст : непосредственный // Живой город: Pro et contra. О московской реставрации. – Москва, 2010. – С. 140–145.

3. Душкина, Н.О. Реконструкция архитектурных сооружений: метаморфозы теории и перспективы сохранения наследия / Н.О. Душкина. – Текст : непосредственный // Поиски идентичности. Реставрация, восстановление, воссоздание. Материалы XIV Чтений, посвященных памяти Л.А. Лелекова (1934 – 1988). – М., 2002. – С. 39, 40.

А.А. Качемцева¹, Д.Д. Хмелевская², Т.В. Шумилкина³

¹Архитектор-градостроитель, член Союза Архитекторов России, ведущий архитектор ООО «Нижегородский проектный институт», доцент кафедры ландшафтной архитектуры и садово-паркового строительства ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет», Нижний Новгород, Россия, kachemtseva@yandex.ru

²Старший преподаватель кафедры истории архитектуры и основ архитектурного проектирования ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет», Нижний Новгород, Россия, hmelevskya-dr@yandex.ru

³Кандидат архитектуры, доцент кафедры истории архитектуры и основ архитектурного проектирования ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет», Нижний Новгород, Россия, tais27nn@yandex.ru

СОХРАНИТЬ ДЛЯ ВЕЧНОСТИ: ГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ВОССОЗДАНИЯ УТРАЧЕННЫХ ОБЪЕКТОВ ПАЛЬМИРЫ

Объекты Пальмиры, некогда стоявшей на перекрестке великих цивилизаций, сохранялись в сирийской пустыне со времен поздней античности. Сложные природные условия, крупное землетрясение 1138 года и история, насыщенная событиями, пощадили древние памятники. Отмечая их несомненную ценность для всего человечества, в 1980-м году памятники Пальмиры были признаны объектами Всемирного наследия ЮНЕСКО. Несмотря на это, в течение 2015 года боевиками террористической группы ИГИЛ были последовательно разрушены ценнейшие объекты уникального исторического наследия Сирии: уничтожен Лев Аллат, взорваны храм Баалшамина и храм Бэла, нанесен невосполнимый урон Долине гробниц. 5 октября 2015 года оказался трагически утрачен самый известный символ Пальмиры – ее знаменитая Триумфальная арка. В результате взрыва рухнул свод арки, был полностью разрушен центральный пролет, от боковых пролетов сохранились лишь крайние пилоны [1].

Сложно переоценить значение этого сооружения в мировой культуре. С XVII века европейские путешественники и исследователи посещали Пальмиру, запечатлевая ее монументальное наследие в разнообразных графических источниках. И теперь, когда человечество потеряло эти уникальные постройки, лишь графические свидетельства сохраняют их в нашей памяти и могут послужить основой для воссоздания утраченных объектов. Наиболее древние европейские изображения Пальмиры были панорамными. Таковы, например, «Вид на руины Пальмиры» Герарда Хофстеда ван Эссена 1693 года (рисунок 1) и «Панорама Пальмиры» Жиро 1705 года. В дальнейшем, на основании живописных оригиналов, выполнялись гравюрные копии (рисунок 2), что дополнительно подчеркивает неугасающий интерес к изучению объектов сирийского наследия и их влияние на общемировую культуру.

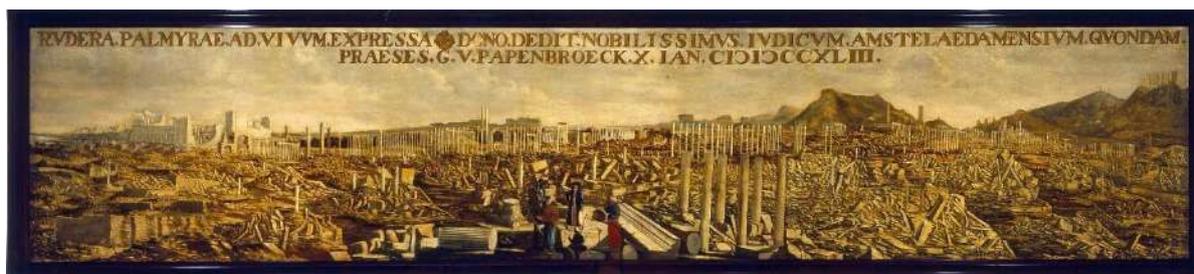

Рис. 1. Г. Хофстед ван Эссен, 1693 г. Вид на руины Пальмиры. Холст, масло

Рис. 2. Неизвестный гравер по оригиналу Г. Хофстеде ван Эссена 1693 г. Панорама Пальмиры. Ок. 1779 г. Бумага; гравюра офортом

Первое иллюстрированное описание памятников Пальмиры было опубликовано в 1753 году Р. Вудом и Д. Докинсом в виде книги «Руины Пальмиры» [2]. В него вошли рисунки Дж. Борра, во многом сформировавшие европейские представления о Пальмире, как о прекрасном образце античного наследия.

Рис. 3. Томас Мейджор. По рисунку Дж.-Б. Борры. Панорама Пальмиры
Иллюстрация из книги Р. Вуда и Д. Докинса «Руины Пальмиры...»
1753 г. Бумага; гравюра офортом

Как отмечают исследователи Центра спасательной археологии ИИМК РАН, это событие было настолько значимо для английской науки, что нашло отражение в картине Г. Гамильтона «Джеймс Докинс и Роберт Вуд открывают руины Пальмиры» 1758 года [3].

Многочисленные и разнообразные графические источники документального и художественного подвидов фиксационного вида графических источников, изображающие архитектурное наследие Сирии, предопределили появление основанных на них графических источников научного вида [4]. В частности, Р. Вуд в 1753 году и Л.Ф. Кассас в 1799-м разрабатывали варианты графической реконструкции первоначального вида Триумфальной арки Пальмиры, т.е. гипотетическое воссоздание исторического облика памятника.

После изобретения фотографии, с 1850-х годов начался массовый выпуск архитектурных фотоизображений, ориентированных на туризм. В особенности эта тенденция касалась стран так называемого «Большого тура», в который помимо Греции и Италии входили также Турция, Ливан, Египет и, разумеется, Сирия. Автором первых

фотографий Пальмиры стал Луи Винь в 1864 году. Его новаторские фотографии Пальмиры, созданные примерно через 70 лет после гравюр Кассаса, дополняют их, создавая непревзойденное визуальное представление об этом необыкновенном древнем месте.

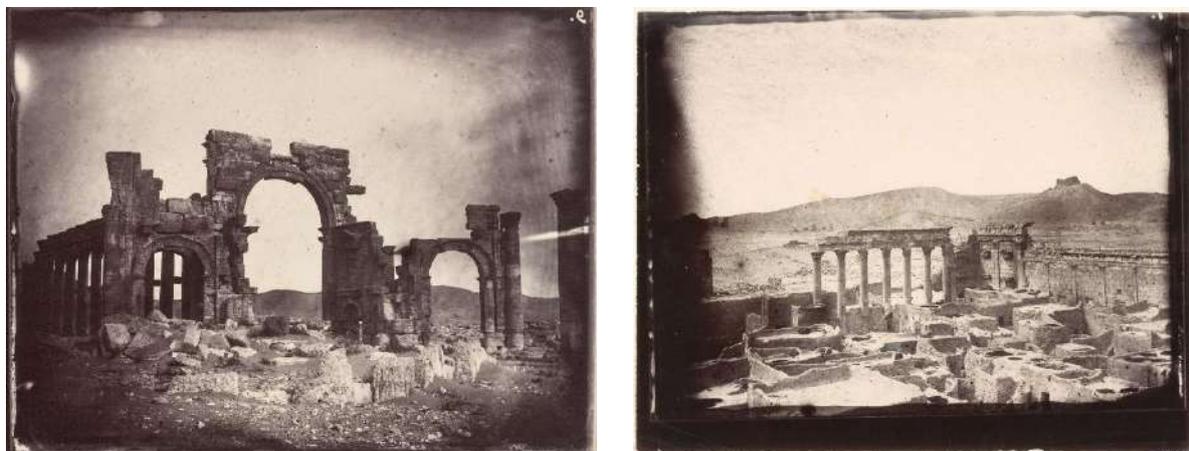

Рис. 4,5. Луи Винь. 1864. Первые фотографии Пальмиры

Не менее ценными графическими источниками, способными послужить воссозданию Триумфальной арки можно назвать комплекс обмерных чертежей, которые выполнялись французскими учеными перед началом реставрационных работ 1937 года.

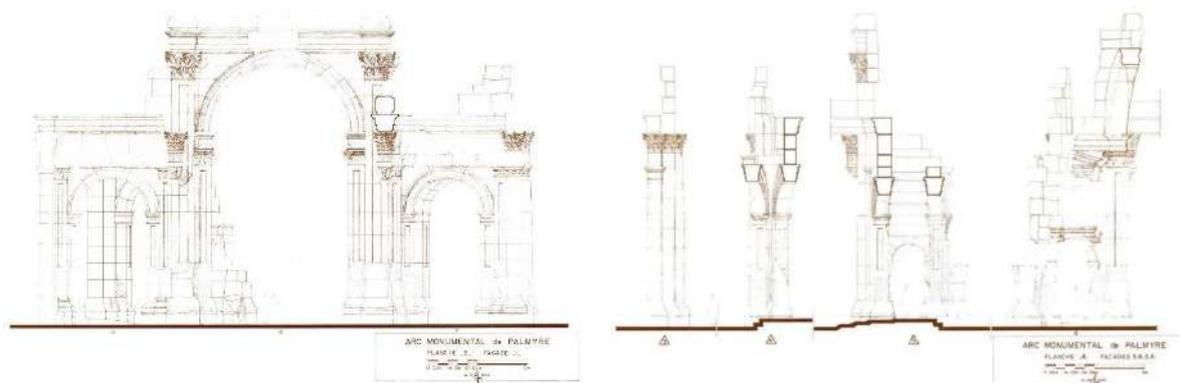

Рис. 6,7. Обмерные чертежи Триумфальной арки конца 1920-х годов

Графические источники XX века насчитывают сотни тысяч материалов как документального, так и художественного назначения. Их количество и разноплановость позволили воссоздать архитектурный объем Триумфальной арки Пальмиры в виртуальном пространстве на портале Palmyra-3d.online [5], а также в виде копии арки, которая была разработана Оксфордским институтом цифровой археологии (IDA), и демонстрировалась на Трафальгарской площади Лондона [6] в 2016 году.

Непрерывность изучения и осмысления наследия Пальмиры в графических источниках, а также ценность графических материалов для воссоздания объектов культурного наследия Сирии прекрасно проиллюстрирована онлайн-экспозицией «Наследие древней Пальмиры» Исследовательского Института Гетти 2017 года [7] и выставкой «Две Пальмиры. Архитектура», проходившей в Главном штабе Эрмитажа в 2020 году [8].

Особого внимания заслуживает проект «До и после ИГИЛ»: серия фотографий Джозефа Ида, сотрудника новостного агентства AFP, который опубликовал фотографии,

сделанные им с одних и тех же точек за два года до трагических событий в Сирии, и после них, когда город Пальмира был отвоёван сирийской армией.

Рис. 8, 9. Джозеф Ид. «До и после ИГИЛ» – цикл фотографий

Потеря этой архитектурной и культурной жемчужины напоминает нам о том, насколько уязвимы исторические памятники во время войн и конфликтов. Варварские нападения на культурные ценности являются не только уничтожением физических зданий, но и подавлением наследия, культуры и идентичности. Однако, несмотря на то, что памятники Пальмиры были разрушены, они не исчезли бесследно, сохраненные для потомков в богатейшем наследии графических материалов. Их изучение, систематизация и анализ до сих пор остаются актуальной и востребованной темой, ведь расширенная 45-ая сессия Комитета Всемирного наследия (45.COM) в 2023 году постановила по-прежнему сохранить объекты культурного наследия Пальмиры в списке Всемирного наследия, находящегося под угрозой [9].

Список литературы:

1. Соловьева, Н. Ф. Триумфальная Арка Пальмиры. Посттравматическое реагирование. Археологические исследования // Бюллетень Института истории материальной культуры Российской академии наук: (охранная археология) : Сборник статей / Науч. редакторы Н.Ф. Соловьева, С.Л. Соловьев. Том 13. – Санкт-Петербург : ООО "Невская Типография", 2022. – С. 19-46. – DOI 10.31600/978-5-907298-39-2-2022-19-46.
2. Robert Wood. The Ruins of Palmyra, otherwise Tadmor, in the Desert" London, 1753.
3. Кузеванов, О. А. История строительства, изучения и реставрации Триумфальной Арки Пальмиры // Бюллетень Института истории материальной культуры Российской академии наук: (охранная археология) : Сборник статей / Науч. редакторы Н.Ф. Соловьева, С.Л. Соловьев. Том 13. – Санкт-Петербург : ООО "Невская Типография", 2022. – С. 11-18. – DOI 10.31600/978-5-907298-39-2-2022-11-18.
4. Качемцева, А. А. Классификация графических источников в контексте реставрации историко-архитектурного наследия // Известия Казанского государственного архитектурно-строительного университета. – 2023. – № 2(64). – С. 135-145. – DOI 10.52409/20731523_2023_2_135.
5. Palmyra-3d / [Электронный ресурс] // : [сайт]. — URL: <https://palmyra-3d.online> (дата обращения: 22.10.2023).
6. Joselit, David. Heritage and Debt: Art in Globalization. Великобритания: MIT Press, 2020.
7. Creating Palmyra's Legacy / [Электронный ресурс] // : [сайт]. — URL: https://www.getty.edu/research/exhibitions_events/exhibitions/palmyra (дата обращения: 22.10.2023).

8. Две Пальмиры. Архитектура / [Электронный ресурс] // : [сайт]. — URL: <https://www.hermitagemuseum.org> (дата обращения: 22.10.2023).
9. Site of Palmyra (Syrian Arab Republic) (C 23bis) / [Электронный ресурс] // : [сайт]. — URL: <https://whc.unesco.org/en/decisions/8211> (дата обращения: 22.10.2023)

Т.Б. Ефимова¹, Ю.В. Токарева²

¹Старший преподаватель кафедры Основ архитектурного проектирования
ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет архитектуры и
строительства», Пенза, Россия, EF902@yandex.ru

²Магистр кафедры
ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет архитектуры и
строительства», Пенза, Россия

РЕКОНСТРУКЦИЯ НАБЕРЕЖНОЙ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ Г. ПЕНЗА

Исторически река является градообразующим фактором в городском планировании и развитии. Люди селились на берегах водоемов, как источников воды и пищи. Большинство крупных городов развивались благодаря близкому расположению к речным каналам, на берегах которых сооружались порты. Экономический рост городов зависел от степени взаимодействия с другими поселениями, и водное пространство давало возможность без капитальных вложений создать условия для передвижения товаров, природных ископаемых и других результатов труда.

Зачастую, прибрежные территории являются центральной частью и главным композиционным элементом города, диктуя основную схему жилой застройки. Еще одной причиной, указывающей на важность использования и развития пространств у воды, рассматривая их как новые территории для жизни человека, является факт очень стремительно растущего населения нашей земли.

В настоящее время существуют два блока проблем в отношении водных объектов в структуре города. Первый блок – экологический. Экосистема водных объектов находится в плачевном состоянии. Второй блок – отсутствие современного благоустройства.

Тем не менее, в последние десятилетия можно заметить тенденцию по преобразованию заброшенных набережных в эстетически привлекательные общественные центры тяготения горожан. Исключением не является центральная набережная реки Суры в городе Пенза Пензенской области. Она имеет протяженность 1,5 км от улицы Урицкого до Бакунинского моста. На данный момент реконструирована часть набережной, которая находится между Бакунинским мостом и мостом Дружбы. В 2020 году завершились работы по благоустройству этого участка. Однако другой участок набережной, который находится между мостом Дружбы и мостом им. В.П. Капашина, требует озеленения и благоустройства.

В территориальное планирование городской среды активно внедряется понятие «устойчивого развития» набережных, которое отражает такие критерии: защита окружающей среды, единство и неразрывность городской среды, сохранение исторического наследия, смешанное использование. Среда должна быть гармоничной, т.е. рационально организованной, оптимальной для эксплуатации, системной, динамично развивающейся, взаимодействующей с окружающей средой.

Данная территория требует грамотного благоустройства и озеленения для последующего тяготения населения.

из материалов ВКР Токаревой Ю., ПГУАС, Пенза, 2022г.

В 1663 году на левом берегу реки Пенза был заложен город Пенза. Сейчас эта территория является левым берегом изменившей свое русло реки Суры. До 1945 года река Пенза впадала в Суру за Бакунинским мостом.

Участок проектирования находится в Пензенской области в центральной части города Пензы на левом берегу реки Суры.

При подробном изучении участка были выделены следующие функциональные зоны, прилегающие к проектируемой территории: зона застройки многоэтажными жилыми домами, зона застройки среднеэтажными жилыми домами, зона застройки индивидуальными жилыми домами, зона смешанной и общественно-деловой застройки, общественно-деловая зона, и зона озелененных территорий общего пользования. Проектируемый участок относится к зоне застройки индивидуальными жилыми домами, однако по данным карты функциональных зон действующего генерального плана города Пензы, утвержденного решением Пензенской городской Думы от 28.03.2008 №916-44/4" с последующими изменениями, проектируемая территория относится к зоне озелененных территорий общего пользования. Площадь проектируемого участка – 41728,5 м² (4,2 га).

Согласно карте функциональных зон действующего генерального плана г. Пензы, который был взят с официального сайта администрации г. Пензы, данная территория является зоной озелененных территорий общего пользования. Из этого следует, что на данной территории разрешено размещение набережной.

Размещение функциональных зон обусловлено притяжением населения разных возрастных групп. Запланированы детская площадка, зона летнего кафе, спортивная зона, прогулочная у воды. Проектным предложением также предусмотрено всесезонное использование территории.

Архитектурно-планировочное решение обусловлено созданием набережной как общественного пространства, являющегося одновременно центром притяжения для горожан, общественным рекреационным пространством и пешеходным маршрутом.

Озеленение пешеходной зоны как ключевой и формирующий элемент благоустройства на рекреационной территории должно обеспечивать комфортные прогулки и отдых пешеходов, выполнять санитарно-защитную и рекреационную функции. Проектным предложением представлены аллеи и пейзажные посадки.

Например, для озеленения зоны кафе предложено использовать клен остролистный, черемуху обыкновенную, кизильник блестящий, сирень обыкновенную, тую западную Глобоза. Для посадок у воды: вейник коротковолосистый, перистошестинник мохнатый, рогоз узколистный, ирис болотный, флокс шиловидный.

Проектным предложением сформированы основные функционально-планировочные зоны: детская зона, зона кафе, спортивная зона, зона тихого отдыха, прогулочная зона у воды. В этих зонах установлено оборудование и предусмотрено их наполнение в соответствии с современными тенденциями организации общественных городских пространств.

Проектом предложено террасирование прогулочной зоны у воды, устройство пирсов и смотровой площадки.

По всей территории спроектирован транзит с учетом удобства передвижения пешеходов, высажены растения. Проект выполнен в пейзажном стиле.

Таким образом, набережная станет одновременно центром притяжения для горожан, общественным рекреационным пространством и пешеходным маршрутом.

Список литературы:

1. СП 398.1325800.2018 Набережные
2. Городское зеленое строительство: Учеб. Пособие для вузов. – М.: Стройиздат. Горохов В.А. 1991
3. Нефедов В.А. Ландшафтный дизайн и устойчивость среды. -СПб.:2002
4. <https://prorus.ru/projects/naberezhnaya-reki-sury/>
5. <https://strelkamag.com/ru/article/kak-blagoustraivayut-naberezhnye>
6. <http://www.consultant.ru>

С.В. Борисов¹, Е.М. Знаменская²

¹Кандидат архитектуры, заведующий кафедрой Храмовое зодчество
Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия,
borisov-sv@inbox.ru

²Магистр архитектуры, архитектор
ООО Архитектурное бюро «ABOVE», Москва, Россия, znamek@yandex.ru

АРХИТЕКТУРА ЕПАРХИАЛЬНОГО ЦЕНТРА В ПРЕОБРАЗОВАНИИ РЕЧНОГО ФАСАДА ГОРОДА КИМРЫ, ТВЕРСКАЯ ОБЛ.

Рассмотрим аспекты развития пространства православной России с учетом музейного аспекта, понимаемого шире, нежели устоявшееся представление о светской выставочно-экспозиционной деятельности или интерактивной вовлеченности в историко-театрализованные действия. Основным отличием является представление о живой деятельной традиции во всех сферах нематериальной и материальной культуры, что свойственно именно христианскому пониманию вопроса. Индивидуальная традиция, исторически присущая конкретному культурному коду общества, является очевидной основой его сохранения и развития.

Музейная деятельность обыкновенно связана с объектами материальной и нематериальной культуры, созданными в истории и современности одновременно, или на протяжении длительного периода времени – явлениями, оконченными в своем развитии. Указанная тематика в связи с религиозным христианским пониманием имеет существенные отличия. Исторические материальные предметы церковной культуры, как оторванные от богослужебной практики, так и не прерывающие связь с ней, в понимании христиан находятся в развитии, не являются застывшими в своем становлении, но связанными с вечностью и текущим временем. Древние храмы, иконы, ковчег или Крест с частицами святынь одновременно свидетельствуют об особенностях культуры времен их создания и деятельно участвуют в текущей жизни.

Осознание историко-культурной значимости произведений церковного искусства и архитектуры способствовало их сохранности, одновременно, свидетельствовало о прекращении их христианского понимания в качестве постоянно действующих, превращению в явления, завершенные в своем развитии. Аналогичное представление о вовлеченности верующих в церковную жизнь и производную от нее составляющую нематериальной культуры, безусловно, носит черты постоянного соприкосновения с живой традицией, непосредственной связанностью с историей. Архитектурное выражение активности Церкви, учитывая «историчность» Христианства и неразрывную связь религиозного и светского наследия, материального и нематериального, базируется, очевидно, на сохранении и живом развитии традиции. Само комплексное возрождение территорий исторического расселения, способствующее сохранению и преумножению отечественных традиций – религиозных и светских, будет являться развернутой музейно-охранительной, притом, живой и развивающейся деятельностью.

За тысячелетнюю историю сосуществования между Церковью и государством выстроены тесные экономические, политические и административные связи, реагировавшие на изменения и вызовы времени. Не последнюю роль в этом играет структура управления Церковью со своей уникальной историей и гибкими

трансформациями. Архитектурные объекты церковной власти непременно становились центрами не только духовными, но общественными и культурными.

Представляется, что Церковь в сотрудничестве с государственными структурами является реальной и едва ли не единственной силой, заинтересованной в возрождении исторических территорий расселения в России, ее малых городов, носителей отечественного «исторического кода». В указанном процессе актуальны духовные и социальные инициативы, исходящие, как принято говорить «снизу», из недр общества, так и непосредственно от Церкви, в том числе, в связи с ее административно управленческой составляющей.

Территория проектирования епархиального центра расположена в историческом центре города Кимры, Тверская обл., и состоит из двух участков, объединенных Театральной (ранее Соборной) площадью. Первый участок представляет собой квартал, ограниченный улицей Володарского, набережной Фадеева, Савеловским мостом и Театральной площадью. Здесь сохранился ряд исторических зданий, среди которых дома: Шокина; Горбылева; Зайцева; здание пожарной дружины и гостиница. Остальная часть в настоящее время занята пустырем. Второй участок является узкой полосой берегового откоса вблизи Кимрского драматического театра, построенного на месте разрушенного в 1930-е годы комплекса Покровского и Троицкого соборов.

Проектируемый епархиальный центр представляет собой асимметричную замкнутую объемно-пространственную композицию, включающая значительное число иерархически расположенных, различных по габаритам и пропорциональному строю объектов (храмовых и вспомогательных), соединенных коммуникациями в уровнях верхних этажей, в непосредственной близости к кафедральному собору (восстанавливаемому в новых формах вблизи исторического участка).

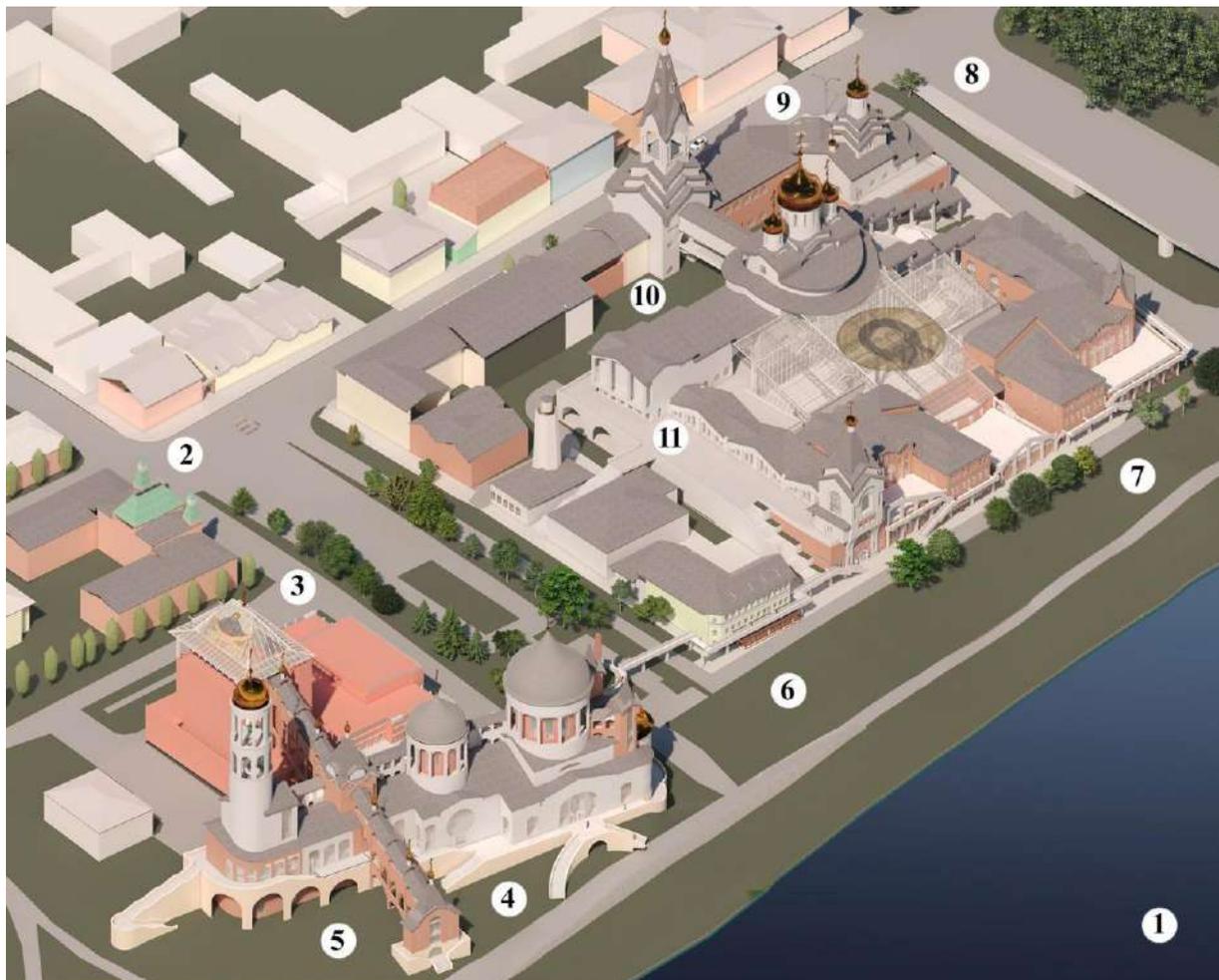

Рис. 1. Епархиальный многофункциональный комплекс, как основа возрождения историко-архитектурной среды г. Кимры, вид с высотной точки с юго-запада.³
 1 – русло р. Волги; 2 – восстанавливаемый Гостиный двор; 3 – театр драмы и комедии, над театральной коробкой расположена соборная колокольня; 4 – соборный комплекс; 5 – лестничный всход с набережной на соборную колокольню; 6 – сохраняемая историческая жилищная застройка; 7 – епархиальный комплекс, на набережную выходит квартал жилья, сдаваемого внаем; 8 – храмовая часть епархиального комплекса; 9 – административные помещения епархиального комплекса; 10 – надвратная колокольня; 11 – образовательный центр с крытым остекленным атриумом и крестильным шатровым храмом в верхнем уровне, выходящим на набережную

По функциональному наполнению епархиальный центр является самообеспечивающимся комплексом, определяющим духовно-социальную составляющую поселения с наиболее полным функциональным наполнением, включающим составляющие:

- религиозная (собор, храмы, домовые церкви, колокольня (звонница);
- административно-управленческая (залы приемов, административные помещения округа епархии);

³ Рис. 1: автор Знаменская Е.М., научн. рук. Борисов С.В., кафедра Храмовое зодчество, Московский архитектурный институт, 2021–2023 гг.

– социального служения (объединение музейной части соборного комплекса с сохраняемым зданием театра в единый социальный комплекс; приходская школа; трапезные для обездоленных);

– образовательная (архитектурно-ремесленный колледж с производственными мастерскими; музейная часть в стилобате соборного комплекса);

– жилая (жилые покои архиерея; жилье епархиальных служащих (клириков и светских); жилые помещения работников);

– ландшафтная (благоустройство территории; озеленение внутренних помещений атриума);

– экономического самообеспечения (корпуса благоустроенного жилья вдоль набережной Волги, сдаваемого внаем; архитектурно-ремесленный колледж; музейно-театральный комплекс).

Образное и композиционное решение проектируемого объекта продолжает традиции наиболее крупных исторических епархиальных комплексов России. Образно-стилистические решения основаны на современном претворении традиций регионального зодчества, выразительные образцы которого созданы местными промышленниками и купцами на протяжении XIX – начала XX веков в направлениях русского историзма и модерна. Указанная архитектура, возможно, не отличается столичной изысканностью, но характеризуется живописностью и декоративностью, яркой колористикой, образной и композиционной насыщенностью, создавая неповторимый облик уютного русского города.

Список литературы:

1. Знаменская Е.М. Епархиальный административный многофункциональный комплекс, как основа возрождения исторических центров малых городов на примере г. Кимры: диссертация магистра архитектуры; научный руководитель С.В. Борисов; МАРХИ. – М., 2023. 130 с.

2. Борисов С.В. Развитие структуры архитектурного пространства православия в России [Электронный ресурс] // Architecture and Modern Information Technologies. 2023. № 1(62). С. 139–149. URL: https://marhi.ru/AMIT/2023/1kvart23/PDF/08_borisov.pdf. DOI: 10.24412/1998-4839-2023-1-139-149.

3. Борисов С.В. Новые тенденции развития архитектурного пространства православной России [Электронный ресурс]: учебное пособие; Московский архитектурный институт, Кафедра «Храмовое зодчество». – Тверь: Тверской государственный университет, 2023. 620 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=50440895>.

К.А. Даниленко

Аспирант, ассистент кафедры Основы архитектурного проектирования
ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет архитектуры и строительства»,
Пенза, Россия, artistbs@ya.ru

МЕТОДЫ И ПРИЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ОБЛИКА ИСТОРИКО- АРХИТЕКТУРНОЙ СРЕДЫ ГОРОДА

***Аннотация:** статья посвящена проблематике внедрения современной застройки в историко-архитектурную среду, сохранению исторической застройки и объектов культурного наследия, их взаимодействию с окружающей застройкой в условиях развивающегося города. Рассматриваются методы и приемы сохранения исторического облика города.*

***Ключевые слова:** историко-архитектурная среда, памятники архитектуры, объекты культурного наследия, современная застройка, внедрение, облик города.*

Сегодня в среде динамического градостроительного развития все чаще подчеркивается важность сохранения исторической застройки и ее совмещение с новыми архитектурными объектами. Многие страны прилагают огромные усилия для обновления и сохранения историко-архитектурной среды, так как она является источником национальной гордости.

Лисицына А.В. в своей диссертации «Историко-архитектурная среда малых и средних городов Нижегородского Поволжья», сформировала определение историко-архитектурной среды – это пространственно-временная система, включающая: формирование на протяжении длительного периода времени; взаимодействие планировочной структуры, открытых городских пространств, архитектурных объектов с природными элементами и археологическим наследием; насыщение эстетическими свойствами; материальная и ментальная память о прошлом города; концентрированное сосредоточение архитектурно-градостроительного наследия прошлого. [1, с 25].

Однако методы внедрения современной застройки в историко-архитектурную среду по-прежнему остаются дискуссионным вопросом. Рассмотрим несколько точек зрения на данный вопрос.

Феномен памяти в архитектуре рассмотрела Д.В. Бакшутова в своей диссертации «Архитектурное воплощение феномена памяти в новейшее время», автор выявила три характерных подхода, ставшие неотъемлемой частью новейшей архитектуры: *аналогический подход*, концептуализированный А. Росси, позволяет современным архитекторам использовать исторические аналоги; *палимпсестный подход*, П. Эйзенман, предоставляет инструментарий для работы с пространственно-планировочными и материальными следами истории и памяти места; *коллажный подход*, К. Роу и Ф. Кеттера, применяется для соединения старого и нового, реконструкции, адаптации и артикуляции реальных исторических артефактов [2].

Метод скрытой реконструкции. А.Э. Гутнов в своей монографии «Эволюция градостроительства» на основе анализа московского опыта начала 1980-х гг. называет основным методом реконструкции исторической среды метод «скрытой реконструкции» – обновление исторической среды, затрагивающее в основном городские пространства, находящиеся вне поля восприятия и функциональной активности людей [3]. Им были сформулированы следующие принципы скрытой реконструкции: развитие и всемерное

использование традиций места, его функциональных и архитектурных особенностей; безусловное соблюдение существующих линий застройки; строгое регулирование этажности; поддержка архитектурно-стилевых особенностей среды; реставрация памятников; специальные мероприятия по ограничению наземного транспорта в тех случаях, когда он вступает в противоречие с исторически сложившейся планировочной структурой.

Метод бесконфликтной реновации. В. Э. Стадников совместно с архитектурным бюро «Остоженка» разработал метод «бесконфликтной реновации» исторического квартала. По сути, предлагалось использовать коды идентичности исторической застройки при новом проектировании, что должно было позволить сохранить масштаб застройки и максимально использовать территорию квартала. Для этих целей разработаны схемы типовых рядовых, угловых и торцевых домовладений для «встройки» в исторический квартал [4]. В целом принципы «бесконфликтной реновации» можно сформулировать так: восстановление исторической парцелляции; разработка функциональной программы; формирование пешеходной сети и общественных пространств; формирование локальных центров активности; определение зоны интересов и ответственности собственников домовладений; поэтапная реконструкция с опорой на культурное наследие с сохранением памятников архитектуры.

Метод критической реконструкции. Опыт «критической реконструкции» Берлина всесторонне был изучен Е.Ю. Рыбаковой в диссертационном исследовании «Концепция «критической реконструкции» Х. Штимманна в архитектуре современного Берлина» [5]. Проведенный Е.Ю. Рыбаковой анализ объектов, построенных в Берлине в период деятельности Х. Штимманна на посту сенатора, позволил ей выявить доминирующие архитектурные приемы, при внедрении новых объектов в городскую структуру, а именно: *разукрупнение квартала* за счет усложнения объема здания и использования разнообразных вариаций мансард; *замыкание квартала* – прием предполагающий возрождение целостности утраченного исторического квартала; *фиксация угла квартала* – архитектурный прием для решения угловых сегментов кварталов; *акценты, созданные совокупностью приемов*: объемные, высотные и контрастирующие; *оформление фасадных вставок* приемы как сглаживающие примыкание зданий друг к другу, так и контрастные, выявляющие динамичные акценты; *контрастные фрагменты на фасадах и в интерьерах* – прием совмещения исторических и современных фрагментов в фасадах и интерьерах; *имитация по принципу «ретроразвития»* - прием создания нового сооружения, в традиционных формах (историческом стиле)

Метод комплексной реконструкции на основе архитектурно-исторических морфотипов среды. В конце 1990-х гг. творческим коллективом кафедры «Градостроительство» СамГАСА под руководством док. арх., проф. Е.А. Ахмедовой была предложена методика ведения реконструктивной и строительной деятельности в историческом центре Самары [6]. В данной разработке для осуществления стратегии градостроительной реконструкции предлагаются следующие принципы: вытеснение из ценных центральных пространств исторического ядра города функций, не связанных с функционированием общегородского центра; установление соотношения престижности архитектуры и престижности местоположения зданий и сооружений в системе исторического общегородского центра; регулирование соблюдения режимов реконструкции путем архитектурно- планировочных ограничений на проектирование и реконструкцию в историческом ядре города; преемственность композиционно-планировочного построения структуры исторического ядра города (доминанты, площади, градостроительные оси, планировочные узлы), сохранение масштаба городских пространств в наиболее ценных историко-градостроительных узлах ядра; реорганизация транспортно-пешеходной системы; обновление инженерной инфраструктуры; высококачественный архитектурный и ландшафтный дизайн исторической среды. Авторы не считают жесткое стилистическое ограничение нового строительства в историческом

центре перспективным, так как это ограничивает творческие возможности архитектора. Все это может привести нас к достижению правильного баланса между сохранением нашей истории и использованием преимуществ современного развития. Поэтому в качестве рекомендаций были предложены стилистические подходы к созданию архитектурного образа новой застройки: историческая стилизация, ретроспективный подход, имитационный подход, подход инспирирования, контекстуальный подход, новационный подход [6].

Можно найти массу примеров внедрения современной застройки в историко-архитектурную среду города, отражающие различные точки зрения на данный вопрос и различные подходы. Определенный итог подводят международные документы. Вашингтонская хартия (1987 г.) [7] гласит: «Внедрение элементов современного характера, при условии сохранения общей гармонии с окружением, не должно обескураживать, так как такие особенности могут способствовать обогащению пространства». В документе «Принципы Валлетты» (2011 г.) [8] говорится, что «внедрение современных архитектурных элементов должно происходить с уважением к ценности места и его окружения. Новая архитектура должна быть совместима с пространственной организацией исторического района, уважать его традиционную морфологию и в то же время правильно представлять архитектурные тенденции времени и места. Независимо от стиля и методов выражения, новая архитектура должна избегать негативных последствий резких или чрезмерных контрастов, вмешательства в преемственность, разрывов городской ткани и пространства.

Список литературы:

1. Лисицына, А. В. Историко-архитектурная среда малых и средних городов Нижегородского Поволжья: специальность 05.23.20 "Теория и история архитектуры, реставрация и реконструкция историко-архитектурного наследия": диссертация на соискание ученой степени доктора архитектуры / Лисицына Александра Владиславовна, 2020. – 1193 с.
2. Бакшутова Д. В. Архитектурное воплощение феномена памяти в новейшее время. - Дис. ...к арх. Специальность 2.1.11. Теория и история архитектуры, реставрация и реконструкция историко-архитектурного наследия – Самара: СГТУ, 2022. – 222 с.
3. Гутнов, А.Э. Эволюция градостроительства / А.Э. Гутнов. – М.: Стройиздат, 1984. – 256 с.
4. Стадников, В.Э. Метод бесконфликтной реновации типового регулярного квартала исторического российского города / В.Э.Стадников // Архитектон: известия вузов, 2010. – №32. – С.5.
5. Рыбакова Е. Ю. Концепция «критической реконструкции» Х. Штимманна в архитектуре современного Берлина. - Дис. ...к арх. Специальность 05.23.20. «Теория и история архитектуры, реставрация и реконструкция историко-архитектурного наследия». – М.: МАрХИ, 2019. – 253 с..
6. Ахмедова Е.А., Баранова, Т.В. Типология объектов нового строительства в историческом ядре города Самары (градостроительные аспекты проблемы) / Е.А. Ахмедова, Т.В. Баранова // Стройинфо. Региональный выпуск. - Самара,1996. - №12 - С.39-40
7. Международная хартия по охране исторических городов (ВАШИНГТОНСКАЯ ХАРТИЯ 1987), утвержденная Генеральной Ассамблеей ИКОМОС в Вашингтоне, октябрь 1987
8. Принципы Валлетты по сохранению и управлению историческими городами и урбанизированными территориями, принятые 17-й Генеральной Ассамблеей ИКОМОС 28 ноября 2011 г.

С. В. Норенков¹, Е. С. Крашенинникова²

¹Доктор философских наук, профессор, академик Международной академии инвестиций и экономики строительства

ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет», Нижний Новгород, Россия, snorenkov@yandex.ru

²Кандидат философских наук, доцент кафедры Сервиса, туризма и менеджмента

ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет», Нижний Новгород, Россия, Krash_es@mail.ru

Синархиотектоника ансамблевости в синтезе архитектурно-строительных искусств

Десятки дисциплин и специальностей, изучаемых за годы обучения в вузе архитекторами, градостроителями и дизайнерами, нуждаются во взаимной увязке, синтезе при активном использовании их в проектировании. Если этого не происходит, то учение в итоге оказывается бесполезным, мало востребованным. В подготовке и творчестве проектировщиков умение исследовать и интегрировать знания просто необходимо [1]. Отсюда понятен дефицит интегральных алгоритмов научно-технического, искусства проектного мышления, взаимосвязи философов и культурем, художественно-эстетического понимания важности разумно осознанных взаимодополнений экологической и экономической действительности, полёта вымысла и виртуальной реальности.

Решение сложнейших задач научного анализа и синтеза, необходимо при проектном внедрении синтеза архитектурно-строительных искусств в иерархической последовательности. Прежде всего следует определить философские, социоантропологические и экономико-культурологические истоки интеграции пластически выразительных искусств, участвующих в процессе формообразования предметно-пространственной среды городского или сельского ансамбля. Затем важно раскрывать синархиотектоническую культуру человека как интеграционного, социокультурного индикатора антропоморфной меры совершенства ансамблестроения современной среды обитания людей.

Следующий шаг дает возможность разграничивать и соотносить в социокультурной антропологии, как новом научном направлении, особенности синархиотектонической деятельности людей по творческим, профессиональным, композиционно-визуальным программам формирования типов ансамблей. Далее важно развивать морфологическую модель синархии синтеза искусств в единстве функциональных видов архитектурно-строительных искусств, органически включающихся своими продуктами-произведениями в ансамблевые пространства. Затем следует выделять перспективные культурно-исторические основы создания и потребления поливариантных ансамблей. Они разворачиваются в важнейших закономерностях урбоэкологических тенденций их функционирования на региональных примерах превращения поселений в города, городов – в агломерации и мегаурбоэкополисы.

На базе ряда концептуальных умозаключений в области современной философии и культурологии формируется своеобразная сфера синергично-конвергентных знаний высокого уровня абстракций. Это, прежде всего, культурфилософская методология и

область интеграции новых системных и научных направлений. Они вполне эффективны для концептуального проектирования, планирования и программирования. Многообразная информация об ансамблестроении конкретизируется в познании практических деяний человека создающего. В русле развития диалектики, как всеобщей методологии познания мира, верхний уровень синархитектонического подхода охватывает в единое целое проблемы науки, техники и искусства. Он идет по путям формирования городских и сельских ансамблей на основе устойчивого развития архитектурной культуры общества.

Метод графологического построения моделей, взаимодействующих в локальном пространстве архитектурных искусств, включенных в формирование очеловеченной среды обитания, позволяет выделить ядро – ансамбль и области составляющих его системных элементов. В различных видах связей выявляется иерархия методологических подходов, отражающих поля и области, сферы и среды градостроительства. В движении от понимания общего, в свою очередь находится отражение в методологии специальных областей общенаучного и профессионального знания. Например, в системных методах контекстуально-средового подхода, законах и принципах архитектуры и синархии, критериях синархической тектологии, исторических законах синтеза искусств [2].

Конечным результатом ансамблевого освоения городской и сельской среды, как продукта урбоградостроительной и архитектурно-дизайнерской деятельности, является архитектурный ракурс обеспечения ее гуманного и цивилизованного, гармоничного и культурного формирования. Архитектурная культура человека, возвышающаяся до целостного творчества, разворачивается в сериях образных схем и моделей как базовый проектный аспект человеческой деятельности, направленной на творческое, художественно-эстетическое построение элементов окружающей предметно-пространственной среды города. Целью переходов, обращенных к человеку, являются «очеловеченные» элементы среды в культурно-экономической целостности ноуменального феномена – синтез архитектурных искусств в ансамбле [3].

Человек был, есть и будет главным приоритетом в истолковании и утверждении ценностей любого выразительного синархитектонического ансамбля. Мера человека есть ключ для реализации успешного творчества проектантов. Отсюда и особое внимание к антропологии и антропоморфологии, которые есть внутренняя пружина для декодирования авторских путей для проектантов, критиков и экспертов. Понятие «антропоморфология» образуют три термина, имеющие латинские корни (лат. «антропос» – человек, человеческий, лат. «морфо» – форма и «логос» – логика, учение). На русском языке можно идентифицировать ведущий смысл, вкладываемый в «антропоморфологическое» качество как единство трех начал: «человек + форма + учение».

В контексте моделирования культурных связей социума и этого триединого смыслового образования с понятием «ансамбль» особенно перспективно прослеживаются основные конструктивные идеи гуманизации социально-урбанизированной среды обитания людей. Здесь содержится основное противоречие «между индивидуальностью творчества зодчего и коллективностью процесса проектирования» [4]. Всякое полноценное архитектурное произведение, включенного в ансамбль, по большому счету, уже уникально, неповторимо. Авторство и плагиат различаются также как «хорошо» и «плохо». Для обучающихся профессиям архитектора, градостроителя, дизайнера взять чужое для своего проекта недопустимо и значит профессиональную непригодность.

У всего прекрасного есть и общие черты. Универсальность мира раскрывается через «тождество», «равенство» и «неравенство». Отсюда берет свои истоки

одновременная универсальность и своеобразие, уникальность программирования алгоритмов ноосферной архитектоники, авторского мастерства в зодчестве. Зодчество – это коллективный творческий труд по проектированию и доведению проектов до реализации с сохранением русского духа. Там же Ю. Арндт писал: «Главной областью архитектуры всегда было градостроительство в самом широком понимании этого слова» [5].

Ансамблевость, как сложнейшее непреходящее по ценности общественное явление современной культуры, экономики и цивилизации, исследуется методами системного, средового и деятельностного подходов. В свою очередь они конкретизируются в соответствии с многоликим предметом и объектом познания по критериям (рас)согласованности меры: гармонизация, консонанс и диссонанс. С позиций формализованной концептуальной методологии сотворческого самоутверждения любого автора в разных масштабах проводится собирательное аналитическое моделирование с привлечением синтеза искусств. С помощью профессиональных проектных алгоритмов в работе включаются философские, социоантропологические и культурно-экономические компоненты системы синархитектонической деятельности человека. Ансамблевость осуществляется в единстве архитектуры, градостроительства и дизайна, архитектурного и градостроительного дизайна, в синтезе архитектурных искусств (рис. 1).

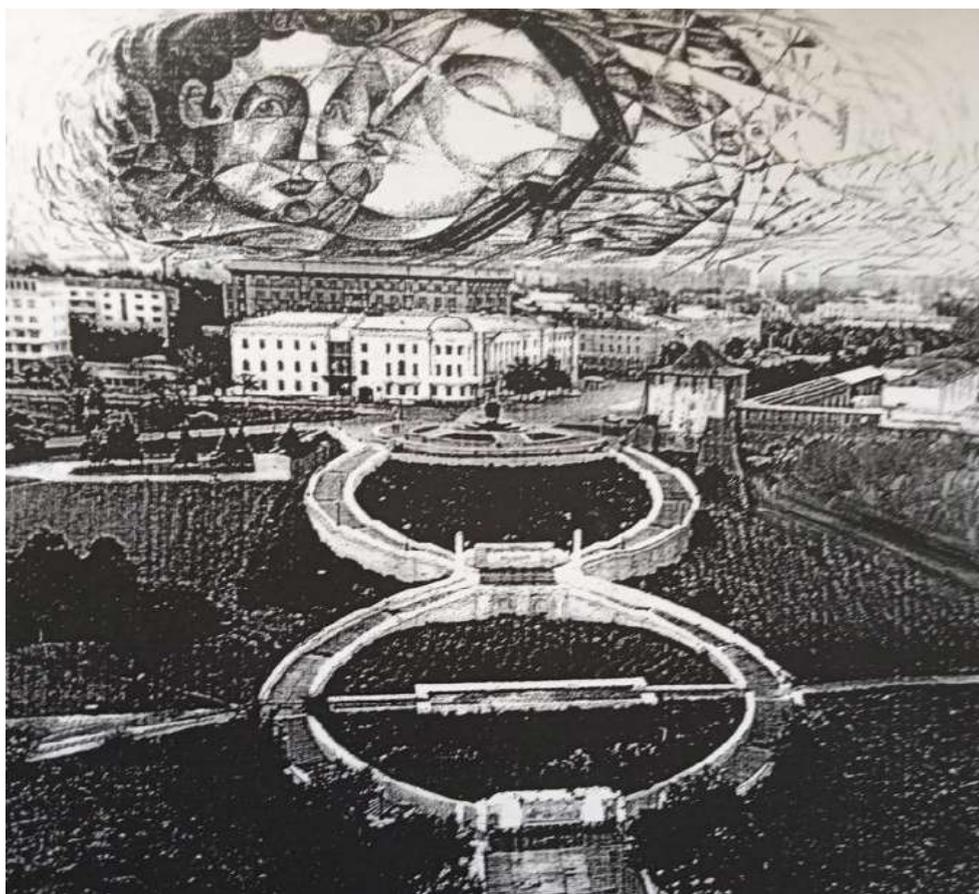

Рис. 1. Собирательный образ ансамблевости синтеза архитектурных искусств Нижегородчины (автор «небесных лиц» Николай Котельников архитектор ГИСИ им. В. П. Чкалова)

Список литературы:

1. Гельфонд А. Л. К 50-летию первого выпуска архитекторов ГИСИ – ННГАСУ (научная статья) // Приволжский научный журнал. - Н. Новгород: ННГАСУ. – 2021, № 4, С. 128–134.
2. Александров, Н. Н. Формула истории / Н. Н. Александров – Москва: Издательство Академии Тринитаризма, 2011. – 476 с. : ил.
3. Норенков С. В. Архитектоническое искусство: культура проектного творчества – / Норенков С. В., Крашенинникова Е. С. Монография. – Нижний Новгород: изд-во ННГАСУ, 2019. – 278 с.
4. Зодчество 1 (20). Союз архитекторов СССР, Ленинград. Типография № 3, 1975. – 231 с.: ил.
5. Там же. С. 8.

Р.С. Сазанова

Кандидат архитектуры, старший преподаватель кафедры Архитектурного проектирования
ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет», Нижний Новгород, Россия, rimma.karavaeva@mail.ru

АРХИТЕКТУРА КОНФЛИКТА В ТВОРЧЕСТВЕ ДАНИЭЛЯ ЛИБЕСКИНДА

Даниэль Либескинд (Daniel Libeskind) прочно вписал свое имя в историю архитектуры. Его творчество отличается своим радикальным, даже агрессивным подходом. Он стал известен благодаря запоминающимся своей остросюжетной динамикой образам зданий и свободной манере выражения философских размышлений через архитектурную форму.

В архитектурной практике привычным и профессиональным считается трепетное внимание к контексту – его архитектурно-художественной целостности, историческим, культурным пластам. Средовой подход с выявлением композиционных осей и масштаба, происходящих от окружения – то, что сопровождает проектные поиски при работе в исторической среде городов. Даниэль Либескинд показывает, что с пространством города можно вести диалог совершенно иным образом. Там, где другой подчинился бы контексту, «снял шляпу» перед солидными зданиями, что стоят по соседству, Либескинд входит, «громко топая». Его архитектура не прячет себя за фальшивыми декорированными фасадами, она честно заявляет о себе, своих новых возможностях и новой эстетике. Разумеется, затем следует критика и споры, но в итоге его конфликтная по отношению к окружению архитектура становится своей в городском контексте, иногда и подчиняет его себе, при этом оставаясь собой. Такой подход смел, нестандартен и даже возмутителен, но, получается, он тоже возможен. Это путь конфликта, который ведет к новому порядку. Можно долго пытаться уловить теоретические принципы, по которым действовать подражателям, но это не всегда имеет смысл. Здесь выходит на первый план авторский жест – уникальный, артистичный и мастерски точный.

Даниэля Либескинда с присущей ему эмоциональностью, экспрессией называли «архитектором трагедии». Фирменным жестом стал подчеркнутый острый угол, а также мощный консольный вынос этой «остроугольности». «Все наше существование – это борьба эмоций. Они делают наш мир таким удивительным. Наши города сами порождают это противостояние - противостояние между чувствами и безразличием. Именно оно движет прогрессом, причем прогрессом не только архитектурных форм, но и внутренним прогрессом не только тех, кто их построил, но и тех, кто в них живет [2]».

Так сложилось, что смысловая составляющая большей части из самых известных произведений автора была связана с трагическими событиями в истории человечества, конфликтами. Северный филиал Имперского военного музея в Манчестере (2001 г.), Еврейский музей в Берлине, реконструкция военно-исторического

музея бундесвера в Дрездене – это некоторые из них. Авторская экспрессия позволяла вновь и вновь создавать «говорящие здания», которые передавали истории боли и страданий. Осколочная эстетика, которую мы помним еще в живописных работах художников-экспрессионистов начала XX века, раскрыла себя в материальных архитектурных объемах.

Еврейский музей в Берлине (Рис. 1) – первый реализованный проект Либескинда, а вместе с тем и самый известный. Он наиболее полно и ярко демонстрирует архитектурные идеи автора. Еврейский музей планировался как филиал краеведческого музея Западного Берлина, здание которого является памятником архитектуры XVIII века. По соседству с архитектурой барокко возникает новый корпус – мощная зигзагообразная форма плана и облицованный цинковыми пластинами фасад. Этот объем здесь чужероден, и в этом есть особый посыл. Это не просто ошеломляющее своей нестандартностью здание, но еще и философское высказывание, полное метафор. Части экспозиции «Ось Холокоста», «ось Эмиграции», «ось Непрерывности» повествуют об истории еврейского народа. Здание ведет диалог с посетителем выставки, который постоянно сталкивается с трудностями: наклонный пол, тупики и поиски верного пути экспозиции [1].

Рис. 1. Еврейский музей в Берлине, 2001 г.

Переломные моменты истории всегда находят отражение и в архитектуре. Изменение исторических, социальных доминант порождает новую свободу архитектурного творчества. Это отчетливо прослеживается в истории архитектуры. Вспомним, что начало XX века с его радикальным переустройством в политической и культурной среде оставило нам в наследство еще и новый слой художественных образов, форм и смыслов. Также мы видим, что последствия Второй мировой войны переосмысливаются художниками и архитекторами снова и снова.

Примером того, как архитектура участвует в исторических процессах, является и творчество Либескинда. Вот одна из его цитат: «Порой одно здание способно повлиять как на наше понимание прошлого, так и на наш взгляд на будущее, а также лишней раз продемонстрировать, что наш мир существует между стабильностью и непостоянством [2]».

Военно-исторический музей бундесвера (вооруженных сил) в Дрездене (Рис. 2) был реконструирован по проекту Даниэля Либескинда в 2011 году. Изначально предполагалось, что вновь возводимая часть музея займет второстепенное положение по отношению к уже существующему зданию арсенала, построенному в 1877 году в стиле неоклассицизма. Победивший же в конкурсе Либескинд действовал с присущей ему энергичностью и эмоциональностью в архитектурных высказываниях. В главный фасад существующего здания был буквально вбит острый клин стеклянного объема

пристраиваемой структуры. Направленный в небо, клин достигает высоты тридцати метров. Новый объем разорвал логику пространства своей мощной динамикой. Этот прием вызвал множество споров, но автор подчеркивал концептуальный подтекст своего решения. В своих интервью автор говорит, что проект призывает задуматься о том, почему люди участвуют в организации насилия, почему принимаются решения, приводящие к войнам и катастрофам и как переплетаются военная история и судьба города. Несомненно, таким способом Даниэль Либескинд решает проблему сохранения исторической памяти в архитектурном наследии. «Архитектура должна взаимодействовать с происходящим, каким бы сложным оно не было, она должна иметь свою позицию, возможно неожиданную для нас, свою оценку происходящего [2]».

Рис. 2. Военно-исторический музей бундесвера в Дрездене, 2011 г.

Отношения архитектуры с контекстом, в котором она возникает, являются не только практической задачей, которая вновь и вновь возникает перед архитектором, но также темой теоретических размышлений. Творчество Даниэля Либескинда показывает, что при всем многообразии решений этой задачи в истории архитектуры периодически возникают новые неординарные решения. Это демонстрирует неисчерпаемый потенциал творческой мысли, а также вселяет надежду, что таким путем архитектура помогает человечеству преодолевать конфликтные ситуации, сохранять историческую память и принимать верные решения во имя мира и гармонии.

Список литературы:

1. Официальный сайт Д. Либескинда [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://libeskind.com/work/>
2. Libeskind, Daniel. 17 words of architectural inspiration [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.ted.com/talks/daniel_libeskind_17_words_of_architectural_inspiration/transcript?language=ru

О.Н. Чеберева¹, Al Ghadhban D.²

¹Кандидат архитектуры, доцент кафедры Рисунка и живописи
ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет»,
Нижегород, Россия, chebereva@mail.ru

²Студент группы А.1.22.
ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет»,
As-Suwayda, Siria, bassas79@yahoo.com

THE ARCHITECTURAL HERITAGE OF SUWAYDA CITY: THOUGH THE RAIN TO THE HISTORY OF BLACK STONES

The city is called “little Rome”, because of however Suada was founded by the Nabataeans, it became well known as Dionysias Soada during the Hellenistic period and, then, during the authority of Roman Empire, for the god Dionysus, patron of wine - the city is situated in a famous ancient wine-producing region [1].

As-Suwayda is the largest city in Jabal al-Arab or As-Suwayda Governorate, and the city and governorate are famous for its many Roman ruins, as you hardly pass through a small village or town without encountering Roman, Nabataean, Byzantine, Greek, or other ruins ,that require scientific researches and conservations.

There are many archaeological areas dating back to ancient times, some of which go back to the first Stone Age, as evidenced by caves and sites in which ancient humans settled. There are a number of sites and caves discovered in the governorate that indicate the settlement of the first humans in the region. The city of As-Suwayda is famous for its museum, which includes many of the governorate’s archaeological remains. The region is an open museum that includes many Roman, Byzantine, Nabataean, and other cities and archaeological sites. The archaeological remains are widely spread throughout the governorate, and are represented in temples, palaces, columns, churches, theatres, Roman baths, gates, Roman and Greek water tanks and canals, bridges, and residences that cover every city, town, and village on the planet. Extension of the governorate areas [1].

One of the most important archaeological sites in the city, which dates back to the Roman era and before, is the town of Qanawat. It is one of the earliest cities in the Hauran areas. It was known in the Hellenistic era as Kanatha. It was mentioned for the first time in the reign of Herod the Great (1st century BC), when Nabatean Arab forces defeated a Jewish army. It remained an issue of contention between the two powers.

It was a city of the Decapolis which was a group of ten Hellenistic cities on the eastern frontier of the Roman Empire in the Southern Levant in the first centuries BC and AD [2]. They formed a group because of their language, culture, religion, location, and political status, with each functioning as an autonomous city-state dependent on Rome. They are sometimes described as a league of cities, although some researchers suspect that they were never formally organized as a political unit.

The city's extensive ancient ruins are 1500 meters in length and 750 meters in breadth. Among them are a Roman bridge and a rock-hewn theatre, with nine tiers of seats and an

orchestra nineteen meters in diameter, also a nymphaeum, an aqueduct, and a large prostyle temple with portico and colonnades. North-west of the town is a late 2nd- or early 3rd-century peripteral temple, built on a high platform surrounded by a colonnade. For years, this temple was believed to honour Helios, but an inscription discovered in 2002 shows that it was dedicated to a local god, Rabbos, it also was political and religious tradition of roman temple construction.

The monument known as Es-Serai (also *Seraya*, "palace") dates from around the 2nd century AD and was originally a temple, and then, from the 4th/5th centuries, a Christian basilica [2]. It is 22 meters long, and was preceded by an outside portico and an atrium with eighteen columns.

Shahba is a city located to the south from Damascus also in As-Suwayda Governorate, on the territory of ancient Roman province of Arabia Petraea, which was known in Late Antiquity as Philippopolis (in Arabia). The oasis settlement now named Shahba had been the native hamlet of the Roman emperor Philip the Arab. After Philip became emperor in 244 CE, he dedicated himself to rebuilding the little community as a colonia. The contemporary community that was replaced with the new construction was so insignificant that one author states that the city can be considered to have been built on virgin soil, making it the last of the Roman cities founded in the East. The city was renamed Philippopolis in dedication to the emperor, who is said to have wanted to turn his native city into a replica of Rome herself. A hexagonal-style temple and an open-air place of worship of local style, called a kalybe, a triumphal arch, baths, a starkly unornamented theatre faced with basalt blocks, a large structure that has been interpreted as a basilica, and the Philippeion surrounded by a great wall with ceremonial gates, were laid out and built following the grid plan of a typical Roman city. The public structures formed what author Arthur Segal has called a kind of "imported façade". The rest of the urban architecture was modest and vernacular. The city was never completed as building seems to have stopped abruptly after the death of Philip in 249.

The new city followed the extremely regular Roman grid-plan, with the main colonnaded *Cardo maximus* intersecting a colonnaded *Decumanus Maximus* at right angles near the center. Lesser streets marked off insular, many of which never saw houses constructed upon them.

Salkhad is a Syrian city in the As-Suwayda Governorate, southern Syria. It is the capital of Salkhad District, one of the governorate's three districts. It is located at 1350 meters above sea level in the central Jabal el Druze highlands, and is famous for its bisantine castle and tower, standing above the city (fig. 1).

Figure 1. Salkhad castle. A view from the modern road. Photo of D. Al Ghadhban, 2023

Now this entire historical heritage is waiting for the more peaceful times, during the war it was rapidly included in the UNESCO heritage in danger list.

Ruins of Dionis temple serve as a authentic decorations for music holiday with traditional instruments (fig.2.)

So, As-Suwayda's region is rainy in winter. Bur rain is similar to tears. We are waiting for the time, when all reasons for tears will be gone to explore black stone ruins heritage.

Figure 2. Music holiday in front of Dionis temple. Photo of D. Al Ghadhban, 2023

The list of references:

1. *Firro, Kais (1992). A History of the Druzes. Vol.1. BRILL.*
2. *Robinson, E.; Smith, E. (1841). Biblical Researches in Palestine, Mount Sinai and Arabia Petraea: A Journal of Travels in the year 1838. Vol. 3. Boston: Crocker & Brewster.*

А.В. Разумов

Аспирант, старший преподаватель
ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет»,
Нижегород, Россия
ФГБОУ ВО «Мордовский государственный университет им. Н.П.
Огарёва», Саранск, Россия, razumov.arch@gmail.com

РЕОРГАНИЗАЦИЯ ФУТБОЛЬНОГО СТАДИОНА СУДАН СПОРТ-СИТИ В МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ СПОРТИВНЫЙ КОМПЛЕКС

Сегодня для России актуальным является развитие, улучшение, расширение и укрепление российско-африканских отношений. Пять основ – историческая, политическая, экономическая, научно-академическая и образовательная – вместе могут обеспечить верный путь общему и совместному будущему нашего государства и стран Африки.

В рамках сотрудничества в области архитектурного образования российско-суданской группой студентов и преподавателей была разработана концепция реновации территории Судан спорт-сити в центре города Хартум и реорганизация футбольного стадиона в многофункциональный спортивный комплекс.

Совместный проект предусматривает реконструкцию футбольного стадиона на 35 000 мест, предназначенного для проведения матчей и состязаний по легкой атлетике. Участок расположен в центральной части Хартума в зоне спортивного развития. Территория на востоке граничит с кампусом Международного африканского университета, на севере – с общественной и жилой застройкой, на западе – с торговым центром, с юга примыкает к свободному от застройки участку, предназначенному для дальнейшего развития Судан спорт-сити.

Мечта о комплексном спортивном кластере, выполненном в соответствии с международными стандартами строительства, преследовала суданцев с шестидесятых годов прошлого века, и получила воплощение в середине девяностых с идеей занять площадь в полтора миллиона квадратных метров спортивными объектами разной величины и функционального назначения. Проект не смог получить полноценную реализацию при прежнем политическом режиме в Судане. Министерство молодежи и спорта не получало достаточного финансирования четверть века, и проект оставался в тупике, а его предполагаемая площадь сокращалась из года в год. Правительство превратило амбициозный проект спортивного города в Хартуме в Олимпийский стадион с футбольным полем и легкоатлетическим манежем, на участке в пять раз меньше изначальной площади спортивного кластера. Большая часть территории превратилась в инвестиционное жилье и другие проекты. Олимпийский стадион, торжественное открытие которого было назначено на 2017 год бывшим президентом Омар аль-Баширом, до сих пор нуждается в полноценном завершении. В дополнение к этому он имеет некоторые инженерные и конструктивные дефекты, возникшие на этапе строительства, а для ввода в эксплуатацию требуется дополнительное финансирование, чтобы быть готовым к проведению соревнований по футболу и легкой атлетике. Сегодня правительство Судана прилагает усилия для завершения проекта, чтобы он служил развитию и популяризации спорта в стране, пережившей много сложных периодов в своей истории в течение последних шестидесяти лет. С учетом больших преобразований, происходящих в Судане, в том числе, нацеленных на борьбу с

коррупцией, проект Олимпийского стадиона может быть завершён в ближайшее время, чтобы обеспечить Спорт-сити стадионом с высочайшими техническими характеристиками.

Судан – достаточно молодое государство, образованное лишь в 1956 году, но имеет сложившийся тысячелетний культурный пласт и удивительное природное многообразие. Российско-суданская группа студентов и преподавателей из МГУ им. Н.П. Огарёва изучила историю государства и отразила ее в концепции архитектурных решений комплекса, чтобы сформировать комплексную застройку, объединённую стадионом – символом мира в Судане. Проектом предусмотрено несколько основных этапов:

- стадион на 35 000 мест, многофункциональные объекты (спортивные и общественные), одобренные УЕФА, интегрированные в городскую среду и соответствующие принципам устойчивого развития;
- национальный музей спорта;
- план развития территории Судан спорт-сити, включая торговые, общественные, спортивные и рекреационные площади, призванные оживить район вокруг стадиона.

Традиционная форма футбольной арены в сочетании с аспектами национального колорита в дизайне формирует современное здание: проемы в фасадах не только обеспечивают оптимальный поток воздуха в чашу стадиона, но и устанавливают визуальную связь с прилегающими территориями города. Фасады также служат эффектной оболочкой, позволяющей использовать стадион как многофункциональный комплекс: концерты, театральные представления и другие мероприятия могут проводиться как внутри, так и снаружи стадиона. Идея образного решения фасадов и объема стадиона в целом заключалась в том, чтобы восприятие возведенного объекта жителями Хартума, как городского здания, преобладало над функциональным аспектом спортивного сооружения [6]. Чтобы придать территориям вокруг стадиона дополнительную ценность, в стратегию проекта были заложены пространственные особенности, обеспечивающие тесную связь с городом и окрестностями. С этой целью на фасаде применяются национальные элементы, сплетенные в орнамент, который, несомненно, придаст характер сооружению и окружению в целом (Рисунок 1).

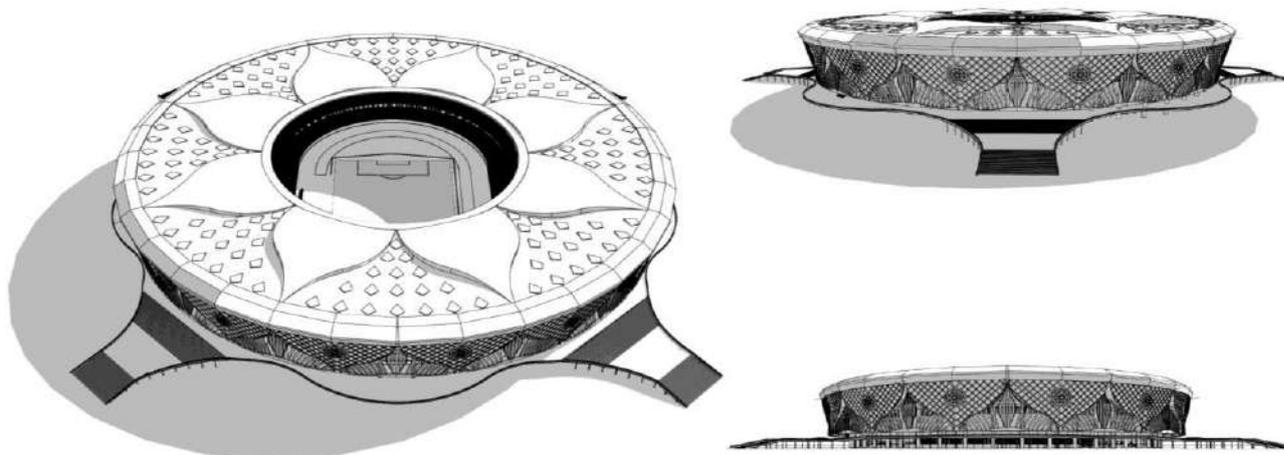

Рис. 1. Объемное решение стадиона Спорт-сити

Первоначальный проект стадиона в Хартуме не предполагал возведения большепролетных конструкций навесов над трибунами. В проекте реконструкции рабочей группой было принято решение сформировать полноценное покрытие над трибунами с вырезом для естественной инсоляции спортивной площадки. По критерию технической сложности сооружение стадиона является уникальным. Данный критерий

определяется вылетом консолей покрытия свыше 20 м [3]. Покрытие над трибунами стадиона представляет собой радиально-кольцевую стержневую оболочку. Форма покрытия в плане близка к круглой: по наружному контуру – овал с размерами 248 × 228 м, а по внутреннему (проем над игровой зоной) – овал с размерами главных осей 104 × 96 м. Система несущих конструкций покрытия – 48 радиальных ферм, расположенных между наружным и внутренним контурами. Вылет радиальных ферм – около 52 м, высота ферм со стороны проема – 16 м. Радиальные фермы опираются на железобетонные колонны каркаса сооружения. Внутренний контур – решетчатая кольцевая ферма с расстоянием между поясами 12 м. Пространственную работу покрытия обеспечивают кольцевые фермы и связи по верхнему поясу радиальных ферм [2]. Балки, объединенные системой распорок и связей, расположены в створе радиальных ферм покрытия над трибунами. Общая устойчивость покрытия над трибунами обеспечивается совместной работой радиально-кольцевой системы с жесткими связями и вертикальными кольцевыми фермами (Рисунок 2).

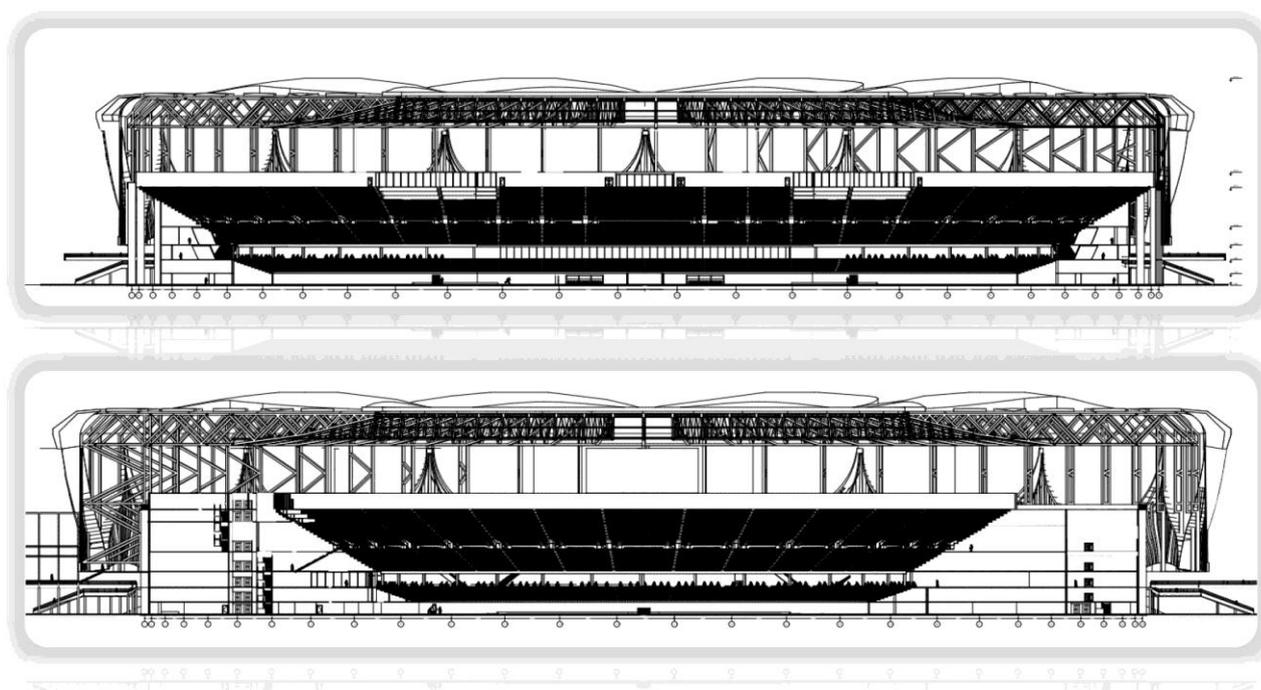

Рис. 2. Разрезы стадиона Спорт-сити

Проект реконструкции спортивной арены Судан Спорт-сити в Хартуме сделал возможным создать стадион, удовлетворяющий современным требованиям ФИФА к аренам для проведения крупнейших спортивных мероприятий по футболу [5]. Проект комплекса разрабатывался в рамках архитектурной концепции развития и преобразования городской среды, на принципах "зеленой", экологической архитектуры – с сохранением открытых пространств и организацией мест для активного отдыха. Интенсивное использование зеленых насаждений, формирование сложных многоуровневых пространств способствует потенциальному росту и развитию территории, а организация открытых спортивных и игровых площадок сможет привлечь сюда большое количество жителей города. Проектом предполагается строительство новых общественных объектов с устройством функционирующих зеленых крыш. Увеличение рекреационных пространств в интенсивно используемой части города актуально как с экономической, так и с эстетической точки зрения [7].

Превратив Хартум в оазис с вертикальным ландшафтом, яркими и современными зданиями, комфортной городской средой, развлекательными и торговыми центрами, рядом со стадионом планируется построить и новую жилую застройку.

В планировочных решениях стадиона проект реконструкции опирался на сложившуюся структуру сооружения. Проектом было предусмотрено возведение наружного опорного контура на 48 колонн, расположенных по периметру стадиона, отстоящих на 5 м от существующих несущих конструкций трибун стадиона.

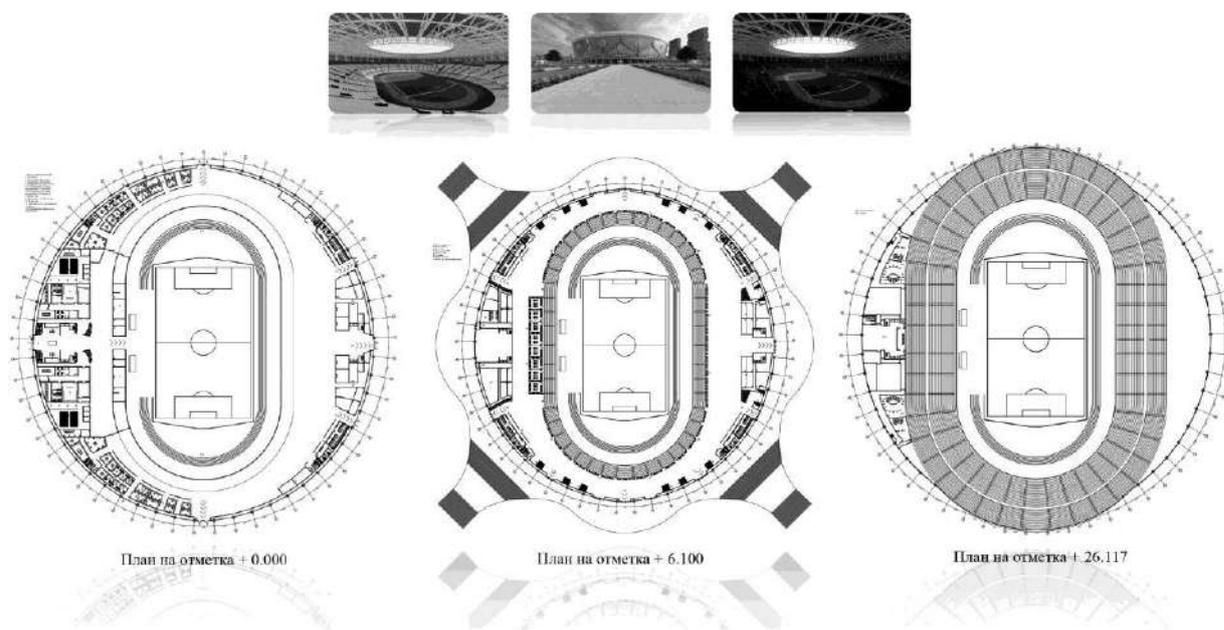

Рис. 3. Планы стадиона Спорт-сити

Проект реорганизации стадиона, выполненный международной командой студентов и архитекторов из России и Судана может стать новым этапом развития российско-африканских отношений в области науки, образования, строительства и архитектуры. Проектом, помимо архитектурных решений арены, было предложено несколько принципов развития территории Судан Спорт-сити, среди которых можно выделить:

- принцип универсальности применения, который подчеркнет широкий диапазон использования основных объемов стадиона для проведения самых различных спортивных и общественных мероприятий;
- принцип трансформации стадиона, последовательно развивающий тему универсальности пространства арены и планомерное, поэтапное преобразование существующих объемно-пространственных параметров, предметного наполнения и других составляющих архитектурной среды, рассчитанное на приспособление к меняющимся условиям эксплуатации и на создание новых функциональных факторов и художественных свойств объекта архитектуры [4];
- принцип применения экологических и энергосберегающих приемов, который позволит ориентироваться на ценности «экологической архитектуры» и использовать прогрессивные зеленые технологии. К ним можно отнести солнечные батареи, которые смогут накапливать энергию для работы систем кондиционирования воздуха, освещения и вентиляции внутренних помещений стадиона [1].

В целях рациональной архитектурно-планировочной организации территории Судан Спорт-сити в Хартуме, повышения архитектурно-художественных качеств при разработке проектных решений были применены следующие приемы: интегрированной, равнонаправленной организации профессионального и массового спорта в условиях конкретного территориального образования; формирования всепогодного универсального спортивного пространства для проведения футбольных матчей и занятий легкой атлетикой; максимального насыщения арены общественными, досугово-оздоровительными, культурно-развлекательными функциями; универсальности; трансформации и мобильности; поэтапного построения и использования технологии большепролетных несущих конструкций; применения экологических и энергосберегающих приемов в архитектуре стадиона.

Список литературы:

1. Еремеев, П. Г. Современные футбольные стадионы мира / П. Г. Еремеев. - М.: НИЦ "Строительство", 2012.
2. Руководство по требованиям к стадионам (Инфраструктура и организация деятельности стадионов) / Версия для Чемпионата мира 2018, 2014
3. Жестянников, Л. В. Футбольные стадионы / Л. В. Жестянников. - М.: Российская ассоциация спортивных сооружений, 2014.
4. Гельфонд А. Л. Архитектурное проектирование общественных пространств [Электронный ресурс]: учебное пособие для вузов / А.Л. Гельфонд; Нижегород. гос. архит.-строит. ун-т – Н.Новгород: ННГАСУ, 2013. – 265 с.
5. Руководство по организации чемпионатов мира FIFA / 5-ое издание. -М.: Российская ассоциация спортивных сооружений, 2011.
6. Knox, P.L. and L. McCarthy. Urbanization: an introduction to urban geography. 3rd ed. 2012, Boston: Pearson. Xiii.
7. Rod Sheard. Sports Architecture / Taylor & Francis – 2014.

MARWA MOHAMAD AL TURKMANE

MA in Architecture, Lecturer

Faculty of Architecture, University of Damascus, Damascus, Syria,
marwaalturkmane@gmail.com

DOCUMENTATION, RESTAURATION AND REHABILITATION OF THE AL-KHANQAH AL-NAHRIA (OMAR CHAH KHANQAH) - DAMASCUS

Summary:

The research aims to shed light on some archaeological and historical buildings that suffer from neglect and lack of maintenance and follow-up, which led to the deterioration of their structural condition and collapse, including the river suffocation located in the Qanat neighborhood in Damascus, and to rehabilitate and employ it in a way that preserves its archaeological value as an important archaeological and cultural facility within Damascus city.

To reach the goal of the research, the study was divided into two parts. The first is the theoretical study to know the history of the building, its urban surroundings, its architectural style, and its function. The second part is the analytical study by developing documentary plans for the current situation, building materials, health status, and rehabilitation studies.

As a result of the comparison and in-depth documentary and analytical study, it was found that the building suffers from damage and loss of many architectural elements and construction materials, and damage to its infrastructure due to influences from the adjacent building environment, external natural conditions, its misuse, and factors related to the building, such as the factor of time affecting the quality and resistance of the material.

After studying and analyzing the health condition, restoration and rehabilitation proposals were developed for the building to repurpose and use it optimally.

Keywords: Khanqah, documentation, restoration, rehabilitation.

Introduction:

During the Mamluk era, Arab civilization witnessed important development in various fields of science, arts, and architecture, and many architectural facilities such as mosques, schools, and palaces left behind by that era attest to this, including the architecture of the khanqawat, the subject of this research.

Khanqawat is considered an important part of Islamic architecture, in which the creativity of the ancient architect was demonstrated, and it is considered one of its masterpieces. It displays the characteristics of Islamic art and its aesthetic qualities that are compatible with the spirit of the faith, and achieve a balance between aesthetic and functional value.

The value of the khanqawat does not stop at its architectural excellence, but rather extends to its spiritual value, which is evident in the supplications of the Sufis, and their use of them as schools for studying schools of jurisprudence..

1. Research problem:

This research sheds light on the problems suffered by the Qanawat neighborhood, whose urban fabric has been exposed to a clear decline, and many urban and architectural interventions, accompanied by a change in the proportions and nature of ownership, occupants, and jobs, which negatively affected its historical importance that extends since ancient times.

Hence, the study of the river khanqah (Omar Shah Khanqah), property/2/Jadah Qanat, was considered one of the components of this fabric, and that it represents a model of the neglected historical buildings spread in that neighborhood, which are threatened with losing their authenticity and historical and aesthetic value if precise and quick steps are not taken to save it. Including structural problems, loss of architectural elements, and demolitions.

It also explains the problems surrounding the building, as the residential houses are adjacent to its external walls and encroach on the archaeological facades.

Here it is worth noting that during the preparation of the research we encountered several problems, the most important of which are:

- There is no previous historical study of the building.
- The lack of documentary plans that help determine the development of the building over time.
- Difficulty in documenting and uploading due to the absence of most of the building's archaeological features due to time and use.
- Loss of historical documents describing the building during its construction.

It is also evident that the facility was misused for purposes other than those intended for it, which led to radical changes in its features.

2 .Research objective

The main objective of the research is to prepare a historical study of the facility, develop plans for the current situation, plans for building materials, and health status, and solve problems related to them, whether in terms of use, division, or construction problems, and prepare plans for consolidation, restoration, and rehabilitation plans, and reactivate them while preserving their originality on the one hand, and in a way that achieves social and economic benefit. For the property in particular and the Qanat neighborhood in general, highlighting the historical phase of the building, its function and its cultural role.

3. Research methodology:

The study is divided into two main parts, which are as follows:

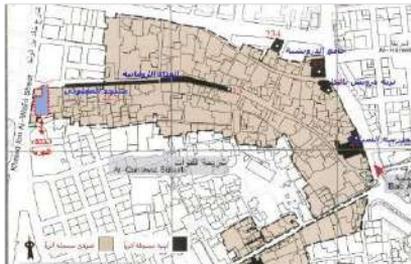
(First) Theoretical study: The study deals with conducting historical research operations that include records and documents circulating within various institutions, in addition to historical and architectural sources and references, various studies and research on the subject, and conducting an investigation into the subject of the history of the khanqah, its location, architectural form, and comparisons with similar buildings.

(Second) Analytical study: Documenting the current status of the building and its physical surroundings is studied, conducting an accurate review of all the details of the subject of the study, comprehensive documentation with manual and photographic drawings, and developing proposals for restoration and consolidation and studies to rehabilitate and revive the building within its urban surroundings, with the participation of the local community in the proposed methodology.

4. Theoretical study:

4/1 Detailed historical study:

The River Khanqah building (Omar Shah Khanqah) is located in Damascus, at the beginning of Al-Qanat Street, on the main avenue of the neighborhood, east of Khalid bin Al-Walid Street, and within the archaeologically registered segment.

Location of the studied building (source - researcher)

The building is registered in official documents as the Zawiya of Omar bin Abdul Aziz, and upon searching historical sources that mentioned mosques, schools, zawiya, and khanqawats, such as the books of Al-Irbali, Al-Naimi, Al-Asadi, Ibn Hajji, and Ibn Qadi Shahba... the researcher did not find any mention of what is known as the Zawiya of Omar bin Abdul Aziz (Name according to the real estate registration), not even Sultan Omar Corner (name according to selection and editing).

After analyzing the site and searching through books and references that mention the location of the studied building, and linking them with maps and photographs, it became

clear that the current building's location is the site of the river khanqah itself (famous as the Omar Shah Khanqah).

Khanqah: It is a Persian word whose plural is khānaq. Meaning a place or house, the Sufi house, which is the building that is built to house the Sufis who retreat there to worship; An endowment house for the residence of Sufis and the ascetics and worshippers who shelter them, where food is arranged for them and clothing is provided from the bounties of gardens and markets. And the buildings attached to it.

The Waqif of the Khanqah is Omar Shah al-Turki, who is Prince Saif al-Din Omar Shah bin Abdullah al-Rukni.

He rose through the ranks: from the Emir of Tablakhana, then he was the lieutenant colonel of Alif, then he became deputy of Hama, then the chamberlain in Damascus, where he built the khanqah around the year 761 AH on the river in the Qanawat neighborhood. It was known as the river khanqah and was famous for the khanqah of Omar Shah, and he died in it.

4/2 Re-imagining:

After identifying the architectural elements that make up the khanqas in Egypt and Syria and comparing the river khanqas with the khanqas that existed in Damascus and Aleppo, and after the researcher prepared a real estate characterization plan and a historical development plan for the building, and visited the place and read the impact of the current situation, and based on the description provided by Dr. Muhammad Asaad Talas

In the footnote of the book *Themar Al-Maqasid*, mentioning mosques, which states: "It is a dilapidated corner with a courtyard furnished with ancient stones in it."

A pool of water on the southern side of it, an iwan that wants to collapse, and on either side of it are two domes: an eastern and a western, and in this is a shrine, which is a tomb similar to the tombs of the Mamluks."

The researcher prepared imaginative scenes and plans to reimagine the shape of the river gorge at the time of its construction.

5. Documentary and analytical study:

The analytical study was concerned with documenting the building in its current condition and preparing its architectural plans, the building materials used, and the health and physical condition, while clarifying the most important technical problems that the property suffers from.

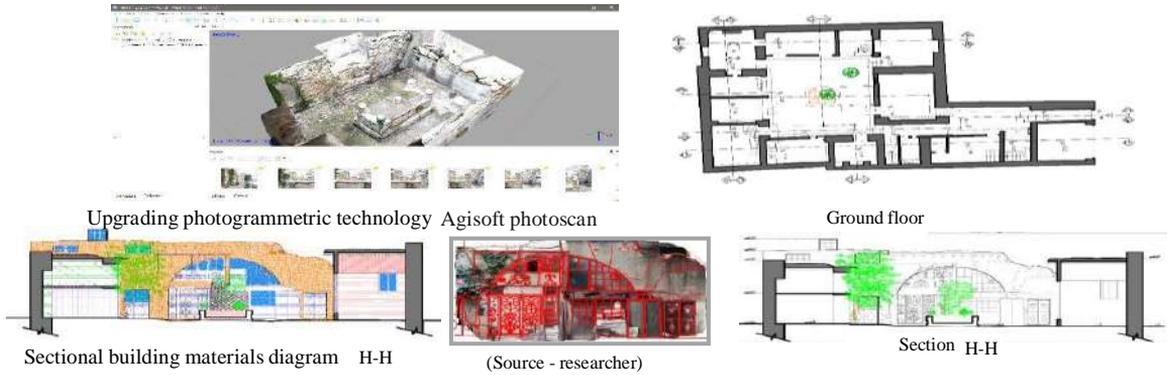
Imaginary plans for the Khanqah at the time of its construction (source - researcher)

Imaginary scenes of the suffocation (source - researcher)

5/1 Study of the current situation:

Comprehensive documentary elevations of the building were made, architectural plans of the current situation, and plans for building materials and the building’s sanitary condition were prepared, through quick elevations, sketches, and manual measurements using triangulation methods, and with laser measuring devices and electronic devices to determine the horizontal and vertical levels, and using photogrammetric lifting technology for precise lifting cases.

5/2 Reconstructive and necessary study

Restoration of a wall exposed to high humidity and the loss of a number of building material units

After cleaning the wall and reaching the dry units, which are still in good condition, the construction of the upper part of the wall is completed with mud units that are implemented on site. A mixture consisting of 75% dirt, 20% straw, and 5% water is prepared and left to ferment for two days, then wooden molds with dimensions of 30 x 20 x 8 cm are made.

The process of covering the wall is carried out in three layers:

Red clay layer: It is sifted red soil mixed with hay, fermented for a period of 3 days and spread to a thickness of 4 cm.

The layer of grouting: It is a slaked lime paste mixed with sandalwood and is applied over the red clay layer with an average thickness of no less than one cm.

Lime layer: Hydrated lime paste mixed with chickpeas or hemp and applied as a final layer with an average thickness of 0.5-1 cm.

Recreating traditional wooden ceilings:

First, the wooden skirting boards that are still stuck to the ceiling, in addition to the clay residue, are removed, and the ones that can be restored and reused are selected. Then they are reinstalled and the damaged ones are replaced with skirting boards that have the same cross-section, dimensions and specifications as the old skirting boards.

A picture of the damaged wall (source - researcher)

Recreating wooden ceilings (Source - researcher)

Restoration of the shaped stone of Al-Waqif’s grave (source - researcher)

We implement a layer of wooden boards with a thickness of 2-3 cm, then we insulate the ceiling. Then, a layer of clay with an average thickness of 15 cm is applied, which is made up of clean dirt free of gravel, dust, and dirt, taking care to avoid the occurrence of cracks in the layer of clay applied. Implementation of a final layer consisting of a thermal insulation layer and a moisture insulation layer.

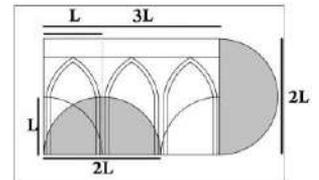
Restoration of the shaped stone of the tomb of Al-Waqif (Omarshah):

Removing paint from domes by using decapant peinture, which is a chemical that is used via a sprayer, and then the layer is removed either with a piece of cloth or a trowel, depending on the degree of depth of the paint.

Removing the cement plaster on the stone by using a chisel and hammer in the hands of specialists so as not to cause any impact on the original stone.

The friezes at the top of the Qibli iwan wall:

First, the proportions of the frieze are analyzed to restore and complete it, then the eroded cornices are restored using bonding materials that are homogeneous with the stone, and the missing parts of the frieze are reshaped according to the proportions and shape of the stone pieces that make up the frieze, taking into account the requirements stipulated in its construction of form, material, and mechanism for distinguishing it from the old one.

The friezes at the top of the wall of the Qibli iwan (source - researcher)

5/3 Preparatory study

After analyzing the plans of the current situation and based on the historical study of the building, the main idea for rehabilitating and repurposing the building came to take into account the following foundations and standards:

- 1- That archaeological buildings be maintained in a way that facilitates their reuse for useful purposes and functions, and that does not result in a change in the layout of the archaeological building or its decorations, as the eighth paragraph of the document issued by the ICOMS in 1985 AD stipulates: “The need for new professions and job activities to be consistent with the characteristics of Historic areas.
- 2- These jobs should meet the social, cultural, and economic needs of the population without the slightest harm to the nature of the place, and so that they achieve a social, cultural, or economic return for the city’s residents, so that the archaeological building becomes a producer, not a consumer, of financial resources, and that they contribute to creating trained workers to be used in restoration and rehabilitation work.
- 3- Highlighting the original architectural elements of the building that are still present, such as the floor tiles, the iwan, and the standing room, and making it relevant to life and linking the past to the present, in order to preserve the Damascene heritage present in the Mamluk period, shed light on it, and attempt to revive it.

Therefore, the researcher proposed the idea of repurposing the property as a **(commercial-touristic craftsman) center to support the traditional Damascene industries that were present in the Mamluk period to introduce them,** with the aim of rehabilitating the river Khanqah building and investing in it culturally, touristically, and economically, especially since the original function of the Khanqah no longer exists today. To improve the function and status of its current occupants, while preserving the original elements of the building, and creating signs and signs that remind of the history of the building and its original function, may it be successful in preserving and investing in the building.

The researcher developed the functional program for the river khanqah building, which includes:

1. The commercial store: to sell brochures and Islamic heritage products from the Mamluk era, which will be manufactured inside the building.

2. Seminar Hall: In which a video and interviews are shown about the history of the neighborhood and its most important buildings, and it includes an introduction to the Khanqah building and social and cultural life in the Mamluk period.

3. The courtyard: Taking advantage of the relatively wide courtyard of the Khanqah, which contains the archaeological lake after its reactivation, into a rest area for visitors that contains a small outdoor cafeteria.

4. The Iwan: It is used for reception and a place to sit and take souvenir photos for those who are interested and wish to display the Islamic heritage in the Mamluk period.

5. Soil: Preserving the room of Waqif Omar Shah and his grave (the builder of the Khanqah), and viewing a plaque containing his biography, with an explanation of the two poetic verses found on the archaeological stone

plaque found in the room.

The rest of the rooms:

The surrounding rooms overlooking the courtyard

were utilized by

converting them into workshops for the

manufacture of Damascus

products in the Mamluk

period (such as jewelry, accessories, glass and pottery utensils, wooden and copper tools, clothing, and shoes), and workshops (for drawing paintings depicting the city of Damascus in the Mamluk era, in addition to Arabic calligraphy paintings).

6. Results:

6/1 Historical Study Results:

The researcher arrived at a set of reasons and findings that prove the studied building is the Khanqah al-Nahr, known as Khanqah Umar Shah, for historical reasons:

- Historical evidence that the tomb of the Umayyad Caliph Umar ibn Abd al-Aziz is located in Deir al-Naqirah in Maarat al-Numaan, refuting any doubt about the tomb's association with the studied building in the Qanawat neighborhood in Damascus.
- The location of the studied building on the first street of Qanawat and at the intersection of Sidi Khamar Street, aligning with the location of Khanqah al-Nahr mentioned in historical books and sources, confirmed by historical maps, Ottoman-era police plans of Damascus, and French cadastral maps.
- The presence of the studied building in an area surrounded by green orchards on all sides, facing the Qanawat River, with the canal itself branching off to pass through it and fill its basin, strongly indicating that the building was a distinguished Sufi palace where water flowed as described by Ibn Jubayr about the Khanqahs.
- Dr. As'ad Tallas's visit to the building and his description matching the description in the property records from 1930.
- The absence of any mention of a shrine or mausoleum for Caliph Umar ibn Abd al-Aziz in the Qanawat neighborhood.
- The building was likely attributed to Caliph Umar ibn Abd al-Aziz due to confusion between the Umayyad caliph and Amir Umar Shah al-Mamluk, the governor of Damascus, resulting from neglect of the place and changes in the building's nature and original function over time (from a Khanqah to a religious school, then to a residential house, and finally to professional and commercial shops).

Based on comparative analysis and modeling:

- Comparisons with several Khanqahs in different cities and countries revealed that the studied building contains similar architectural elements found in Khanqahs.
- Comparisons with tombs built during the Mamluk era showed that the tomb is constructed in the Mamluk style.
- The building's origin dates back to the Mamluk period based on the limestone used in construction, which is carved and similar in dimensions and construction method to those used during that historical period.
- Findings from archaeological readings.

6/2 Analytical Study Results:

1. The building suffers from several architectural and functional problems resulting from a lack of awareness about its value, its developmental circumstances, complexities surrounding it, continuous changes in occupants, and subsequent changes in space usage and requirements.
2. The building is unique due to its construction system and some distinctive elements within it.
3. The potential for rehabilitating this building to become an important landmark in the area due to its historical significance, architectural, and urban specifications.
4. The simplicity of the restoration and rehabilitation processes required for this building without technical complexities.
5. The possibility of finding flexible solutions for repurposing the building due to its internal space nature and specificity.

7. Research Recommendations:

1. Correctly label the property as Khanqah al-Nahr with reference to its builder, Amir Umar Shah, in property records, specifications, and documentation.
2. Register the building as an archaeological site.
3. Emphasize the need for documentation and archiving of information related to similar buildings in the area.
4. Take necessary measures to treat the building and its urban environment as an integrated unit.
5. Develop qualified personnel to supervise restoration operations for public and private old buildings.
6. Raise local community awareness about the importance of these buildings and their role over time and how to benefit from them.
7. Strengthen monitoring of violations that may harm the appearance and structure of old buildings.
8. Continuously monitor old buildings to prevent any future developments that may harm them.
9. Encourage local communities to take initiative in restoring old buildings and provide facilitation under qualified scientific and practical supervision.

8. References:

1. Ibn al-Imad, Shazrat al-Dhahab fi Akhbar min Dhahab, Ibn Kathir Publishing House, Damascus, Syria, 1st edition, vol. 2, p. 5.
2. Ibn Battuta, Muhammad, Tuhfat al-Nuzzar fi Gharaib al-Amsar wa Ajaib al-Asfar, Al-Risalah Foundation, Beirut, Lebanon, p. 832.
3. Ibn Taghri Birdi, Yusuf, Al-Dalil al-Shafi 'ala al-Minhil al-Safi, General Egyptian Book Authority, Cairo, Egypt, 1984, vol. 1, pp. 507-508.
4. Ibn Taghri Birdi, Yusuf, Al-Minhil al-Safi wa al-Mustawfa Ba'd al-Wafi, Dar al-Kutub al-Masriyah Press, Cairo, Egypt, 1984, vol. 8, p. 338.
5. Ibn Jubayr, Abu al-Husayn Muhammad, Rihlat Ibn Jubayr, Dar Sader, Beirut, Lebanon, p. 256.
6. Ibn Hajar al-Asqalani, Shihab al-Din Ahmad, Al-Durar al-Kaminah fi A'yan al-Mi'ah al-Thaminah, Dar Ihya' al-Turath al-'Arabi, Beirut, Lebanon, vol. 3, pp. 198-199.
7. Ibn Haji al-Saadi, Abu al-Abbas Ahmad, Tarikh Ibn Haji, Dar Ibn Hazm, Beirut, Lebanon, vol. 1, p. 57.
8. Ibn Abd al-Hadi, Yusuf, Tamar al-Maqasid fi Dhikr al-Masajid, Lebanon Library, Beirut, Lebanon, 1975, vol. 3, p. 221.

9. Dahman, Muhammad Ahmad, Mu'jam al-Alfaz al-Tarikhiah fi al-'Asr al-Mamluki, Dar al-Fikr al-Mu'asir Publishing House, Damascus, Syria, 1990.
11. Al-Arbili, Al-Hasan ibn Ahmad, Madaris Dimashq wa Rubtaha wa Jawami'a wa Hammamataha, Al-Tarqi Press, Damascus, Syria, 1947, p. 15.
11. Al-Asadi, Taqi al-Din Ibn Qadi Shahba, Tarikh Ibn Qadi Shahba, French Institute for Arab Studies, Damascus, Syria, 1994, vol. 3, vol. 2, p. 376.
12. Al-Asyuti, Shams al-Din Muhammad, Jawahir al-'Uqud wa Ma'in al-Qudat wa al-Muqainin wa al-Shuhud, Alexandria Library, Egypt, 2nd edition, vol. 1, pp. 328-332-356.
13. Al-Haddad, Mahmud Hamza Al-Hamzah Al-Ismailiyah fi Al-Umara Al-Islamiyah (Historical Glossary), The Lebanese Encyclopedia Press, p. 228.
14. Al-Khatib, Muhammad Othman Al-Awqaf Al-Islamiyah fi Filastin fi Al-'Asr Al-Mamluki (Islamic Endowments in Palestine in the Mamluk Era), Doctoral Thesis in the History Department at Yarmouk University in Jordan, 2007 edition.
15. Al-Sakhawi , Shams al-Din Ahmad , Al-Daw' Al-Lami' li Ahl Al-Qarn Al-Tasi', Dar Maktabat Al-Hayat , Beirut , Lebanon , 1st edition , vol .2 , p .310.
16. Al-Shihabi , Qutaybah , Ma'alim Dimashq Al-Tarikhiah , Publications of the Ministry of Culture , Damascus , Syria ,1996 , p .456-457-524.
17. Al-Ulabi , Akram Hasan , Damascus between the Mamluks and the Ottomans , United Printing Company , Damascus , Syria ,1982 , 1st edition , p .46-177.
18. Al-Qazwini , Zakariya ibn Muhammad , Athar Al-Bilad wa Akhbar Al-'Ibad , Dar Al-Kutub Al-Ilmiyah , Beirut , Lebanon , p .314.
19. Al-Qushayri , Abu Al-Qasim Abdul Karim ibn Hawzan , Al-Risalah Al-Qushayriyah , Dar Al-Ma'arif , Cairo , Egypt , vol .2 , p .440.
21. Al-Qalqashandi , Shihab al-Din Ahmad , Subh Al-A'sha fi Sanai' Al-Insha', Dar Al-Kutub , Cairo , Egypt , vol .4 , p .43.
21. Ibn Al-Qalanisi , Hamzah Abi Ya'la , Dhayl Tarikh Dimashq , Matnabi Library , Cairo , Egypt.

Е.С. Крашенинникова¹, С.В. Норенков²

¹Кандидат философских наук, доцент кафедры Сервиса, туризма и менеджмента
ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный
университет», Нижний Новгород, Россия, Krash_es@mail.ru

²Доктор философских наук, профессор, академик Международной академии
инвестиций и экономики строительства
ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный
университет», Нижний Новгород, Россия, snorenkov@yandex.ru

СИНАРХИОТЕКТОНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СИНТЕЗА В АРХИТЕКТОНИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ: АРХИТЕКТУРА, ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО, ДИЗАЙН

Архитектурно-философская школа научных исследований под руководством профессора Л.А. Зеленова открылась в 1969 году в ГИСИ им. В.П. Чкалова. Фрагменты из творческого наследия Нижегородского философского клуба (НФК) реализовались в самой действительности по самым разным родам, видам и аспектам деятельности. Важнейшие наработки НФК есть и могут быть у каждого проектировщика (архитектора, градостроителя, дизайнера), работающего в сферах архитектурного творчества [1, 2]. Для преуспевающих магистрантов, аспирантов и докторантов, начинающих работать по своей профессии, уже есть или появляются свое мировоззрение, любознательность, креативные лекала.

В перспективе у самостоятельного проектировщика должна быть своя, выверенная в дискуссиях, выступлениях, презентациях проектов идеология, культурфилософия, соционика, прагматика, телематика. В собирательном плане это также и новые учения: системогенетика, синергетика, ноосферистика. Даже для обычных студентов при эффективной педагогике, осваивающих всё по списку предметов за годы обучения, коих наберется десятки, можно «упаковывать» суть по инфографическому методу «ГИСИ: Генерация Идей Совокупным Интеллектом». Дополнительную помощь в продвижении к систематизации междисциплинарных знаний может и должна дать синархиотектоника: син (целое), архи (высшее), тектоника (организация). Целое больше своих частей и это крайне важно.

«Цифра» в современных технологиях обучения и исследованиях приобретает всё большую значимость. Однако то, о чем любое число может поведать, начинается со «слов», которые в свою очередь собраны из знаков. Слова и цифры, стоящие за ними смыслы, важно координировать с нарастающими по объему информационными потоками в знаково-символических конструктах, концептах, контекстах. Нынешние студенты, так же, как и студенты пятидесятилетней давности, нуждаются в визуально-смысловых ориентирах. В соответствии с темами своих Выпускных Квалификационных Работ (ВКР), особенно магистрантам, предлагается не просто дать тексты по главам с традиционной логикой, но и дополнить их разными видами моделей: Глава 1. История и критика аналогов и прототипов. Глава 2. Теория и методология с заданием на проект. Глава 3. Концепт проект и его обоснование, перспективы реализации.

В соответствии с общей логикой перетекания неких предметов и объектов во времени (1 глава) и перехода к пространственному их преобразованию по последним представлениям в областях экономкультуры, науки и техники (2 глава) идёт подход к моделированию задания, заданных свойств и параметров будущего объекта (3 глава). Ещё важнее начинать со схем по теме ВКР: 1. Понятия названия темы (7 слов + производные в геометрии 1 (моно), 2, 3, 4, 5... и (поли) исторически раскрываются как аналоги и фракталы по принципам ассоциативного подобия. 2. Подбираются начала и основания, ориентированные в целом на теоретико-методологические алгоритмы сложных структурных построений типически организованных моделей. 3. Строится проектная модель конкретного объекта в объёмной экспликации, развернутая и представленная в понятиях, знаках, схемах, соответствующих техническому заданию и социально-гуманитарным критериям.

В публикациях членов НФК есть много полезного для всех, кто стремится к сжатию словесных описаний, в том числе и несколько сотен моделей, схем, алгоритмов, таблиц, матриц, архитектонов и т.д. Соответственно в любом синтезе надо выбрать то, что понятийно-терминологически близко и понятно по специфическим темам проектных исследований. Всё это параллельно в клазурах делают обучающиеся архитектурным искусствам и наукам. Из года в год повторяется потребность, это «всё» в графоаналитических упаковках передавать следующим поколениям. Описать красочными эпитетами феномены и ноумены реальности зодчества, в единстве архитектурных искусств, очень трудно, но часто их проще графически изобразить и схематически выразить.

Сейчас, в продолжении традиций Философского клуба от простого рисования структуризованных образов на доске, перешли к компьютерной графике. Новые проектные программы дают новые средства для переходов в проектные модели, которые следует делать также средствами инфографики и пиктограммирования, планирования и моделирования. Стало нормой видеть не текстовую, а сжатую по своим правилам инфографику. Это можно видеть на файлах и публикациях членов клуба, которые стали директорами, начальниками, заведующими кафедр. Они руководствуются в своих трудах синархиотектонической методологией, сжимая сложное в простое: планы, графики, проекты, бизнес-планы, реализуемые в самой жизни, в общих делах.

Спонтанно-эвристические наработки активистов направляются, как и ранее, в русла индивидуальных и коллективных публикаций каждого из желающих. Лучшие из них, как правило, имеют свои «авторские знаки и визитки», премированные конкурсные проекты. Нормой учебного процесса, особенно для архитекторов, градостроителей, дизайнеров, стало предлагать минимальными графоаналитическими средствами выполнение серии концептуальных проектных моделей: архитектонов, таблиц, схем, матриц, пиктограмм, авторских лекал, философем, универсалий, культурем, социогамм, норотивов, идеонормативов, аторских артефактов. В публикациях председателя Диссертационного совета ННГАСУ Д 212.162.07 академика А.Л. Гельфонд и других авторов рассматриваются проблемы творчества в сфере искусства архитектурной науки [3, 4].

Синархиотектоническое раскрывается в самой синергийной логике ансамблосозидания как универсальный интегратор, иерархизатор и координатор ценностей. Он развертывается в системной целостности («син»), в «тектонике» (конструктивно-морфологической логике хронотопов) и в «архи» (вышем гуманистическом принципе разумного созидания ансамблей – ансамблеобразования). Многогранное понимание синархиотектонической экономкультуры творчества в деятельности людей осуществляется в плане устойчивого развития хронотопов

ансамблей, произведений и исторических городов. Интегральный подход выводит консолидируемые социальные общности на новое качество коллективного осмысления синархиотектоники жизнестроения и созидания общественных пространств, не забывая при этом Автора, Человека, Личность [5]. По традициям отечественной педагогики и клубным технологиям далее предлагается смотреть авторские примеры и «делать как мы» (рис. 1).

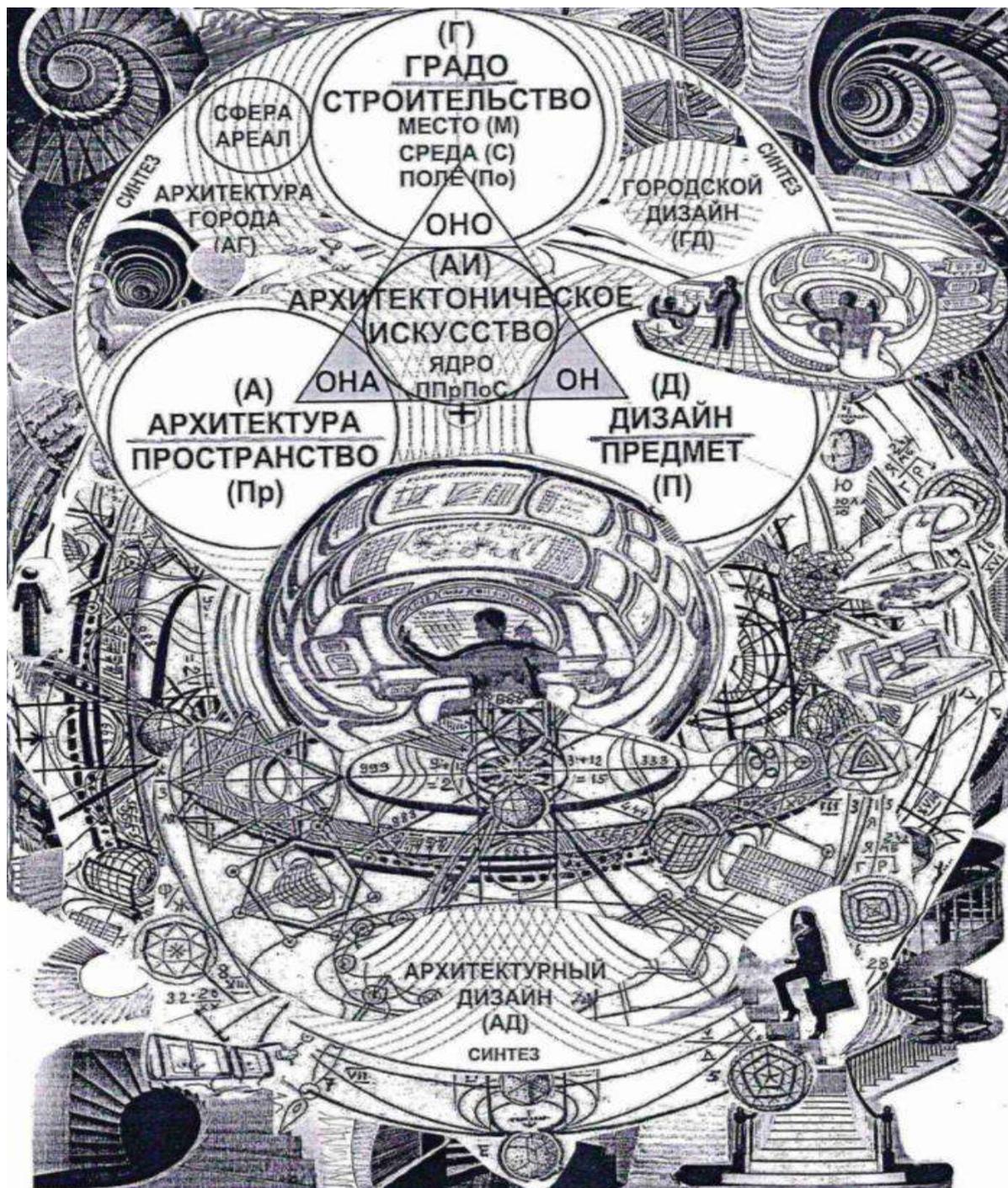

Рис. 1. Плакатно-фантазийное выражение темы статьи на мотивы синархиотектонических аспектов и по версии включения «ИНВАРИАТРОНА» Э. П. Григорьева в архитектурном, градостроительном и дизайнерском творчестве, для умудрённых проектным опытом авторов

Список литературы:

1. Зеленов, Л. А. Собрание сочинений: в 4 т. Т.1: Философия / Л. А. Зеленов; Нижегород. гос. архит.-строит. ун-т, Общерос. акад. человековедения, Нижегород. филос. клуб. - Нижний Новгород: Издатель Гладкова, 2006. - 172 с. : ил.
2. Зеленов Л.А. Концепции Нижегородского философского клуба // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77–6567, публ.24725, 27.08.2018. – URL: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0001/005c/00012164.htm> (дата обращения: 08.04.2023). – Текст: электронный.
3. Гельфонд А. Л. О диссертационном совете по архитектурным специальностям при ННГАСУ. // Приволжский научный журнал. - Н. Новгород: ННГАСУ. – 2023, № 1, С. 9-14.
4. Ахмедова Е.А., Кузнецов И.И. Принципы сохранения историко-культурной многослойности общественных пространств: диалог времен//Градостроительство и архитектура. 2022. Т.12 №2 (47). С.54-68.
5. Norenkov, S. V. Synergy of synarchitectonic monopoly of the dialectic of the universe in the integral shelltor matrix of the continuum of being ensembles of creation / S. V. Norenkov, E. S. Krashennnikova // Scientific research of the SCO countries: synergy and integration : International Conference, October 14, 2023. Beijing, PRC. – Beijing, China, 2023. – Part 1. – P. 33-40. – ISBN 978-5-905695-82-7.

Е.Ю. Агеева¹, Н.В. Свирина²

¹Доктор философских наук, профессор кафедры архитектуры, доцент, советник
Российской академии архитектуры и строительных наук (РААСН)
ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный
университет», Нижний Новгород, Россия, ag-eu11@yandex.ru

²Аспирант, заведующая отделом зарубежного искусства
Нижегородский государственный художественный музей,
Нижний Новгород, Россия, nat.svirina2016@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ХРАМОВОЙ РОСПИСИ И АРХИТЕКТУРЫ ИНТЕРЬЕРОВ В КУЛЬТОВЫХ СООРУЖЕНИЯХ XVII ВЕКА

XVII столетие стало временем великих потрясений и огромных изменений во всех сферах жизни русского общества. XVII век в России прошел под знаком смуты, восстаний, династического кризиса, появление самозванцев, претендовавших на престол московских государей и иноземного вторжения. Наряду с этим, XVII век отмечен особым накалом духовной жизни. Сложные противоречия культурного и общественного развития усугубились церковным расколом, который очень быстро вышел за рамки внутрицерковной борьбы и превратился в широкое общественное движение.

Перемены, затронувшие русское общество в XVII веке оказали огромное влияние на различные аспекты жизни, в том числе на архитектуру и на живопись. В русской культуре этого периода сталкиваются две противоположные тенденции. С одной стороны это стремление преодолеть рамки устаревших традиций, которое проявилось в поисках новых форм в различных видах искусств, в проявлении светских мотивов, в большей декоративности сооружений. С другой стороны, часть общества отстаивала освященную преданием старину и стремилась прератить традиционные установки в догму. Этим противостоянием были наполнены в особенности середина и вторая половина XVII века.

Об этих процессах ярко свидетельствует русское храмовое зодчество и храмовый декор XVII- первой половины XVIII столетий.

Поиск новых художественных форм осуществляется, прежде всего, в монументальной живописи и иконописи. Здесь огромная роль принадлежит столичным мастерам, и в особенности изографам Оружейной палаты которые вырабатывали новые изобразительные приемы на основе изучения образцов западноевропейского искусства, которые в тот период активно ввозились на Русь.

Произведения западной живописи, иллюстрированные книги, гравированные листы, произведения декоративно-прикладного искусства приобретались придворными московских государей или попадали к русскому двору в качестве многочисленных посольских даров. Естественно, что столичные мастера имели к этим источникам более широкий доступ, чем их современники из провинции.

Русская провинция в первой половине XVIII столетия хранила традиционный уклад жизни, и умения бывших царских изографов находили себе применение. Для Петербурга их мастерство было слишком архаичным, а вот провинциальные заказчики довольствовались умеренным «живоподобием» письма. В провинциальных центрах это искусство стало тем образцом, на который ориентировались местные художники, таким

образом, усваивавшие западные новшества и адаптировавшие их к вкусам своих заказчиков.

Эволюция художественных форм, имевшая место в русском искусстве XVII- начала XVIII столетий особенно ярко прослеживается на примере зодчества и храмового декора, так как архитектурный облик и убранство храма представляют собой синтез различных видов искусств. Широкое строительство храмов во второй половине XVII столетия, возникновение на русской почве таких явлений, Нарышкинское и Строгановское барокко способствовали расцвету монументальной живописи и иконописи.

«В XVII веке каждую вновь построенную церковь стремились украсить настенной живописью» [1]. Интерьер храма XVII столетия – особый мир, стремящийся к обособленности. Основная черта внутреннего пространства храма - его изолированность выделенность из окружения. В этом пространстве человек чувствовал себя свободным от проблем внешнего мира. Все эффекты живописного убранства храма, иконы и стенопись должны были создавать ощущение пребывания в ином мире, поражающем своей красотой и благолепием. Архитектура храма, органично взаимодействуя с живописным комплексом, также воплощала образ возвышенной красоты. Декоративные детали, изразцы, рельефная каменная резьба с изображением цветочных гирлянд и виноградных гроздьев, все это выделяло и обособляло храм пространстве, а галереи-гульбища, опоясывающие его, способствовали созданию пластического акцента облика здания, поднимая церковь ввысь, подобно памятнику на пьедестале [2].

Органичное взаимодействие архитектуры и живописного декора русских храмов второй половины XVII – начала XVIII веков можно наблюдать на примерах храмов северного Поволжья (Ярославля, Ростова Великого, Костромы, Углича)[3]. Динамичные и насыщенные архитектурные композиции храмов созвучны великолепным развернутым циклам росписей, в которых варьируется множество сюжетов из Священного Писания.

Росписи церкви Ильи пророка в Ярославле и Троицкого собора Ипатьевского монастыря, созданные артелью Гурия Никитина и Силы Савина в 1670-е 1680-е годы свидетельствуют о знакомстве русских мастеров с западноевропейскими гравюрами [4]. Изображение сказочных дворцов, раскидистых деревьев, трав и цветов, персонажей в роскошных одеяниях превращает фрески в увлекательные сказочные картины с множеством подробностей. Черты этого специфического художественного стиля сохранялись и в XVIII столетии.

Рис.1. Интерьер церкви Ильи Пророка, г. Ярославль

Увеличение контактов России с Западной Европой способствовало расширению кругозора русских художников. В орбиту их внимания теперь включались не только гравированные издания, но и живописные подлинники, хотя гравюры по-прежнему оставались наиболее значимыми для русских мастеров источниками, из которых они черпали сюжеты и изобразительные мотивы.

Важно, что к XVIII веку бытование таких изданий смещается из столицы в провинцию, где живы традиции искусства XVII века. Влияние западноевропейских образцов на композиции и колористическое решение храмовых росписей хорошо прослеживается на примере храмов Углича. Интересный комплекс росписей находится в церкви Дмитрия на Крови. Храм был возведен на месте убийства царевича в 1681-1692 годах. Его облику присуща характерная для конца XVII века нарядность. Белые полуколонны, наличники и карнизы эффектно выделяются на красных стенах.

Комплекс росписей церкви относится к XVIII веку. Сцены, изображающие гибель царевича Дмитрия и поимку его убийц выполнены мастерами московской артели Сапожникова в 1772 году. Стиль этих росписей с характерным для них ярким колоритом, пластической выразительностью, эмоциональностью образов приближает их к работам поволжских художников XVII века.

Рис. 2. Интерьер церкви Дмитрия-на-Крови, г. Углич

В росписи западной стены храма с повествовательными подробностями представлены события, произошедшие в Угличе 15 мая 1591 года. Особый интерес представляют росписи трапезной церкви, исполненные в 1788 году мастером Петром Хребниковым. В трапезной создается особое пространство, которое погружает зрителя в созерцание и настраивает на размышления, так как росписи плавно переходят от одного сюжета к другому, раскрывая картину библейского повествования. Мощная фигура Богатворца, заключенная в картуш из золоченых лавровых листьев своими чертами напоминает персонаж из гравированной Библии Василия Кореня 1692-1696 годов [5]. Василий Корень также вдохновлялся европейскими иллюстрированными изданиями.

Конечно, к XVIII веку

гравюры Кореня уже вышли из обихода, но ощущение здоровой полноты бытия, добрая ирония, открытость эмоций простота и цельность композиционного строя, а также

общность иконографических источников связывают произведения художника конца XVIII века с работами мастеров рубежа XVII-XVIII столетий.

Список литературы:

1. Брюсова В.Г. Фрески Ярославля XVII – нач. XVIII вв. М.:Искусство,1983
2. Бусева- Давыдова И.Л. Каменное зодчество Древней Руси. М.: Искусство, 1989.
- 3.Брюсова В.Г. Русская живопись XVII века. – М.:Искусство, 1984.
- 4.Брюсова В.Г. Гурий Никитин. – М.: Изобразительное искусство, 1982
5. Сакович А.Г. Народная гравированная книга Василия Кореня. 1692-1696. – М.:Искусство, 1983.

В.А. Кооп

Аспирант кафедры Архитектурного проектирования
ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный
университет», Нижний Новгород, Россия

Архитектор

ООО «АЛЬЯНС СТРОЙ», Нижний Новгород, Россия, zotis@mail.ru

ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНАЯ СРЕДА ГОРОДА ВЛАДИМИРА КАК ОБЪЕКТ ЗРИТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ

Архитектурно-композиционные особенности города при его натурном исследовании нагляднее всего проявляются в его силуэте. Наиболее выразительным силуэт исторического центра г. Владимира представляется с южной стороны при обзоре высокого левого берега реки Клязьмы с территории поймы на ее правом берегу. Застройка исторического ядра города располагается на «возвышенном удлинённом плато береговой гряды у слияния рек Лыбеди и Клязьмы» [1, с. 29]. Размещённый таким образом на рельефе город даже при незначительной высоте сооружений создаёт характерную выразительную композицию [2, с. 12]. В XVI в. выразительность силуэта крепости г. Владимира наряду с Успенским и Дмитриевским соборами, возведёнными в XII в., формировали башни деревянных укреплений крепости, 8 из 14 которых были размещены на южной, речной стороне [1, с. 29]. На сегодняшний день деревянные укрепления отсутствуют, а силуэт сформирован каменными сооружениями XII, XVII, XVIII, XIX и XXI вв., большую часть из которых составляют православные храмы. Значимую роль в южной панораме исторического центра Владимира играет «объединение архитектурной силы с силами природы» [2, с. 15]: силуэты белых храмов возвышаются над плотной стеной зелёных крон и нетронутыми лугами поймы реки Клязьмы.

«Наиболее важная роль силуэта проявляется в общей городской панораме» [2, с. 5], однако он «может восприниматься не только извне, но и изнутри самого города: в перспективах улиц, с открытых пространств площадей и набережных, с отдельных холмов или из верхних этажей высоких зданий» [2, с. 5]. Представляя собой композицию, сложенную из различных объектов, силуэт города формируется из фоновой застройки, акцентов и доминант. Роли доминант, которые, согласно выводам архитектора Мертенса [2, с. 82] превосходят по высоте рядовую застройку в 3-4 раза, и фоновой застройки, образующей среднюю высоту, наиболее заметны и понятны интуитивно. Нюансные акценты придают силуэту города большую выразительность, неоднородность, без них он «был бы слишком схематичным и сухим» [2, с. 83]. Важную роль в формировании композиции городского пространства г. Владимира нюансные акценты играют при их восприятии изнутри самого города. В отличие от крупной южной панорамы исторического центра, где в роли акцентов выступают в основном невысокие церкви, в локальных силуэтах внутри города эту функцию принимают на себя завершения жилых и общественных зданий в виде башенок, бельведеров и иных форм. Основные объёмы этих зданий объединяются с фоновой застройкой, а их завершения выступают в роли нюансов. Характерно использование данного композиционного приёма при возведении объектов, относящихся к середине XX в. и рубежу XX и XXI вв. Примером включения нюансных акцентов является панорама, открывающаяся на исторический центр со стороны въезда на путепровод на Октябрьском проспекте, который задумывался в конце 40-х годов XX в. в качестве

одной из основных композиционных осей города, ведущей к главному административному зданию, но не принял на себя эту роль. Особенно выразительна перпендикулярная ему панорама в периоды года, когда на деревьях отсутствует листва, сглаживающая контраст между фоновой застройкой и доминантами. Доминирующими на данной панораме элементами являются завершения собора Успения Пресвятой Богородицы и Никитской церкви. Акцентом первого плана является располагающийся между ними кафедральный собор Успения Пресвятой Богородицы и его колокольня. Акцентами второго плана являются колокольня с церковью Александра Невского, Троицкая церковь, Николо-Кремлёвская церковь. Примечательными с точки зрения формирования композиции в этой панораме являются два жилых здания, так как в современной застройке именно они зачастую выступают в роли новых доминант и акцентов. Это пятиэтажный пристрой к жилому дому по Октябрьскому проспекту, 16 (арх. Пачуев В.И., 1986, 1997-1999 гг.) и четырёхэтажное общежитие машиностроительного техникума с угловым акцентом в виде пятиэтажной башни (арх. Гамзе Э.Л., 1948-1954 гг.). Пристрой завершён небольшим бельведером на четырёх опорах с низкой шатровой крышей, повышенная часть общежития завершается башенкой с квадратным основанием и низкой шатровой крышей. Массивные и достаточно протяжённые вдоль фронта панорамы здания формируют своими очертаниями среднюю линию застройки, тогда как бельведер и башенка на их фоне выступают в роли небольших акцентов, не отвлекая внимание от доминант, но поддерживая общую динамику панорамы. Правее здания общежития находится многоэтажный жилой дом по ул. Семашко, 8, расположенный на возвышенности, который наравне с Никитской церковью и Успенским собором выполняет роль современной доминанты, но, не обладает художественной выразительностью и диссонирует с застройкой исторического центра. Наиболее наглядно этот диссонанс, в панораме исторического центра заметен с характерной обзорной точки на возвышенности у здания областной администрации, откуда просматриваются такие архитектурные памятники, как: кафедральный Успенский собор, Никитская церковь, Троицкая старообрядческая церковь, Костёл святого Розария, Золотые ворота, водонапорная башня, бывший дом губернатора и др. В ряд исторических градостроительных доминант органично включена новая церковь Св. Владимира равноапостольного (арх. Трофимов А.Н., 2021 г.). На фоне всех указанных доминант и акцентов дом по ул. Семашко, 8 претендует на роль центра в композиции панорамы за счёт своей массы.

Примером нового архитектурного объекта, гармонично вписанного в существующий контекст застройки, является многоквартирный жилой дом по ул. Малые Ременники, 11 (арх. Богаченко А.Б., 2009 г.). Данный объект имеет специфическую форму плана, благодаря которой формируется пространство, визуально сохраняющее историческую планировочную структуру ул. Малые Ременники, что также позволило сохранить возможность наблюдать при движении по Октябрьскому проспекту в сторону Театральной площади каменно-деревянный дом рубежа XIX и XX вв. с резными наличниками по ул. Малые Ременники, 7, расположенный за пятиэтажным жилым домом 1950-х годов. Таким образом, остаётся возможность увидеть одну из старейших улиц города среди сплошного фронта современных высоких зданий Октябрьского проспекта. Подобный композиционный приём применён в реализованном проекте многофункционального общественного здания по Октябрьскому проспекту, 22 (арх. Сорокина Н.Н., 2010 г.). Здесь также на уровне планировки решён вопрос лучшего обзора на «архитектурный кадр» [3, с. 172] панорамы, открывающейся с Октябрьского проспекта, описанной ранее в данной статье. В отличие от многоквартирного дома на Малых Ременниках, общественное

здание не открывает вид на панораму, а лишь позволяет получить обзор на неё чуть раньше из-за срезанного угла.

Исторический центр Владимира линейно вытянут вдоль реки Клязьмы, и его главная улица – Большая Московская – также направлена вдоль реки. Севернее центра, за рекой Лыбедью, параллельно главной улице проходит ул. Мира, крупные значимые здания на которой начали появляться только во второй половине XX в. Почти на всём её протяжении раскрываются видовые точки на уникальную панораму исторического центра. С точки зрения раскрытия панорамы исторического центра примечателен участок ул. Мира между пересечениями с ул. Горького и с ул. Гороховой. Здесь «на месте нынешней улицы Мира, была небольшая Новая (Малая) слободка, состоявшая из нескольких десятков одноэтажных деревянных домов» [4, с. 175]. На фотографиях 50-х годов XX в. видно насколько хорошо с этой территории просматривалась панорама исторического центра. Застройка многоэтажными домами рубежа XX и XXI вв. перекрыла большую часть панорамы, открывавшейся с ул. Мира. Примечательна судьба проекта дома по ул. Мира, 24 – четырёхэтажного жилого дома. На момент его проектирования ещё оставались незастроенные участки между многоэтажными домами, что позволяло наблюдать кафедральный Успенский собор. На стадии ранней концепции автор проекта предлагал три десятиэтажных объёма, объединённых между собой переходами на уровне восьмого этажа. Таким образом, формировались два высоких проёма, через один из которых с учётом незастроенных пространств открывался прекрасный вид на Успенский собор, здание губернских присутственных мест и Дмитриевский собор. Данная концепция была заменена на сплошной фронт фасада высотой до 15 м из-за ограничений по высоте. Такое решение соответствует регламенту, но, закрывает обзор на ансамбль.

Уникальная, выразительная композиция как всего силуэта историко-архитектурной среды города, так и отдельных её фрагментов – является художественной ценностью, которую необходимо сохранять. При реконструкции в историческом центре архитекторы должны не только соблюдать градостроительные регламенты, но и учитывать зрительное восприятие историко-архитектурной среды с целью сохранить определённые композиционные оси и важные видовые точки. К сожалению, экономическая целесообразность зачастую приводит к формальному подходу при проектировании, к однообразию и невыразительности новой застройки. Концептуальный, неформальный подход при проектировании в наиболее значимых исторических территориях города может способствовать решению художественной проблемы в градостроительстве.

Список литературы:

1. Мазур, Л. Д. Русский город XI-XVIII вв. Владимирская земля / Л. Д. Мазур. – Москва : [б. и.], 2006. – 1 атл. (111 с.) : текст, ил. – ISBN 5-8125-0753-8.
2. Баранов, Н. Н. Силуэт города / Н.Н. Баранов. – Ленинград : Стройиздат. Ленингр. отд-ние, 1980. – 184 с., ил. – Текст непосредственный.
3. Композиция в современной архитектуре / [Ред. коллегия: Л. И. Кириллова и др.] ; Гос. ком. по гражд. стр-ву и архитектуре при Госстрое СССР. Центр. науч.-исслед. ин-т теории и истории архитектуры. — Москва : Стройиздат, 1973. – 287 с. : ил. – Текст непосредственный.
4. Титова, В. И. Улицы Владимира от А до Я : историко-топонимические очерки / В. И. Титова. – Владимир : Калейдоскоп, 2019. – 336 с. : ил. – ISBN 978-5-88636-270-1. – Текст непосредственный.

Д.А. Пирогов

Аспирант кафедры архитектурного проектирования
ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет»,
Нижний Новгород, Россия, daniilspirogov@yandex.ru

Научный руководитель: **Гельфонд Анна Лазаревна**
Доктор архитектуры, профессор

РЕАНИМИРУЮЩАЯ АРХИТЕКТУРА БЫСТРОВОЗВОДИМЫХ ОБЪЕКТОВ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В «ДЕПРЕССИВНЫХ» ГОРОДСКИХ РАЙОНАХ

Важной проблемой для крупных городов, чья специфика связана с высоким уровнем бедности либо с притоком беженцев, является формирование и рост «депрессивных» городских районов. Глобально проблема не является решённой, несмотря на то, что в мировой практике усилиями градостроителей, архитекторов, застройщиков, девелоперов и управленцев постоянно разрабатываются и заново осмысляются устойчивые стратегии развития таких территорий [1]. В тех случаях, когда речь не идёт о комплексной реновации и реорганизации территорий, преимущественно в эти стратегии входят принципы «реанимирующей», а также «адаптивной» архитектуры [2,3].

Оказавшись летом 2021 года в Анкаре, автору доклада удалось посетить районы гетто, именуемые «Геджеконду» [4]. Это массивные по своей площади районы одно- и двухэтажных строений, в которых проживают коренные жители, находящиеся по своему социальному статусу ниже порога бедности, а также сирийские и афганские беженцы; это районы с высоким уровнем криминогенной обстановки, без организованных общественных пространств, точек общественного притяжения и безопасных зон. Этот опыт впоследствии отчасти повлиял на выбор темы диссертации, над которой работает автор – «Архитектурное формирование быстровозводимых объектов социальной инфраструктуры для беженцев» (далее – БОСИ).

В ходе исследования были изучены примеры интеграции быстровозводимой реанимирующей архитектуры в подобные районы, характеризующиеся как «депрессивные» с точки зрения культурного, социального, градостроительного и экономического развития.

Однако подобные точечные объекты по ряду параметров оказывают незначительный эффект, тема интеграции БОСИ в «депрессивные» районы требует дополнений, пояснений и осмысления с разных ракурсов. В рамках данной статьи предлагаются следующие тезисы:

1. Основным фактором эффективности применения методов «реанимирующей» архитектуры является последовательное систематическое выстраивание сети объектов, формирующих в пределах территории (квартал, район, населённый пункт) каркас зон общественного притяжения. Именно развитая сеть общественных пространств сможет обеспечить такие территории необходимой связностью и придать им целостность [5]. Отдельные объекты, не имеющие связку с другими, ввиду своей автономности не затрагивают (или делают это в меньшей степени) часть населения по причине:

- удалённости от отдельных жилых кварталов и районов;
- функционального наполнения, актуального только для части населения (по возрасту, этнической либо религиозной принадлежности, и т.д.).

2. Формирование общественных пространств при ОСИ и БОСИ. При организации учебных, лечебных и спортивных заведений – необходимость их дополнения культурной

функцией, организации мест для встреч местного сообщества, направленных на объединение различных этнических и религиозных групп, в случаях, когда это допустимо.

3. В продолжении п.1. следующим этапом может быть формирование каркаса регулярно функционирующих объектов социальной инфраструктуры (ОСИ) и выстраивание между ними промежуточных звеньев в виде временных сооружений с наиболее простыми параметрами сборки и утилизации. Основные элементы «реанимирующей» архитектуры могут возводиться как капитальные строения из кладочных (в том числе – локальных возобновляемых) материалов, так и как временные быстровозводимые сооружения, но при этом устойчивые к изменению температурно-влажностного режима при перемене сезонов в регионе проектирования (а также устойчивость к снеговым и ветровым нагрузкам в соответствующих климатических зонах).

В этой связи для формирования регулярно функционирующих объектов в «депрессивных» районах из быстровозводимых конструктивных систем рекомендуются к использованию:

- каркасная и каркасно-щитовая;
- модульная;
- объёмно-блочная.

В то время как для создания временных «второстепенных» объектов в рамках данного доклада предлагается применение КС:

- тентовых,
- оболочковых;
- пневматических;
- мобильных модулей.

«Второстепенные» БОСИ, необходимые для связи между ключевыми точками социокультурного и общественно-делового каркаса, могут классифицироваться по признаку:

А. автономности:

- отдельно стоящие объекты,
- при регулярно функционирующих ОСИ либо БОСИ;

Б. срока эксплуатации:

- сезонные;
- событийные (возводятся в случаях отдельных общественных мероприятий);
- регулярно возводимые (объекты монтируются либо доставляются, а также утилизируются либо перемещаются с определённой регулярностью, например в зависимости от дней недели, регулярных мероприятий, связанных с гуманитарной помощью, торговлей либо с культурными и религиозными собраниями, требующими этой регулярности).

В. функционального наполнения:

- культурно-зрелищная функция;
- торговая;
- связанная с гуманитарной и медицинской помощью;
- религиозная;
- направленная на объединение сообщества по признакам, описанным выше.

4. Обращение к принципам соучаствующего проектирования.

В условиях «депрессивных» районов важным фактором деградации территории, помимо основных (экономических, социально-политических) является также отсутствие ощущения принадлежности территории жителям, её населяющим, отсутствие ощущения сопричастности каждого отдельного члена общества (или малой группы, объединённых по принципу родства, соседства, профессионального или дружеского союза) с постройками и архитектурной средой. Практики вовлечения способствуют повышению уровня ответственности жителей за среду вокруг них, а также идентификации себя с территорией, помогают выстраивать коммуникацию и взаимопонимание между жителями [6]. В мировой практике социального проектирования существует много примеров при работе с беженцами и малоимущими группами населения. Следует отметить, что зачастую формат из

соучаствующего проектирования переходит в формат «соучаствующего строительства». Такая практика особенно сильно распространена при строительстве школ и детских садов.

Список литературы:

1. Лапин А.В., Кутергина Г.В. Идентификация и моделирование развития депрессивных территорий: отечественный и зарубежный опыт // Вестник ПГУ. Серия: Экономика. 2016. №1 (28). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/identifikatsiya-i-modelirovanie-razvitiya-depressivnyh-territoriy-otechestvennyy-i-zarubezhnyy-opyt> (дата обращения: 17.11.2023).
2. Пчельников В.Н., Дзюба А.В. Актуальность реорганизации деградирующих территорий // Строительство и техногенная безопасность. 2014. №49. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnost-reorganizatsii-degradiruyuschih-territoriy> (дата обращения: 10.11.2023).
3. Габдрахманова И.И., Ахтямов И.И., Ахтямова Р.Х. Адаптивная архитектура, как реакция города на изменяющиеся запросы общества // Известия КазГАСУ. 2017. №3 (41). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/adaptivnaya-arhitektura-kak-reaktsiya-goroda-na-izmenyayushiesya-zaprosy-obschestva> (дата обращения: 15.11.2023).
4. Прохорова Е.А., Зарубежный опыт реализации проектов реновации жилой застройки // Международный журнал прикладных наук и технологий «Integral». 2019. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-realizatsii-proektov-renovatsii-zhiloy-zastroyki> (дата обращения: 09.11.2023).
5. Гельфонд А.Л., Концепция формирования потенциальных пространственных каркасов исторических поселений // Academia. Архитектура и строительство. 2019. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-formirovaniya-potentsialnyh-prostranstvennyh-karkasov-istoricheskikh-poseleniy> (дата обращения: 15.11.2023).
6. Латыпова, А. Р. Город сквозь призму технологий: городские сообщества и учреждение новой «совместности» / А. Р. Латыпова // Социолог: образование и профессиональные траектории : материалы Всероссийской научной конференции XV Ковалевские чтения, Санкт-Петербург, 25–27 ноября 2021 года. – Санкт-Петербург: ООО "Скифия-принт", 2021. – С. 76-78. – EDN BYDHFC.

Г.В. Меламед

Управление государственной охраны объектов культурного наследия Нижегородской области, Нижний Новгород, Россия
ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет», Нижний Новгород, Россия

ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОЙ СРЕДЫ ГОРОДЦА НАЧАЛО XVII – НАЧАЛО XX ВВ.

Город Городец является древнейшим городом Нижегородской области.

Точная дата основания Городца неизвестна. Данные источников крайне скудны и не поддаются однозначному толкованию. Сегодня существуют две господствующие версии о дате основания города. Согласно первой, наиболее полно обоснованной А.Ф. Медведевым, Городец был основан Юрием Долгоруким в 1152 году. По версии В.А. Кучкина, Городец возник позже – при Андрее Боголюбском – между 1164 и 1171 гг. Обе эти версии были глубоко проанализированы нижегородским историком Б.М. Пудаловым. Датировка возникновения города в 1152 г. основывалась на сообщении Супрасльской летописи «...и сыпа город Кидешку той же Городец на Вользе». Популярное толкование этого отрывка построено на допущении, что Городец строился одновременно с Кидекшей. Поскольку в летописях есть прямые указания на строительство церкви в Кидекше Юрием Долгоруким, был сделан вывод о причастности этого князя и к основанию Городца. Между тем, автор Супрасльской летописи явно отождествляет Кидекшу и Городец; эта невнятность имеет объективный характер, поскольку Супрасльская летопись – памятник белорусско-литовского происхождения, известия которой до 1310 г. опираются на новгородский источник. С другой стороны, в «Типографской летописи», своде ростовского происхождения, где описывается градостроительная деятельность Юрия Долгорукого, Городец не упоминается. И самое главное – конкретной даты в Супрасльской летописи нет. В.А. Кучкин, анализируя историческую обстановку 1150-х гг. пришел к выводу, что военные и политические усилия Юрия Долгорукова приковывало южное и западное направления. Воюя с Черниговом, Новгородом и Киевом, он был не в состоянии вести борьбу с сильной Булгарской державой на востоке. Тем не менее, ошибочная датировка основания Городца в 1152 г. оказалась на удивление живучей [1]. Эта историческая ошибка до сих пор не исправлена, и потому современный герб Городца украшает дата «1152».

Нормализация положения Русского государства к середине XVII в. и официальное учреждение в 1641 г. Макарьевской ярмарки, ставшей крупнейшим торгом страны, дало новый толчок социально-экономическому развитию Городца. Последняя треть XVII в. стала для него временем подъема, о чем свидетельствуют данные Писцовой книги 1680-1684 гг. В это время сохранялось административное деление Городецкой волости на две части, подчиненные Юрьевецкому и Балахнинскому уездам, причем граница уездов проходила по территории Верхней слободы [1]. Таким образом, в конце XVII в. Городец стал административным центром волости, значительным по числу жилых дворов поселением, жители которого деятельно занимались ремеслами и торговлей.

Внутри входящих в состав Городца слобод, вероятно, уже в первой половине XVII в. стали формироваться приходы с деревянными храмами и погостами (кладбищами) при них. Деревянные церкви становились главными композиционными

центрами поселений (слобод) и наряду с пространствами улиц формировали «градостроительный» каркас этих слобод: Троицкая и Никольская церкви – Верхней слободы, захватывающей его северную часть и прилегавший участок нижней надпойменной террасы, где находился торг; церковь Михаила Архангела – Архангельского погоста в южной части городища; Пятницкая (Владимирская) церковь – Нижней слободы, расположенной еще южнее и ниже по течению реки. Начало каменного строительства в Городце приходится на последнюю треть XVII – начало XVIII вв. В этот период четыре вышеперечисленные церкви были возведены в камне.

Во второй половине XVIII в. в Городце активно развивались ремесла и торговля, росло судостроение. В селе имелось десять кожевенных заводов, пряничный промысел, производство нитяных цветных тесемок, фабрика берлинской лазури купца К.М. Прянишникова. Начиная с XVIII в. Городец и прилегающие к нему территории образуют единый торгово-промысловый район, живущий общей экономической жизнью.

Первыми графическими документами, зафиксировавшими планировку городецкого торгово-промыслового района, стали планы Генерального межевания, выполненные в последней четверти XVIII в. (с 1774 по 1802 гг.). На каждый земельный участок, находившийся в собственности какого-либо владельца, был составлен отдельный чертеж. Все планы Генерального межевания составлялись в едином масштабе (сто сажень в английском дюйме) и отличались высокой точностью фиксации. Собственно селом Городец на планах Генерального межевания называются Большая и Малая слободы, принадлежавшие В.Г. Орлову. Большая слобода (соответствующая Верхней слободе XVII в.) занимала северо-западную часть городища и прилегающий к нему с севера участок нижней прибрежной террасы, где находился торг. Современные границы этой территории – от берега Волги по ул. Александра Невского, ул. Ленина, Кооперативному съезду, ул. Горького, ул. Пионерской до берега Волги. Центром Большой слободы являлся архитектурный комплекс Троицко-Никольского погоста. Располагавшаяся севернее Малая слобода находилась в нижней прибрежной части; от Большой слободы ее отделяла слобода Бабыя (Скоморохова). К северу от Малой слободы размещались слобода Верхняя Полянка и деревня Большое Улыбино в устье Большого оврага. К Верхней Полянке с севера примыкала деревня Коротайка с фабрикой берлинской лазури. Все перечисленные поселения в конце XVIII в. уже составляли единый массив жилой застройки, вытянутый вдоль берега Ямного затона (ныне главной осью этой территории является ул. Горького и продолжающая ее ул. Орджоникидзе)

Анализ планов Генерального межевания позволяет сделать вывод об отсутствии в планировке Городца рубежа XVIII – XX вв. какого-либо градостроительного замысла. План в целом носил неупорядоченный характер, который определяли сложный рельеф местности, отсутствие единого центра и принадлежность разным владельцам. Слабо заселенная территория городища контрастирует с плотной застройкой всей подгорной части к северу от него; это наглядно демонстрирует, насколько тесно торгово-промысловая жизнь Городца была связана с Волгой. Жилая застройка была сформирована либо отдельными вытянутыми порядками, характерными для деревень, либо обстроенными по периметру кварталами (в Верхней слободе, Верхней Полянке, Коротайке).

Расцвет жилого каменного строительства в Городце приходится на последнюю треть XIX в. – начало XX в., когда здесь было возведено большинство дошедших до наших дней объектов гражданской архитектуры (по данным 1901 г. из 2014 зданий села 408 были каменными). Большинство из них – купеческие усадьбы и особняки, которые и сегодня определяют облик исторической части Городца. Небольшие по площади

земельные участки усадеб чаще всего располагались короткой стороной вдоль улицы, развиваясь вглубь квартала. Застройка усадеб была плотной – под зданиями находилось около 50 % их площади. В составе усадьбы в среднем было от трех до пяти каменных, деревянных и смешанных одно- двухэтажных построек [2].

В конце XIX в. – начале XX в. в Городце появился целый ряд несвойственных селам учреждений и обществ, для которых были необходимы общественные здания новых типов – учебные, лечебные и благотворительные, культурно-просветительские и развлекательные.

Во все периоды своей истории Городец был обращен «лицом» к Волге, откуда открывалась живописная панорама поселения; его архитектурными доминантами являлись «городские», по определению П.И. Мельникова, церкви. Наиболее древние храмы располагались на кромке верхней береговой террасы, выявляя своими вертикалями исторические очаги застройки. Южную часть панорамы формировали Владимирская церковь в Нижней слободе и церковь Михаила Архангела в южной части городища. Центральное место занимал Троицкий соборный комплекс в Большой Верхней слободе. С северо-западной стороны участка, по форме близкого к прямоугольнику, ближе к кромке откоса находилась зимняя Никольская церковь; с южной стороны располагался летний Троицкий собор. В северной части поселения в полугоре располагалась Спасская церковь слободы Верхней Полянки. Со стороны Волги панорама Городца, обогащенная силуэтами церквей, была очень живописной. Небольшие водоемы – озеро Святое (Подветельное, Рязаново) и болото Черемоново – органично вошли в ткань застройки. В XIX в. постепенно сложилась и восточная панорама Городца [3].

Планировочная структура Городца, сложилась к началу XX в. и в основном сохранилась до наших дней. придание Городцу официального статуса города в 1922 г. вовсе не являлось характерным для Советской власти волевым решением; оно лишь закрепило давно сложившуюся ситуацию. Со второй половины XIX в. Городец фактически превратился в город – один из крупных центров торговли и промышленности Нижегородского Поволжья.

Список литературы:

1. Городецкий район: Иллюстрированный каталог памятников истории и культуры / [отв. ред. А.В. Лисицына]. – Нижний Новгород : Кварц, 2011. – 504 с.
2. Еремин, И. О. Развитие застройки Городца в XVII – начале XX вв. / И. О. Еремин // Памятники истории и архитектуры европейской России : материалы докл. науч. конф. «Проблемы исследования памятников истории, культуры и природы Европейской России». – Нижний Новгород, 1995. – С. 243-253.
3. Филатов, Н. Ф. Городец на Волге XII – XIX веков / Н. Ф. Филатов; сост. Н. Ф. Поляков, В. Н. Филатова, М. Г. Шашков. – Нижний Новгород : ДЕКОМ, 2005. – 168 с.

А.Г. Мельников

Государственное автономное учреждение Нижегородской области «Научно-производственный центр по сохранению объектов культурного наследия Нижегородской области», Нижний Новгород, Россия
ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет», Нижний Новгород, Россия

ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОЙ СРЕДЫ ВАСИЛЬСУРСКА В XVIII–XXI ВВ.

Рост населения Васильсурска в первой половине XVII в. был связан со значительным миграционным потоком, который рассматривал город на слиянии Волги и Суры в качестве привлекательного места по экономическим и торговым соображениям. Так, историк Н.А. Бакланова отмечает, что в это время из 80 посадских дворов 27 (около 30%) принадлежало переселенцам, которые были из соседних Юрьево-Польского, Курмышского, Суздальского и Ядринского уездов, а также Соли Камской. Большая часть из них по сословному признаку принадлежала к дворцовым крестьянам. Общее число жителей составляло 223 человека [1].

К концу XVII в. Васильсурск окончательно утратил статус военного укрепления, превратившись в небольшое торгово-промышленное поселение.

На протяжении XVIII в. Васильсурск несколько раз менял административное подчинение. В 1708 г. Васильсурск был отнесен к Казанской губернии, с 1719 г. – к Свияжской провинции той же губернии; с 1779 г. – к Нижегородскому наместничеству на правах уездного города.

В середине – второй половине XVIII в. была частично вырублена находившаяся рядом с населенным пунктом дубовая роща. Заготавливаемый лес продавался и использовался для строительства кораблей.

Первая половина XIX в. является временем наибольшего расцвета Васильсурска. В это время к основным источникам дохода местного населения относились судопромышленность и рыболовный промысел. По своему географическому положению на слиянии двух рек, Волги и Суры, город оказался в центре водного пути, по которому шли суда с хлебом и иными товарами из южных в северные губернии. Через Васильсурск проходили сурские, волжские и камские суда.

Для обслуживания значительного числа судов (более 600-700 судов в год) в Васильсурске было два частных крана для установки мачт, множество лавок со снастями и судовыми принадлежностями. Также появились слесарные, столярные, кузнечные мастерские; существовал канатный завод.

Участие Васильсурска в торговом движении было настолько велико, что васильскому купечеству была предоставлена возможность избирать из своей среды членов в судоходную нижегородскую расправу (в 1842 г.). Кроме того, известно, что 13 жителей Васильсурска имели собственные суда.

В середине XIX в. Васильсурская пристань была особенно оживлена. Пензенская и Симбирская губернии проводили «хлебную торговлю» с Рыбинском, путем сообщения которой были Сура и Волга. Город был перевалочным пунктом на торговом пути, соединяющим Нижний Новгород и Астрахань. По этим рекам шли караваны судов и останавливались у Васильсурска, чтобы поставить мачты, перезагрузиться или запастись продовольствием. Такие остановки способствовали

городской торговле и промышленности. Нередко на васьильской пристани производилась разгрузка судов или перегрузка на новые суда.

К основным статьям торговли относились судовые принадлежности, рыба, лес, хлеб. Под влиянием торговли начала развиваться местная промышленность. Появились слесари, кузнецы, хлебопеки, пивовары и др. [1].

В 1825 г. в Васильсурске существовала канатная фабрика, принадлежавшая купцу А. Бабушкину и обеспечивавшая суда своей продукцией. На ней работали крестьяне близлежащих селений. К 1860-м гг. фабрика была закрыта.

Другой статьей дохода населения Васильсурска было рыболовство, прославившее город на всю страну. Этим промыслом занималось в XIX в. более ста местных жителей. Необходимые для рыболовства снасти изготавливались местными кузнецами и слесарями. Также кузнецы изготавливали необходимые для судоходства якоря, цепи и др.

На протяжении всего XIX в. и до начала XX в. промысловое рыболовство занимало одно из важных мест в хозяйственной деятельности крестьян Васильсурского уезда Нижегородской губернии, в том числе, и самого Васильсурска.

В Васильсурске в 1837 г. располагался военный гарнизон, состоявший из 145 солдат внутренней стражи и 43 военных кантонистов. Также здесь размещалась инвалидная команда, несшая, как и полагалось, сторожевые службы [2].

В первой половине XIX в. в Васильсурске начинает развиваться народное образование. В 1819 г. открылось народное двухклассное училище. Училище открылось по инициативе стряпчего Зарницина на деньги, собранные с городского общества (общая сумма 3491 рублей). При открытии училища в нем обучалось 19 учеников, из них 15 учеников в 1-м классе, 4 ученика в 2-м классе. В 1836 г. училище преобразовано в трехклассное, уездное, что давало его выпускникам привилегии на государственной службе и освобождало от телесного наказания в случае нарушения правил поведения [3].

Торговое положение Васильсурск теряет после 1860-х гг., когда начинает развиваться пароходство. Отпадает необходимость в остановке барж в устье Суры. С появлением железнодорожного транспорта рассредоточились хлебные перевозки, изменилась их география. Промыслы по строительству и оснастке деревянных судов оказались невостребованными. Спрос на предметы продовольствия, вследствие уменьшения числа бурлаков и судорабочих, сильно сократился, что привело к закрытию куреней (пекарен). Перестало быть необходимою держать большое количество скота.

В связи с упадком города к 1877 г. его население уменьшилось до 2440 человек. В это время часть жителей в поисках заработка покинула Васильсурск; другая часть состояла из бывших дворовых крестьян, получивших вольную после отмены крепостного права, и переселившихся в Васильсурск для занятия ремеслами (кузнецы, столяры, портные и др.).

С целью активизации торговли в Васильсурске в 1866 г. была учреждена ярмарка, которая проводилась ежегодно с 25 апреля по 15 мая и с 10 по 20 октября. Но по причине отсутствия местных производств она не получила развития и была вскоре закрыта.

В 1868 г. в Васильсурске была учреждена телеграфная станция, необходимая для нужд торговли и судоходства. Она стала частью телеграфной линии между Нижним Новгородом и Казанью, существовавшей с 1859 г.

Последний в дореволюционный период истории экономический подъем Васильсурск переживает в 1880-1890-е гг., что было связано с общероссийскими благоприятными условиями для развития различных производств.

К 1915 г. население Васильсурска состояло из 4719 жителей, имелись больница, реальное училище, четыре начальных школы. Таким образом, к началу XX в. Васильсурск подошел достаточно крупным уездным городом Нижегородской губернии, в котором развивались местные производства, рыболовство, пчеловодство; развивалась медицина, образование. Населенный пункт обрел статус климатического курорта.

Февральская и последовавшая за ней Октябрьская революция 1917 г. изменили уклад жизни Васильсурска. С 1920-х гг. Васильсурск развивается как курорт. В советское время здесь строятся дома отдыха, детский туберкулезный санаторий, турбазы. Территория получает название «Васильсурской Швейцарии».

На территории Васильсурска в 1990-е гг. располагалось два дома отдыха на 453 и 487 мест Нижегородского Совета по управлению курортами профсоюзов, база отдыха Нижегородского мясокомбината № 2 на 30 мест, база отдыха Нижегородского детского спортклуба «Аметист» на 15 мест, база отдыха «ВИНЭЖ» на 8 мест, база отдыха Нижегородской налоговой полиции на 20 мест. За граница поселка также находятся турбаза ЦКБ «Вымпел» на 170 мест и турбаза «Сура». Данные учреждения отдыха (за исключением базы отдыха налоговой полиции, которая использовалась круглогодично) использовались не более 3-х месяцев в году. Общая численность персонала: в зимнее время – 43 человека; в летнее время – 131 человек. Персонал формировался из местных жителей; также часть персонала приезжала из других населенных пунктов Нижегородской области.

Таким образом, к настоящему времени Васильсурск является небольшим поселком городского типа с населением около 700 человек. На современном этапе развития для населенного пункта приоритетным направлением является сфера туризма и отдыха; данные сферы деятельности позволяют осуществить возрождение экономического и культурного потенциала поселка.

Список литературы:

1. Кудрявцев В.Ф. Историческое описание города Василя Нижегородской губернии// Нижегородский сборник. Н. Новгород, 1877. С. 29.с
2. РГИА. Ф. 218. Оп. 4. Д. 435; Ф. 1293. Оп. 167 (Нижегородская губерния). Д. 73.
3. Болобонов М.С. История Васильсурска и его уезда. 1941 г.: рукопись. С. 24-25.

А.А. Ленкова

Магистрант

ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет», Нижний Новгород, Россия, lenkovaangelina13070@gmail.com

ЦЕНТРИЧЕСКИЕ ХРАМЫ ПЕРИОДА КЛАССИЦИЗМА НА ТЕРРИТОРИИ НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ

Русская церковная архитектура периода классицизма оставила большое архитектурное наследие. Классицизм, который отличался лаконичными и строгими формами, четкой и геометрической композицией, благородностью и простотой внешнего облика, царствовал в России в период с 1760-х гг. до 1840-х гг. Становление стиля, который принято называть русским классицизмом, происходило в столичных городах под руководством выдающихся архитекторов. В Петербурге церковная архитектура эпохи классицизма наиболее полно раскрылась в творчестве А. Ф. Захарова, В. П. Стасова, И. Е. Старова, Н. А. Львова. В Москве же большую роль сыграл архитектор М. Ф. Казаков. Столичная церковная архитектура отличалась ярко выраженными чертами стиля, среди которых были использование классицистической тектоники, четкая регулярная структура, гармоничная пропорциональность. Церковная провинциальная архитектура эпохи классицизма конца XVIII и первой трети XIX вв. проявилась в более упрощенных формах и сформировалась на основе местных региональных особенностей.

В русском классицизме, как и в любом другом стиле, выделено три основных этапа: ранний, строгий и высокий [1]. В Нижегородскую губернию классицизм пришел несколько позже (табл.1).

Таблица 1

Период \ Местоположение	Столичные города (Москва, Петербург)	Нижегородская губерния
Ранний классицизм	1760 – 1780 гг.	1780-1790 гг.
Строгий классицизм	1780 – 1800 гг.	1790-1810 гг.
Высокий классицизм	1800 – 1830 гг.	1810-1840 гг.

Первые проявления нового стиля относят к 1780 – 1790-м гг. Они сочетались в архитектуре церквей с барочными мотивами и редкими элементами псевдоготики. Так заявил о себе ранний классицизм. Строгий классицизм проявился уже в 1790-е гг. и характеризовался использованием ордерной классицистической тектоники и появлением нового объёмно-пространственного построения храма – храм-ротонда [2]. Этот тип церкви заключал в себе первые предпосылки появившихся чуть позже центрических храмов, которые имели в своей основе круглый, квадратный или крестообразный план и были увенчаны одной крупной главой или пятиглавием.

Центрические церкви являются венцом церковной архитектуры эпохи русского классицизма. Их расцвет пришёлся на период высокого классицизма. Чёткая регулярная структура, масштабность, модульность, композиционное единство, синтез архитектуры и монументального искусства – всё это характерные особенности центрических построек.

За период позднего классицизма Нижегородская губерния приобрела немало центрических церквей, которые и по сей день являются выдающимися произведениями

архитектуры. Среди них величественный Воскресенский собор, который является главным украшением Арзамаса, Церковь Вознесения Господня в Лысково, Спасский Староярмарочный собор, Успенский военный собор и Алексеевская церковь Благовещенского монастыря в Нижнем Новгороде и другие.

Среди центральных церквей эпохи классицизма в Нижегородской губернии можно выделить три типа объёмно-пространственной композиции: статично-центрические (тип 1), линейно-центрические (тип 2) и стремящиеся к центричности (тип 3). Статично-центрический тип представлен кубическим или цилиндрическим объёмом в основе с постановкой со всех четырёх сторон света одинаковых по величине притворов и алтаря в виде классицистических портиков. Линейно-центрический тип имеет в основе статично-центрический объём, к которому пристраивается с запада колокольня или трапезная, что позволяет сделать более протяженной одну из осей (запад – восток). Стремящийся к центричности тип представлен статично-центрическим объёмом, однако, с разновеликими притворами и алтарем. С точки зрения планировочной структуры можно выделить квадратные в плане (тип А), крестообразные (тип Б), продольно-осевые (тип В) типы церквей. Все вышеперечисленные типы отражены в табл. 2.

Таблица 2

Название	Современное местоположение	Время постройки	Современное состояние	Тип объёмно-пространственного решения	Тип планировки
Воскресенский собор	г. Арзамас, пл. Соборная	1814-1842	Действует	Тип 1	Тип Б
Спасский Староярмарочный собор	г. Нижний Новгород, Ярмарочный проезд, д. 10	1818-1822	Действует	Тип 1	Тип Б
Алексеевская церковь (Благовещенский монастырь)	г. Нижний Новгород, ул. Черниговская, д. 7а	1821-1834	Действует	Тип 1	Тип Б
Макарьевская церковь (Макарьевский Желтоводский монастырь)	Лысковский р-он, п. Макарьево, ул. Набережная, д. 1	1808-1809	Действует	Тип 3	Тип Б
Церковь Вознесения Господня	г. Лысково, переулок Шапошникова, д. 7а	1814-1838	Действует	Тип 1	Тип Б
Смоленский собор	Арзамасский р-он, п. Выездное, пл. Ленина, д. 37	1803-1815	Действует	Тип 2	Тип В
Церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи	г. Саров, проспект Мира, 17а	1821-1826	Действует	Тип 1	Тип А
Церковь Николая Чудотворца	Дивеевский р-он, с. Елизарьево, ул.	1820	Действует	Тип 2	Тип В

	Прокеева, дом 1а				
Собор Владимирской иконы Божией Матери (Оранский Богородицкий монастырь)	Богородский р-он, с. Оранки	1804-1819	Действует	Тип 1	Тип А
Церковь Рождества Христова	Перевозский р-он, с. Дубское	1821	Действует	Тип 2	Тип В
Успенский военный собор	г. Нижний Новгород	1821-1831	Утрачен	Тип 1	Тип А
Сергиевская церковь	Арзамасский р-он, пос. Выездное	1790-1795	Действует	Тип 2	Тип В
Собор Успения Пресвятой Богородицы (Высоковский Ковернинский Успенский монастырь)	Ковернинский р-он, выселок Успенский	1834	Не действует	Тип 3	Тип Б
Церковь Трех Святителей. (Высоковский Ковернинский Успенский монастырь)	Ковернинский р-он, выселок Успенский	1835	Действует	Тип 3	Тип А
Церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи	Гагинский р-он, с. Ветошкино, ул. Садовая, д. 26	1810-1819	Действует	Тип 3	Тип А
Собор Воздвижения Честного Креста Господня (Крестовоздвиженский монастырь)	г. Нижний Новгород, Окский съезд, 2а	1814-1823	Действует	Тип 1	Тип Б
Собор Рождества Христова	Починковский р-он, с. Починки, пл. Ленина	1800-1826	Утрачен	Тип 1	Тип Б
Троицкий собор	г. Павлово	1801-1819	Утрачен	Тип 1	Тип А
Церковь Всех Святых	г. Павлово	1818-1823	Утрачен	Тип 2	Тип В
Церковь Богоявления	г. Павлово	1814-1816	Утрачен	Тип 1	Тип Б
Церковь Всех Святых	г. Богородск	1801	Утрачен	Тип 2	Тип В

В большинстве случаев центрический объём церкви выступал в качестве архитектурной доминанты в формировании городских пространств, в частности, площадей. В качестве таких объектов выступали Алексеевская церковь

Благовещенского монастыря и собор Воздвижения Честного Креста Господня Крестовоздвиженского монастыря в Нижнем Новгороде, Успенский военный собор в Нижегородском кремле, церковь Вознесения Господня в Лыскове. Некоторые из этих объектов являлись частью монастырского комплекса и выступали в роли главного собора. Однако центрические церкви не всегда являлись архитектурными доминантами монастырей; в некоторых случаях они выполняли роль небольших, камерных храмов. Например, Макарьевская церковь Макарьевского Желтоводского монастыря, церковь Трёх Святителей Высоковского Ковернинского Успенского монастыря.

Эпоха классицизма оказала большое влияние на церковную архитектуру Нижегородской губернии. Ориентируясь на столичную архитектуру, мастера-зодчие создали целый пласт историко-культурного наследия. Ротондовые церкви периода строгого классицизма сменились центрическими церквями периода позднего классицизма, который обогатил архитектуру монументальным искусством, в результате чего сложился полноценный единый монументально-художественный образ. Своей простотой и ясностью эпоха классицизма смогла оставить «благородное великолепие», которым хочется восхищаться снова и снова.

Список литературы:

1. Пилявский, В. И. История русской архитектуры: учеб. пособие для студентов по направлению «Архитектура» / В. П. Пилявский, А. А. Тиц, Ю. С. Ушаков. – Изд. стер. – Москва : Архитектура-С, 2007. – 512 с. : ил. – (Специальность «Архитектура»). – ISBN 5-9647-0014-4 : 280-00. – Текст: непосредственный.
2. Каравашкин, В. А. Каменное храмовое зодчество Нижегородской губернии XVIII века.: учебное пособие / В. А. Каравашкин, С. М. Шумилкин. – Нижний Новгород: ННГАСУ, 2011. – 213 с. – Текст: непосредственный.

Д.Н. Пестов

Аспирант кафедры Архитектурного проектирования
ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный
университет», Нижний Новгород, Россия

Архитектор

ООО АПМ Проспект, Нижний Новгород, Россия, pestovdani101@gmail.com

АРХИТЕКТУРА ЗДАНИЙ В СТИЛЕ МЕТАБОЛИЗМ В ИСТОРИЧЕСКОЙ СРЕДЕ КРУПНЕЙШИХ ЯПОНСКИХ ГОРОДОВ

Японские города являются одними из самых густонаселенных и разнообразных по своей архитектуре в мире. В течение последних десятилетий XX века, они были свидетелями развития уникальных архитектурных стилей, одним из которых является стиль метаболизм. Данный стиль получил свое развитие в контексте послевоенного восстановления Японии и стремления к созданию инновационных и экологически устойчивых городских пространств.

Метаболизм – это стиль архитектуры, который возник в Японии в 1960-х годах. Он был своего рода реакцией на потребность в создании более динамичных, гибких и растущих городских пространственных структур, вызванную дефицитом территории под строительство. Этот стиль характеризуется простыми геометрическими формами, способностью к росту и изменению, а также характерным для японской культуры стремлением к гармонии с окружающей средой (природной и рукотворной). Одна из ключевых особенностей стиля состоит в том, что он объединяет в себе черты интернационального стиля, а также философию буддизма и японские традиции. Архитектура метаболизма является образцовым примером синтеза новизны, традиций и религиозных воззрений в рамках исторически сложившейся городской среды, что также набирает все большую актуальность в современном проектировании [1]. Именно поэтому было принято решение провести анализ сосуществования современной и исторической архитектуры на примере крупнейших городов Японии.

В первую очередь стоит обратить внимание на бывшую столицу Японии - Киото. Этот город считается основным культурным центром и является одним из наиболее древних в Японии, он наполнен многочисленными буддистскими храмами, императорскими дворцами, историческими постройками и другими памятниками архитектуры.

Одним из примеров архитектуры метаболизма в Киото является здание центра международных конференций (рис.1), построенное в 1966-1976 гг. за авторством архитектора Сатио Отани. Объект расположен на периферии плотной малоэтажной жилой застройки, а также обширной садово-парковой зоны. Само по себе здание контрастно своему окружению, однако, благодаря тщательно продуманному благоустройству, гармонично.

Рис. 1. Центр международных конференций, Киото, Япония, 1966-1976 гг. Арх.: Сатио Отани

сливается с прилегающими территориями, становясь неотъемлемой частью градостроительной структуры. Центр международных конференций – современное здание в исторически сложившейся среде, которое обогащает ее, передавая "дух" древней замковой архитектуры Японии. Композиционной осью здесь являются коммуникации, что характерно для зданий стиля метаболизма. Подобная особенность дает возможность потенциального роста объекта. Для раскрытия художественного образа также используются приемы, свойственные архитектуре метаболизма: современные материалы и технологии строительства, незаконченность внешнего облика, брутальность и геометричность форм, модульность. Не менее важно здесь то, что все эти приемы работают на создание именно традиционного национального духа. На укрепление этого образа работает сквозной каркас, вынесенные наружу конструкции, ограждающие конструкции, отсылающие к раздвижным деревянным перегородкам (сёдзи) в японских домах [2].

Кроме центра международных конференций в Киото и его окрестностях с 1971 года также было построено 30 отделений банков. Коллектив архитекторов, включающий в себя Нобору Кавадзо, Хидетоши Като, Кэндзи Экуана и Киенори Кикутаке, разработал универсальный «пространственный модуль» многофункционального здания банка. Кроме банковской функции, объекты включали в себя детские игровые зоны и библиотеки, места для приема пищи, деловых встреч и выставочные пространства. Главной идеей проекта было создание сооружения, которое можно было обновлять каждые 5 лет (здесь находит отражение концепция изменчивости и непостоянства, которая составляет важную часть японской философии) [3]. Каждый филиал банков был полностью выполнен из стандартизированных модульных элементов. Здания представляли собой компактный объем, гармонично встраиваемый в исторически сложившуюся застройку. Здания банков стали неотъемлемой частью своего окружения.

Более скромный по масштабу, но не менее интересный объект, вписанный в полотно жилой застройки – дом (Sky House), построенный в 1958г. в Токио по проекту архитектора Киенори Кикутаке (рис.2).

Рис. 2. Sky House, Токио, Япония, 1958г. Арх.: Киенори Кикутаке

Дом на одну семью в плане представляет собой квадрат. Он опирается на 4 железобетонные опоры. Верхний этаж, поднятый над землей, имеет обходную галерею (балкон). Первый наземный этаж в течение многих лет заполнялся разными помещениями в связи с меняющимися потребностями семьи (принцип трансформации). В дальнейшем это привело к капсульным башням и к замене в них модулей-ячеек.

Дополнительные помещения представляли собой модули, подвешенные к этой единой платформе, и выполнялись из стандартизированных элементов (модулей), что позволяло легко разобрать их и собрать заново при необходимости [4]. Так архитектор создал жилую ячейку, вмещающую в себя традиции и стремление к актуальности и новизне. В этом метаболистическом объекте прослеживается влияние модернистских идей Ле Корбюзье. Жилой дом являлся ярким элементом в ткани сложившейся застройки. При этом прослеживается и общность с уже существующими сооружениями. Скатная кровля, горизонтальные членения фасада, вынесение конструктивных элементов наружу здания, модульность, организация связи внутренних и внешних пространств – все эти принципы являются константой в японской архитектуре на протяжении всей ее истории.

Другим примером воплощения японских традиций в железобетоне можно назвать здание правительственного офиса, построенного в префектуре Кагава в 1958г. по проекту Кензо Танге (рис. 3). По уже сложившейся закономерности, произведение метаболизма отдает дань уважения традициям в художественном облике объекта, в вынесении колонн и балок наружу, в формировании крытых галерей по внешнему контуру здания, модульности, сохраняя при этом брутальность и монолитность образа.

Рис. 3. Здание правительственного офиса, Префектура Кагава, Япония, 1958г. Арх.: Кензо Танге

Художественное решение офисного здания также отсылает к традиционной японской архитектуре замков и пагод [5]. Офисное здание активно взаимодействует с окружающей средой, обеспечивая взаимопроникновение внешних и внутренних пространств на нижних этажах. Можно сказать, что на это работают и балконы, расположенные по периметру всего здания, играя роль традиционной в японской архитектуре буферной зоны между внутренним и внешним пространствами. Внешний облик офисного здания во многом отличен от традиционной японской архитектуры, однако передает дух места и отражает культуру народа в современных образах и материалах.

Архитектура зданий в стиле метаболизм играет важную роль в исторической среде японских городов. Она является символом гармоничного синтеза истории и новаторства. Анализ архитектуры периода метаболизма показывает, что при помощи использования современных строительных материалов и технологий, при трансляции приемов, методов и традиций через символы и образы возможно создание актуальной на сегодняшний день архитектуры, которая сохраняет "дух" места, уважение к

прошлому и стремится в будущее. Метаболизм заложил основы футуристической архитектуры.

Список литературы:

1. Иконников, А.В. Архитектура XX века. Утопии и реальность. Том II. / А.В.Иконников – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – С. 173.
2. Иконников, А.В. Архитектура и градостроительство / А.В. Иконников. – Москва: Стройиздат, 2001. – С. 358.
3. Koolhaas R., Obrist H.U. Project Japan. Metabolism Talks... / P. Koolhaas, H. U.Obrist // Taschen. – 2011. – P. 242.
4. Koolhaas R., Obrist H.U. Project Japan. Metabolism Talks... / P.Koolhaas, H. U.Obrist // Taschen. – 2011. – P. 138.
5. Koolhaas R., Obrist H.U. Project Japan. Metabolism Talks... / P.Koolhaas, H. U.Obrist // Taschen. – 2011. – P. 123.

Hadieh Akbik

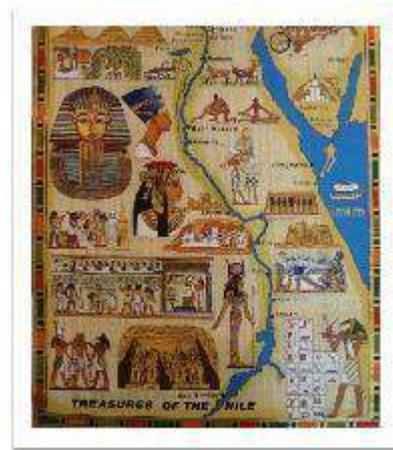
MA in Architecture, Lecturer at Damascus University
International University of Science and Technology, Damascus, Syria,
arch.hadia.akbik@gmail.com

ARCHITECTURE D'EAU À SALHIYEH

Le statue de l'eau chez les peuples:

L'importance de l'eau vient du fait qu'elle est à l'origine de l'émergence et de la prospérité des villes au bord des fleuves, ou se sont développées.

Les civilisations et dont les noms étaient liés au nom du fleuve sur lequel elles sont nées, comme la civilisation du Nil et la civilisation mésopotamienne.

Et nous entrevoyons parfois la place de la rivière dans les messages célestes pour souligner le caractère sacré de la relation entre l'eau et la pureté comme une personne se lave pour se débarrasser de ses péchés.

De là il nous fallait donc étudier les méthodes d'alimentation en eau les plus belles, les plus fines que sont les roues hydrauliques.

Le developement des methodes d'alimentation aquatiques à travers l'histoire de Damas:

Le système d'irrigation a commencé à développer au fil des âges pour devenir l'un des ouvrages de construction les plus importants et les plus importants des villes.

La où les araméens ont construit les premiers conduits d'eau, la rivière Qaboune: Abounaun mot syriaque qui signifie un endroit où l'eau s'accumule de la rivière Tura et des canaux d'eau on établis, et Damas s'appelait Al-Dar Al-Masqiya (Dar Misq) d'après Colin-Loso.

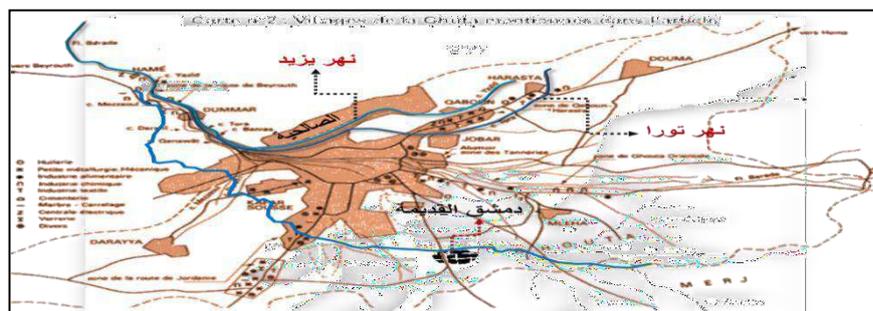
Les méthodes d'irrigation se sont développées à l'époque romaine, 64 avant J-C, et Damas était appelé l'Oeil de l'orient, selon Mumford.

Pendant la période omeyyade 41AH (661 après J-C), le calife Yazid à elargi et regulé la rivière Qaboune, c'est pourquoi elle a été nommée rivière Yazid.

Puis des quartiers hors du mur ont commencé à apparaitre pendant la période abasside 132AH (749 après J-C) et des reflections ont commencé sur la manière d'acheminer l'eau jusqu'au pied du mont Qasioun.

Pendant la période zengide et ayyoubide 553AH (1153 après J-C), Salhiyeh est née, les roues hydrauliques ont prospere et Damas a ete appele la ville des ecoles .

Jusqu'en 1304AH (1904 après J-C), pendant la période ottoman, Damas continuait à s'abreuver aux ruisseaux, aux puits, aux sources, aux rivières et aux roues hydrauliques.

Region de Salhiyeh et rivières Yazid et Tura

Modelisation rapide:

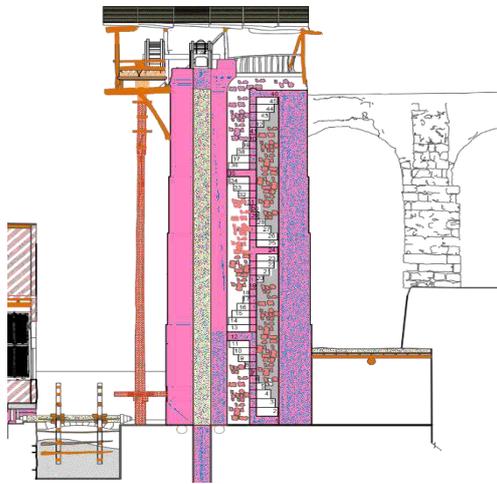
Afin que nous puissions connaître et ressentir la valeur de la roue hydraulique de la mosquée Cheikh Muhyiddin, j'ai créé un numéro entre une roue hydrolique locale, la roue hydraulique de Jabariya à Hama et une roue hydraulique international, la roue hydraulique de Formia en Italie.

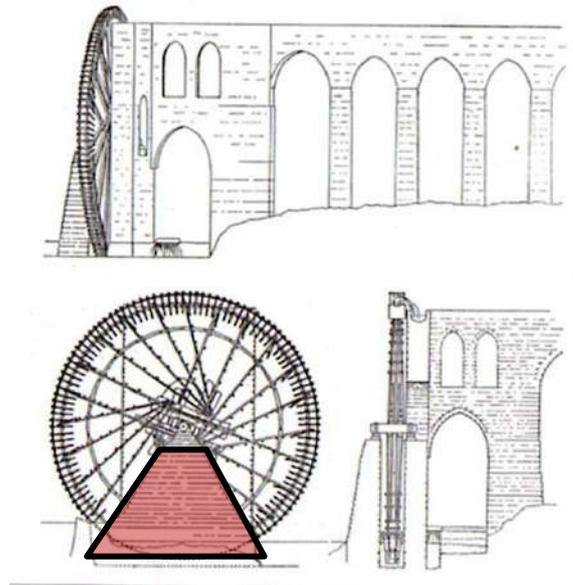
Noria de Cheikh Muhyiddin au Salihiya

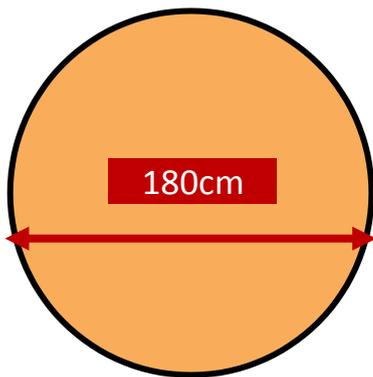
Noria de Jabaria à Hama

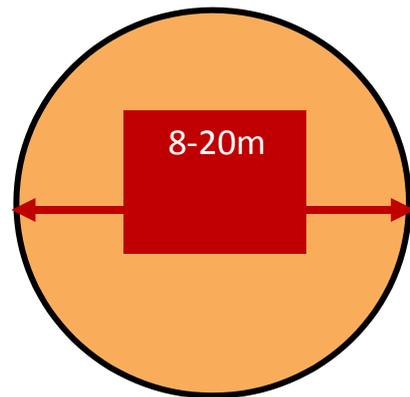
Section de noria Cheikh Muhyiddin au Salhiyeh

Elevation de noria Jabaria à Hama

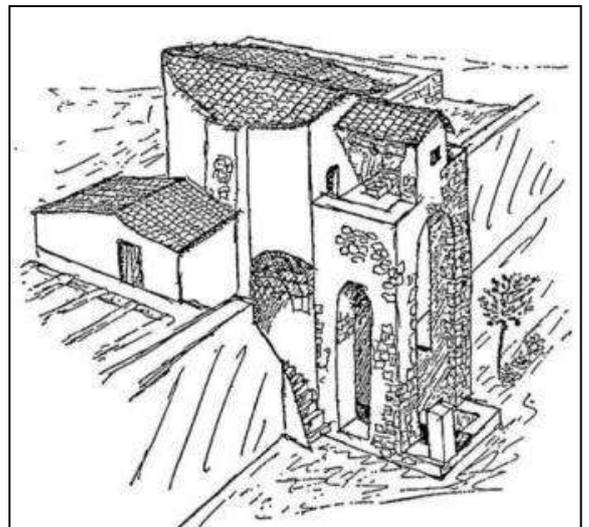
Diametre de la roue
de noria Cheikh
Muhyiddin au

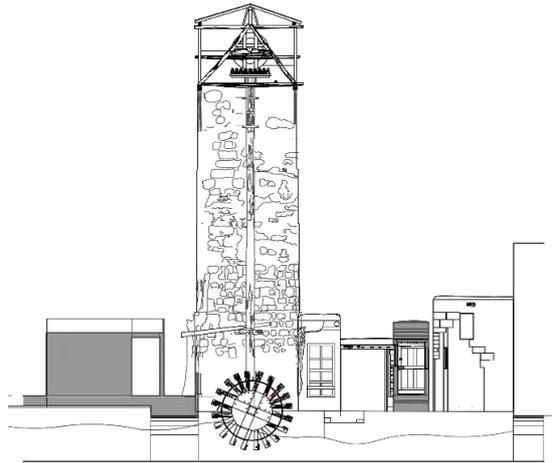
Diametre de la roue
de noria Jabaria à Hama

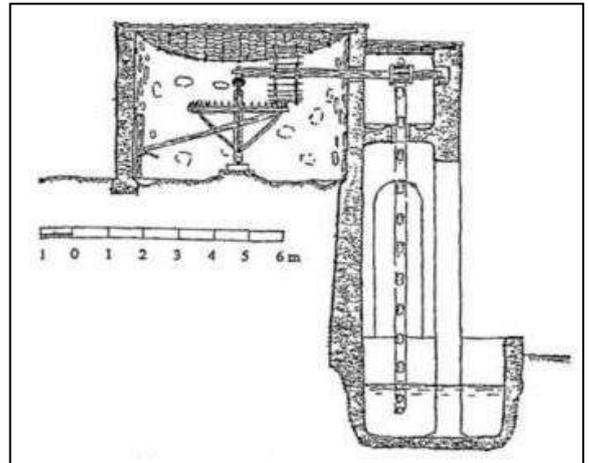
Noria de Cheikh Muhyiddin au Salhiyeh

Noria Formia en Italie

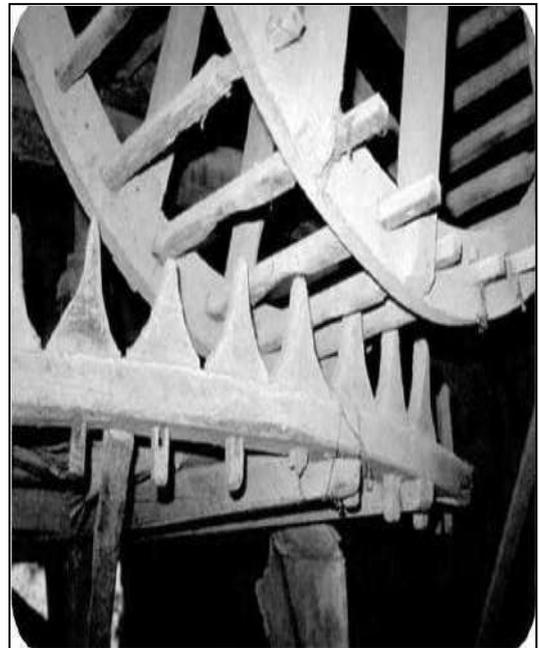
Elevation Noria Cheikh Muhyiddin

Section Noria Formia en Italie

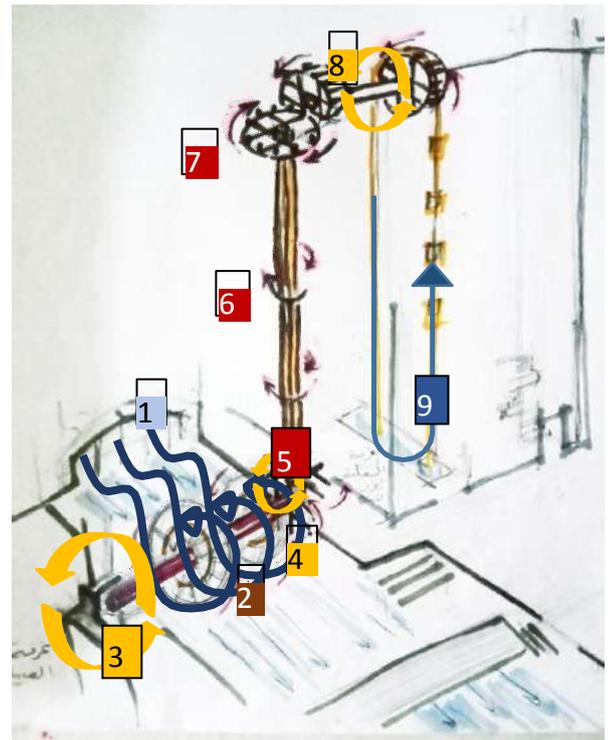
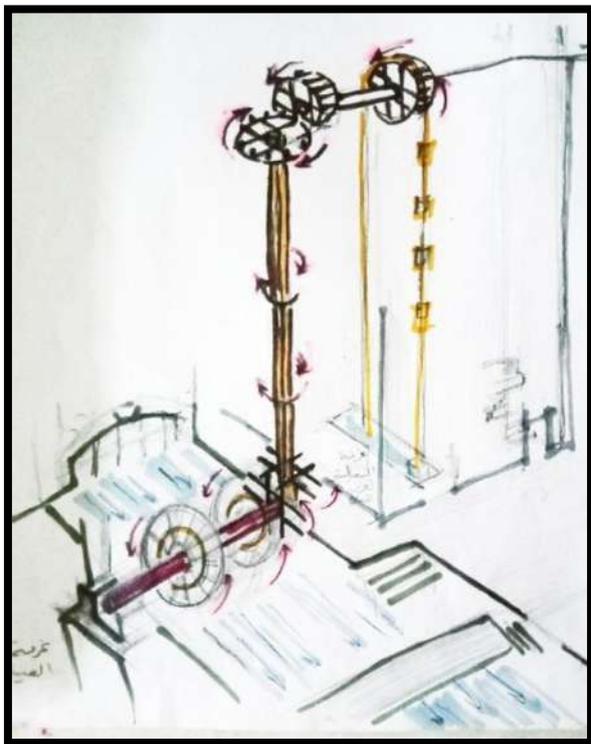
Parties superieures de noria
Cheikh Muhyiddin
Source: Le ministère des dotation

Parties superieures de noria
Formia en Italie
Image
Source: De Miranda

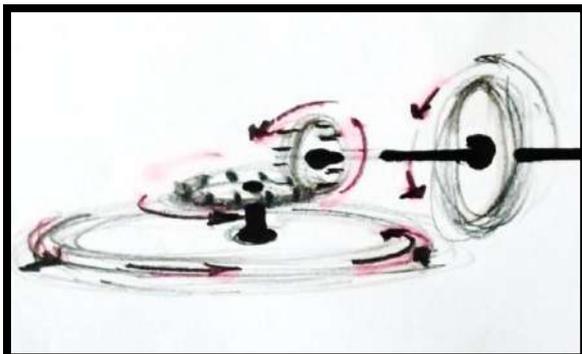
Que sont les roues hydrauliques et comment fonctionnent-elles?

Pour clarifier le fonctionnement de la roue hydraulique, j'ai fait une comparaison entre le mécanisme de fonctionnement de la roue hydraulique et celui du moulin, clarifiant en même temps l'erreur commune entre eux, car les habitants du quartier appellent la roue hydraulique un moulin.

Le mécanisme d'action de la noria

Source: dessin de chercheur

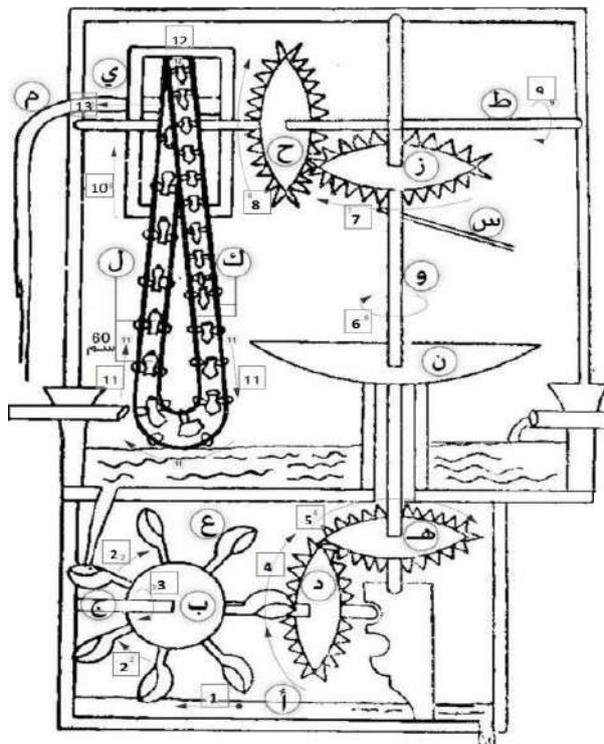
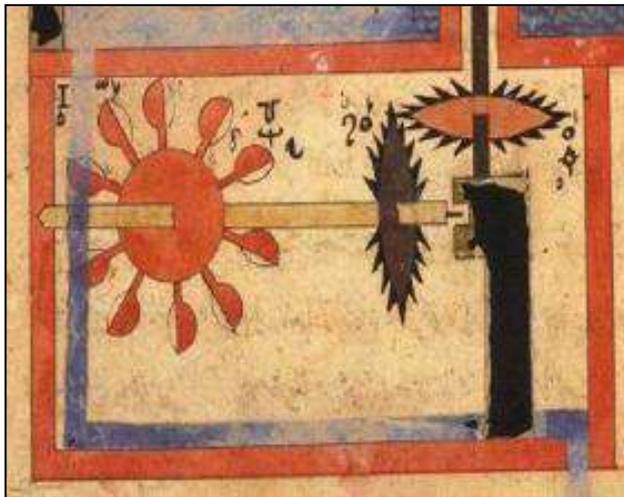
Le mécanisme d'action du moulin

Source: dessin de chercheur

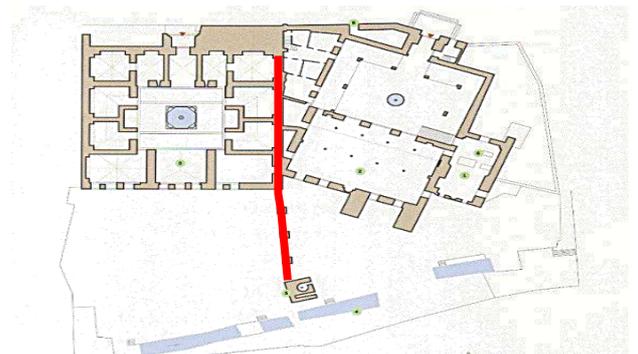
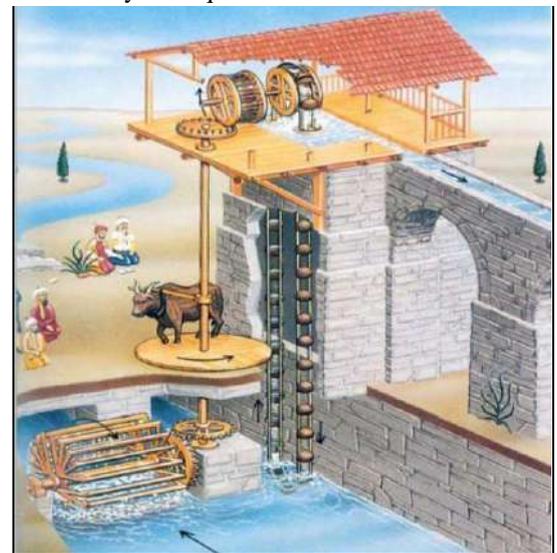
Qui est le concepteur:

Grâce à une documentation et un examen minutieux, il est devenu clair que la roue hydraulique de la mosquée Cheikh al-Muhi-Din a été conçu par Cheikh al-Jazari, l'auteur du livre des Astuces et a été construite pour approvisionner en eau le Bimarstan al-Qaymari à la fin de l'ère ayyoubide et au début de l'ère mamelouke.

Puis les Ottomans profitèrent de la présence de ses fondations et renouvelèrent l'entrée du sultan Selim Pacha en 1915 après J-C pour arroser la mosquée Muhi al-Din qui fut construite à l'époque ottomane

Sections et mécanismes de fonctionnement de la roue hydraulique selon le schéma d'Al-Jazari

Le plan montre l'emplacement du réservoir en pierre sur le mur nord du Bimarstan al-Qaymari et montre également où le canal d'approvisionnement en eau se trouve sur la ligne droite du mur oriental du Bimarstan et non sur les murs de la mosquée Cheikh Muhyiddin.

Source: Damas Capitale Provinciale de l'Empire Ottoman.

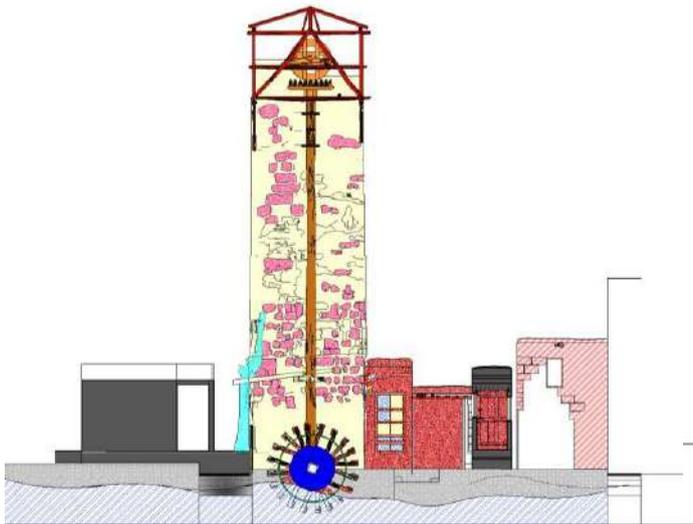
Schemas de documentation et des photos par le chercheur Hadiyeh:

Un site générale indiquant l'emplacement de la roue hydraulique dans la maison dont les residents desservent la roue et montrant la couverture de la tour qui distribue l'eau

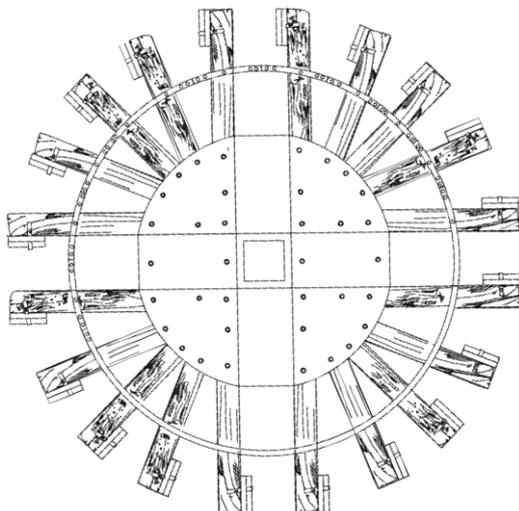
Le photo montrant couverture de la tour qui distribue l'eau

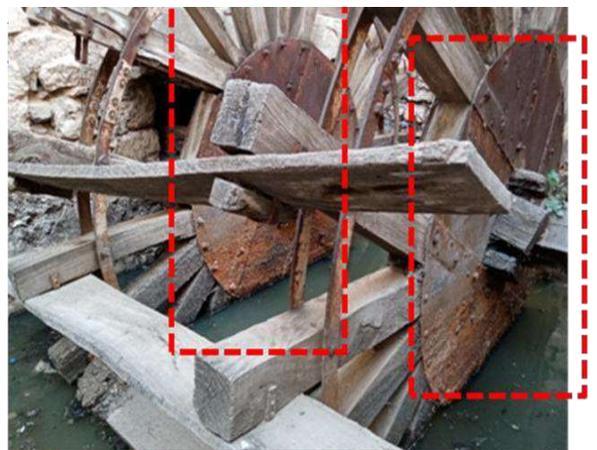
Elévation sud de la tour par laquelle l'eau est amenée, avec une partie de la maison dans laquelle se trouve la roue

Elévation orientale de la tour qui delivre l'eau, avec un section de la maison dans la cour de laquelle est placée la roue

Elévation de la roue hydraulique de Cheikh Muhyi al-din, montrant un modèle des armes

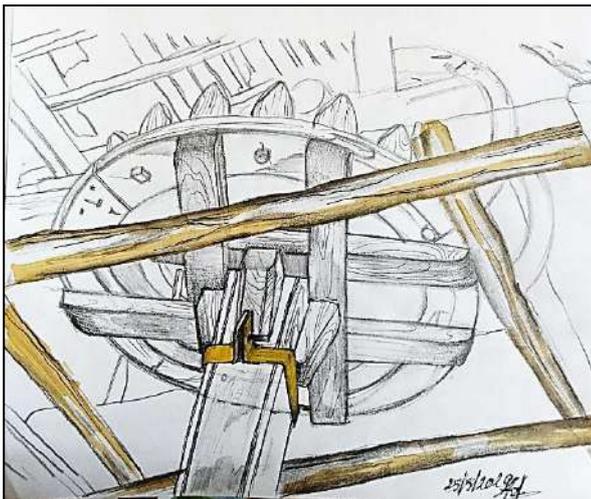
Le photo montrant les placards du bas en bois

Le photo montrant les dentelures superieures en bois

Croqui montrant les dentelures superieures en bois

Croqui montrant les dentelures superieures en bois

Le photo montrant les dentelures superieures en bois

Le locale d'entretien de la roue, qui est situe sous le salon, n'a ni porte ni fenetre mais plutot un trou pour installer l'axe de la roue

Le photo montrant l'ouvertre qui mene à la salle de maintenance

Les références:

- 1- Damas Capitale Provinciale de l'Empire Ottoman.
- 2- DE Miranda Adriana "Water Architecture in the lands of Syria the water well".
- 3- Yves Rugon, Luc Vilan "Les faubourgs de Damas Atlas contemporain des faubourgs anciens".

Е.В. Кузнецова

ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет», Нижний Новгород, Россия

АРХИТЕКТУРА КАЗЕННЫХ ВИННЫХ СКЛАДОВ РУБЕЖА XIX – XX ВВ. (НА ПРИМЕРЕ ПРЕДПРИЯТИЙ I РАЗРЯДА)

В данной статье рассматриваются предпосылки появления на территории бывшей Российской Империи в конце XIX – начале XX вв. таких типов промышленных объектов, как казенные винные склады. Выявлены особенности архитектурных решений одного из типовых проектов для предприятий I разряда.

Комплексы казенных винных складов значительно выделяются среди других промышленных построек дореволюционного периода как по объемно-пространственной композиции, так и по архитектурным решениям. Эти сравнительно крупные постройки оказали заметное влияние на застройку российских городов в конце XIX – начале XX в. (в особенности, средних и малых).

В начале 1890-х гг. по инициативе императора Александра III и министра финансов С.Ю. Витте российское правительство приступило к осуществлению питейной реформы, которая предполагала введение государственной монополии на производство спирта и водки. В период правления императора Николая II в государстве проводился ряд мер, направленных на пополнение казны и стабилизацию рубля [1,3].

Казенные винные склады – это государственные спиртоочистительные заводы, комплексы зданий для хранения, переработки и розлива спирта и водки (которые тогда принято было называть вином).

Казенные винные склады делились на разряды и категории в зависимости от годовой производительности, которая измерялась в ведрах (одно ведро равнялось 12 литрам). На предприятиях III разряда в год производилось 50 тыс. ведер вина, II разряда – от 50 тыс. до 100 тыс. ведер, I разряда – от 100 тыс. до 200 тыс. ведер. Существовали и внеградные предприятия, которые делились на категории: III категория – свыше 200 тыс. до 400 тыс. ведер вина, II категория – свыше 400 тыс. до 700 тыс. ведер и I категория – свыше 700 тыс. ведер вина. [3,4]

Строительство казенных винных складов началось в 1895 г. С 1895 по 1909 гг. по всей стране было построено около четырехсот таких предприятий. Казенные винные склады строились по типовым проектам, которые разрабатывались в Главном управлении неокладных сборов и казенной продажи питей в Санкт-Петербурге [3]. Перед началом строительства проект утверждался Техническим строительным комитетом при Министерстве внутренних дел. К разработке таких проектов привлекались известные столичные архитекторы и гражданские инженеры, такие как В.Н. Пясецкий, Э.Ф. Виррих, Г.Т. Рабцевич, В.В. Гусев.

Казенный винный склад возводился как комплекс зданий. Основное производственное здание по функциональному назначению имело следующий состав помещений: приемочное отделение, помещение цистерн, фильтрационную, моечную и разливочную отделения, сортировочное и укупорочное отделения, отпускное отделение и переднюю для рабочих. Кроме производственного здания в комплекс входили контора, здание паровых машин, помещение пожарной команды, баня, прачечная, бондарка и сторожка. К производственной территории примыкал участок для администрации и служащих предприятия – жилые дома для заведующего складом и его помощника, машиниста и конторщика с необходимыми подсобными постройками [2,4].

Основные здания казенных винных складов и вспомогательные постройки главными фасадами были обращены на городские улицы, формируя фронты их застройки. Все здания комплексов строились из красного кирпича. Их фасады были выдержаны в «кирпичном стиле», который представлял собой рационалистическое направление эклектики. В конце XIX – начале XX вв. такую архитектуру называли «казенной» или «фабричной». «Кирпичный стиль» характеризуется типичным декором, образованным ступенчатыми напусками кирпича и фигурными нишами в лицевой кирпичной кладке.

В данной статье рассматривается один из типовых проектов для казенного винного склада I разряда. Особенности композиционного решения главного производственного корпуса отражают схемы главного фасада и плана (рис. 1).

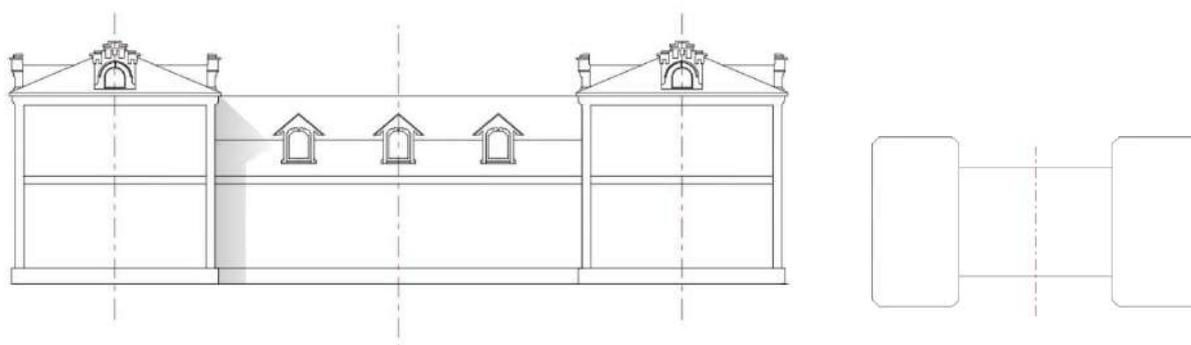
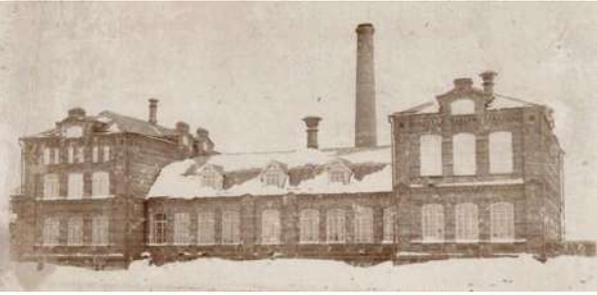

Рис.1. Схема фасада и плана казенного винного склада I разряда

Данный тип производственных корпусов казенных винных складов представлен в следующих городах: Белгород, Белебей, Бирск, Бугульма, Бузулук, Валуйки (Белгородская обл.), Верхнеуральск (Челябинская обл.), Верхотурье (Свердловская обл.), Ветлуга (Нижегородская обл.), Глазов, Златоуст (Челябинская обл.), Змеиногорск, Ижевск, Ирбит (Свердловская обл.), Ишим (Тюменская обл.), Каменск-Шахтинский (Ростовская обл.), Камышлов (Свердловская обл.), Канск, Кинель (Самарская обл.), Курск, пос. Мелекес (Самарская обл.), Мензелинск, Новый Оскол (Белгородская обл.), Пятигорск, Соликамск, Ставрополь, Стерлитамак, Тара (Омская обл.), Тобольск (Тюменская обл.), Уржум (Кировская обл.), Чебоксары, Челябинск, Черкассы, Шадринск (Курганская обл.), Ялуторовск (Тюменская обл.) [2,4]. (табл. 1).

Таблица 1

	
Казенный винный склад г. Ветлуга	Казенный винный склад г. Верхнеуральск
	
Казенный винный склад г. Бузулук	Казенный винный склад г. Каменск-Шахтинский

Выделим главные особенности производственных корпусов этого типа. В плане здание имеет n-образную конфигурацию. Главный фасад симметричен и состоит из трех частей. Боковые части (ризалиты) значительно выдвинуты вперед. Ось симметрии главного фасада подчеркнута лопатками, фланкирующими центральный оконный проем. Структура членений каждого из боковых объемов также подчинена оси симметрии, подчеркнутой аттиком со слуховым окном. Такие же аттики являются акцентами боковых фасадов. Оба ризалита имеют по три оси крупных окон с лучковыми перемычками. Второй этаж средней части здания решен как мансардный. В скат кровли врезаны три крупных выпускных окна. К особенностям следует отнести и применение руста, усиливающего пластику фасадов. Доминантой комплекса является высокая дымовая труба, также выполненная из красного кирпича.

Благодаря ансамблевым решениям и профессиональной архитектуре, комплексы казенных винных складов представляют собой яркие образцы российской промышленной архитектуры начала XX в.

Список литературы:

1. Андрющенко, Б. К. Винная монополия в Западной Сибири и организация казенной торговли / Б. К. Андрющенко [Текст: электронный] // Вестник Томского государственного университета. Общественно-научный периодический журнал. Сер.: История. Краеведение. Этнология. Археология. – 2003. – № 276. – С. 167-170.
2. Губанов, А. В. К вопросу изучения типов объемно-пространственных решений казенных винных складов в конце XIX – начале XX в. / А. В. Губанов, С. А. Борознов [Текст: электронный] // Вестник ПНИПУД. Строительство и архитектура. – 2014. – №1. – С. 16-32.
3. Латышева, К. Г. Архитектурно-строительная история заводских комплексов – казенных винных складов в Енисейской губернии начала XX века / К.Г. Латышева,

- В.И. Царев [Текст: электронный] // Вестник ПНИПУД. Институт архитектуры и дизайна. – 2013. – №4. – С. 83-99.
4. Столин, О. В. Архитектурные исследования / О. В. Столин, Г. А. Чесноков, Л. В. Кригер [Текст: электронный] // Архитектура казенных винных складов конца XIX – начала XX веков: история создания, типология и способы их сохранения в современных условиях// Научный журнал №1 (21). Воронежский государственный технический университет. – 2020. – С. 73-86.

И.С. Красавина

Аспирант кафедры Архитектурного проектирования
ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный
университет», Нижний Новгород, Россия
Архитектор
Архитектурное бюро Малковых, Нижний Новгород, Россия, hydogka1@yandex.ru

ЗДАНИЕ РЕЧНОГО ВОКЗАЛА В Г. ГОРЬКОМ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОЙ СРЕДЕ ГОРОДА

Городская среда – это комплекс, формирующийся на основе стиливого единства, общности ландшафтных характеристик или специфики функционального использования [1, с. 217]. Она наполнена архитектурными объектами различных исторических эпох, каждый из которых оставляет свой след в динамично меняющемся облике города. Здание речного вокзала в г. Горьком – знаковый для историко-архитектурной среды объект эпохи технологизма 1960-1980-х годов (термин, предложенный академиком А. В. Иконниковым). Актуальность данной работы заключается в комплексном анализе произошедших со зданием изменений, определении роли в историко-архитектурной среде города.

Первые идеи, связанные с необходимостью архитектурно осмысления речных ворот г. Горького возникли еще в 1930-е годы. Согласно генплану города, созданному в 1937 г. [2, с. 34] был предусмотрен ряд радикальных преобразований, которые могли существенно повлиять на речную панораму города: наметилась идея застройки Верхнеокской набережной (ныне наб. Федоровского), спланированы спуски к нижней набережной, оформлена площадь Маркина. Говоря о взаимосвязи с историко-архитектурной средой города с позиции сегодняшнего дня, можно утверждать, что градостроительное решение для речного порта оказалось верным. Мост и крупная транспортная развязка, близость к Стрелке (месту слияния рек Волги и Оки) и к исторической территории бывшей Ярмарки, живописные изгибы прибрежных холмов, - все это обеспечило выигрышное положение будущему объекту, единственному речному пассажирскому порту города. Однако само здание не было реализовано ни в 1930-е (арх. П. Сабуров), ни в послевоенное десятилетие, хотя конкурс на здание речного вокзала был проведен в 1946 г. Проектирование речного вокзала началось лишь во второй половине 1950-х годов, в период становления типового строительства в Советском Союзе. Жесткие рамки унификации и стандартизации не стали преградой для создания индивидуального облика общественного здания общегородского значения. Проект был разработан коллективом Ленинградского проектного института "Ленгипроречтранс" под руководством М. Чурилина и Л. Смирновой [3, с. 1253]. Строительство велось с 1959 по 1964 год. В облике здания авторам удалось объединить общесоюзные тенденции формирования архитектуры того времени и самобытность архитектурного образа, символически наполненного и осмысленного. Так, к примеру, при сравнении здания с финляндским железнодорожным вокзалом в Ленинграде (1961 г., И. Ашастин), среди общих черт можно выявить схожее решение основного объема: протяженного объема параллелепипеда с остекленным фасадом. Однако, за счет использования белого цвета, горизонтальной композиции со ступенчатой надстройкой верхнего этажа, здание становится образом-символом (напоминает корабль у пристани), что позволяет говорить о высокой степени его образной выразительности в

условиях раннего советского модернизма. Местоположение речного вокзала относительно генерального плана 1930-х годов осталось прежним. Здание возвели на насыпной территории, используя искусственную железобетонную конструкцию [3]. Подчеркнуто симметричный 5-этажный объем, увенчанный башенкой с часами и с высоким шпилем (характерным для ленинградской архитектуры), ориентирован строго по оси площади Маркова, задавая выразительность силуэта речной панорамы и близлежащей территории (рис. 1). Расположение у подножия высокого берега р. Оки позволяет создать хорошие смотровые площадки: здание видно как со многих точек правого берега, так и с низкого левого берега, со Стрелки. Следует отметить, что массовое типовое строительство внесло свои коррективы в формирование историко-архитектурной среды города в целом и речной панорамы в частности: в зоне видимости появились новые вертикальные акценты по бровке откоса набережной Федоровского (жилая застройка по принципу точка-пунктир из 5-ти, 9-этажных и 14-ти этажных домов), прибрежные холмы соединили пешеходные мостики, добавив четких линий в живописные пейзажи Дятловых гор. По оси Канавинского моста вырос силуэт крупного общественного здания (гостиница "Нижегородская", арх. Л.Ю. Гальперин, 1965 г.). Малоэтажная историческая застройка вдоль верхней набережной ушла в прошлое.

Рис. 1. Здание речного вокзала в Н. Новгороде (фото 2011 года)

Роль здания речного вокзала на Нижневолжской набережной видится крайне важной, именно здесь в XIX веке была главная пристань. Основная ось объекта, его ярко выраженная вертикаль позволяет "притянуть" внимание зрителя к центральной точке данной историко-архитектурной среды. Интерьеры вокзала также становятся точкой притяжения, представляя собой актуальное и современное пространство. Здесь нашел свое отражение характерный прием этого времени - синтез искусств в архитектуре. Росписи, выполненные в отдельных залах, соответствуют духу времени, подчеркивают значимость этого объекта для города (худ. Д. Арсенин, И. Ашкенази, К. Шихов) [4]. Здание отличается простой и удобной планировкой. Центральная его часть предназначена для пассажиров, вспомогательные помещения вынесены на периферию и в цокольный этаж [5, с. 117]. Гостей города и нижегородцев (горьковчан) встречают просторные и хорошо освещенные помещения с большими остекленными поверхностями и панорамными видами на Стрелку р. Оки и р. Волги.

После торжественного открытия в 1964 г. речной вокзал успешно функционировал несколько десятилетий. В 1987 году в здании случился пожар, повлекший за собой серьезные разрушения и необходимость выполнения работ по реконструкции объекта. Важным на данном этапе стало решение вернуться к идее полуцилиндрических эркеров

на торцах здания. Следует отметить, что в первоначальном варианте торцевые фасады вокзала уже были дополнены полукруглыми объемами, но идея не была реализована в целях экономии [3]. Планы Горьковского отделения Гипроречтранс, датированные 1987 годом, подтверждают наличие полукруглых пристроек. Обновленный проект по реконструкции объекта был выполнен в 2001-2003 г. московскими архитекторами фирмы "Триарт" (арх. В. Романова, А. Лях, Е. Палуйко) [6]. Композиция сооружения после реконструкции не потеряла своей уникальности. Полуцилиндрические объемы поддержали основной замысел сооружения, сохранив его акцентное положение в историко-архитектурной среде города. В недавнем прошлом было обновлено также внутреннее пространство вокзала. Нижегородские архитекторы [MISH] studio разработали концепцию гармоничного интерьера, сохранив легкость и строгость основного решения.

Говоря о таком знаковом объекте архитектурного творчества, необходимо задуматься и о его дальнейшей судьбе. В данном случае можно обратиться к федеральному закону № 73, согласно которому в реестр охраны объектов культурного значения могут быть включены здания, с момента постройки которых прошло не менее 40 лет. Таким образом, можно утверждать, что здание речного вокзала, построенное в 1964 г., должно быть рекомендовано к включению в реестр охраны объектов культурного наследия регионального значения, как памятник архитектуры своего времени.

Подводя итог проведенному обзору можно сказать, что здание речного вокзала представляет собой уникальный пример архитектуры, созданный в эпоху технологизма. Его ценность заключается в верно выбранном местоположении, уникальной форме и высокой степени образного наполнения в условиях функциональной аскетичности модернизма. Здание демонстрирует новый подход к архитектурным поискам середины 1960-х гг. в г. Горьком.

Можно констатировать, что здание речного вокзала имеет большое значение для историко-архитектурной среды города. После реализации объекта произошла существенная трансформация речного фасада города, преобразился его силуэт. Архитекторам удалось по масштабу удачно вписать сооружение в уже сложившийся историко-архитектурный контекст, выявить его как особую доминанту на сложившейся территории, организовать более ясную структуру пространства. Кроме того, нельзя оставить без внимания решение прямой функциональной задачи. Со строительством здания речного вокзала г. Горький получил архитектурно оформленный пассажирский речной узел. Его местоположение учитывает связь времен, объединяя современную функцию пассажирского порта с далеким прошлым, с Нижегородской ярмаркой. Здание стало неотъемлемой составляющей современного облика древнего Нижнего Новгорода, одной из его визитных карточек.

Список литературы:

1. Гутнов, А. Э. Город как объект системного исследования / А. Э. Гутнов // Академия наук СССР / Институт истории естествознания и техники. – Москва : Издательство "Наука", 1977. – С. 212-236.

2. Орельская, О. В. Неосуществленные проекты 1930-х годов по застройке города Горького (Нижнего Новгорода) / О. В. Орельская // Academia. Архитектура и строительство. – 2018. – № 3. – С. 29–36.

3. Гордин, А. А. Речной вокзал в историко-архитектурном облике Нижнего Новгорода / А. А. Гордин, Е. Д. Гордина // Вестник архивиста. – 2022. – № 4. – С. 1248–1261.

4. Бубнов, Ю. Н. Архитектура города Горького : Очерки истории / Ю. Н. Бубнов, О. В. Орельская. – Горький : Волго–Вят. кн. изд–во, 1986. – 191 с.

5. Гельфонд, А. Л. Архитектурное наследие второй половины XX века. Типологический аспект (на примере г. Горького) / А. Л. Гельфонд // Архитектурное наследие И. Г. Лангбарда и современность : сборник докладов международной научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения И. Г. Лангбарда. – Минск, 2022. – С. 114–124.

6. Орельская, О. В. Архитектура эпохи "технологизма" 1960-1970-х годов в г. Горьком (из истории советской архитектуры) / О. В. Орельская // Вестник Волжского регионального отделения Российской академии архитектуры и строительных наук / Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. – Нижний Новгород, 2017. – № 20. – С. 62–73.

О.А. Отделкина

Магистрант

ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет»,
Нижний Новгород, Россия

Архитектор-реставратор

ООО «АСГАРД», Нижний Новгород, Россия, oatdelkina@yandex.ru

«ЗЕЛЕНАЯ» АРХИТЕКТУРА В ИСТОРИЧЕСКОЙ СРЕДЕ НИЖНЕГО НОВГОРОДА: НА ПРИМЕРЕ КВАРТАЛА «КРАСНЫЙ ПРОСВЕЩЕНЕЦ»

Аннотация: Статья представляет собой фрагмент результатов научно-исследовательской работы по теме: ««Зеленая» архитектура в исторической среде Нижнего Новгорода: на примере квартала «Красный просвещенец»» и посвящена вопросам актуальности реализации проектов «зеленой» архитектуры в исторической среде Нижнего Новгорода. Главной задачей является идея подчеркнуть значимость зеленой зоны квартала, как связующего элемента между парками и скверами, расположенными в непосредственной близости от квартала.

Квартал «Красный просвещенец», расположенный в границах улиц Белинского – Ашхабадская – Невзоровых – Тверской, представляет собой целостный участок исторической городской среды, один из немногих единовременно застроенных и уцелевших практически в первоначальном виде до наших дней. [1]

Основная масса жилых домов квартала представляет собой рубленые с обшивкой двухэтажные дома с большими террасами (верандами) и отдельными входами в каждую квартиру. Эти дома, локализованные на компактной территории полутора кварталов, выстроены по проектам середины 1920-х годов, выполненным специально для жилищно-строительного кооператива и обладают характерными чертами своего времени и типа жилья. [2]

Каждую постройку окружает небольшой сад, который превращает всю территорию в настоящий зеленый оазис в сердце мегаполиса. Именно сады и дворы с надворными постройками-сараями, огражденные по периметру кварталов деревянными заборами, являются характерной частью образа территории и вместе с домами определяют специфику достопримечательного места.

Несмотря на то, что территория находится в центральной и крайне оживленной части города, попадая внутрь, ощущаешь обособленность от шумного окружения. Линия застройки домов значительно отступает от красных линий и дома квартала «утопают» в обильном озеленении садов.

На территории квартала находится значительное количество великовозрастных деревьев, в том числе деревьев ценных пород, таких, как ели, лиственницы, остролистные клены, березы, а кроме того – рябина, вязы, липы и огромное количество плодовых деревьев и кустарников. Многие из деревьев – ровесники исторической застройки. При этом исследуемая территория издавна и до сих пор служит «домом» для огромного количества певчих птиц. [1]

Не смотря на плотную подобравшуюся высотную застройку, зеленая зона квартала является связующим звеном между парками и скверами, расположенными в шаговой доступности от квартала, составляя с ними единый «зеленый» каркас города. За счет планировочного и композиционного решения с большими придомовыми территориями, проведенного благоустройства и озеленения комплекс являет собой зримое воплощение градостроительных идей 1920-х годов - мечты о «городе-саде» (рис. 1).

Экспликация:

1. Комплекс жилой застройки «Красный просвещенец»;
2. "Парк, заложенный в память Александра Сергеевича Пушкина";
3. "Городское Петропавловское кладбище в г. Нижнем Новгороде";
4. Сквер 1905 года (г. Нижний Новгород, Нижегородский район, парк в границах: ул. Белинского, ул. Ванеева, пл. Свободы;
5. "Церковь Трех Святителей".

Условные обозначения:

	- комплексы застройки 1930-х - 1950-х годов;		- существующие исторические архитектурные доминанты;
	- современная застройка периода 2000-х - 2010-х годов, обладающая выраженными стилевыми признаками;		- современные высотные доминанты;
	- застройка II-ой пол. XX в. - нач. XXI века;		- исследуемая территория;
	- участки с объектами незавершенного строительства;		- границы парков, скверов;
	- сохранившиеся исторические красные линии;		- озелененные территории (сады, цветники, клумбы);
			- магистральные улицы городского значения;
			- магистральные улицы районного значения.

Рис. 1. Схема историко-градостроительного анализа в районе улиц Белинского, Ашхабадская, Невзоровых, Тверская

В настоящее время современное архитектурное сообщество все чаще задумывается над экологическим аспектом в проектировании, как основе создания благоприятной среды для человека. Данная тенденция нашла свое отражение в «зеленой» архитектуре, неразрывно связанной с природой.

Природа является средой, создающей благоприятные и экологические условия жизнедеятельности, в которых человек ощущает себя естественно и комфортно. Она оказывает влияние на формирование мировоззрения, целостности и гармонии не только личности, но и всего общества.

Основопологающим принципом «зеленой» архитектуры является идея того, что архитектура, окружающая человека, должна быть максимально приближена к природе.

Еще в прошлом столетии, в 1930-е годы возникло направление органической архитектуры, основоположником которой считается американский архитектор Фрэнк Ллойд Райт. Его архитектурное видение представляет собой целую философию о гармонии человека, архитектуры и природного мира. По замыслу архитектора, здание и окружающее пространство должны представлять собой одно целое, а каждый дом должен быть отражением душевного мира его обитателей.

Особенности ландшафта и возможность использования природных материалов данной местности является основной задачей еще одного актуального направления – биотектуры. Это понятие было придумано архитектором Майклом Рейнольдсом. В биотектуре так же уделяется большое внимание интеграции архитектуры в природу и снижению пагубного влияния на экологию местности.

Очень интересны проекты современного вьетнамского архитектора Во Тронг Нгиа. В проектах архитектора прослеживается серьезная забота об экологической стороне проекта: в каждом удобном случае Во Тронг Нгиа использует возобновляемые материалы и делает природу естественной частью здания. Как пишут о его интересных проектах, «в них даже не всегда понятно, что главнее — растения или архитектура». [3]

Исследовав принципы взаимосвязи архитектуры и природной среды, следует выделить две основные составляющие:

1. Экологичность архитектурной среды. [4]
2. Философско-мировоззренческая, заключающаяся в потребности человека быть окруженным природой и природным, естественным: подражание природе в формообразовании и декорировании фасадов, интеграция здания в окружающую среду, слияние с существующим ландшафтом, использование натуральных материалов и забота о сохранении живых природных источников. [5] (рис.2)

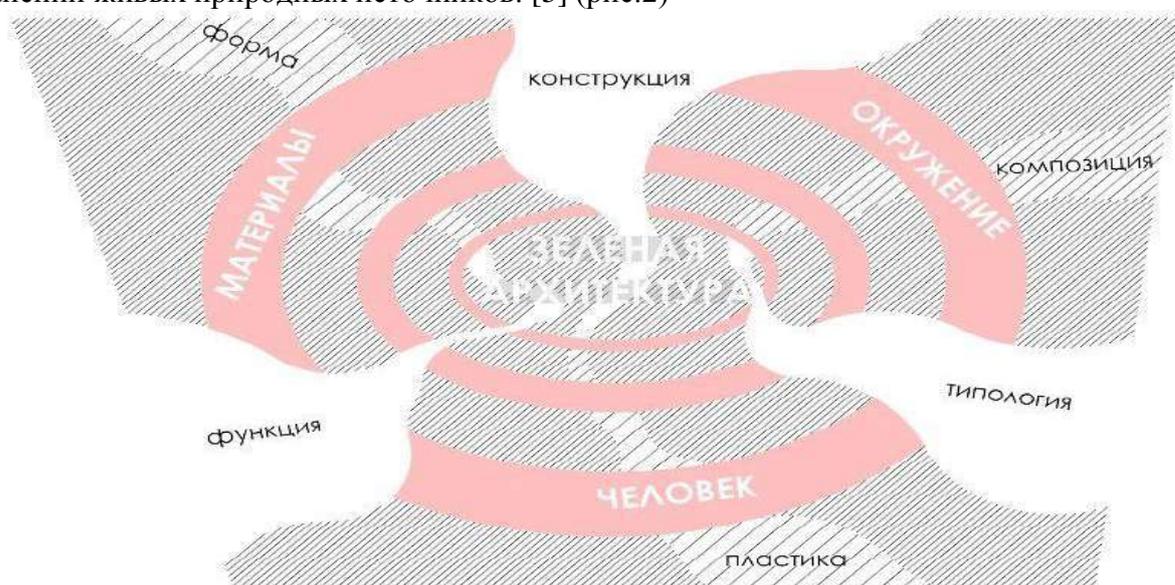

Рис. 2. Взаимосвязь «зеленой» архитектуры с основными формирующими аспектами

В результате проведенного исследования были сделаны следующие выводы:

- Характерные особенности архитектурно-пространственной среды квартала «Красный просвещенец» составляют в контексте окружения близлежащими парками «зеленый каркас» исторической части города.

- «Зеленая» архитектура в исторической среде Нижнего Новгорода позволит сохранить местную идентичность, реализуя при этом принцип экологичности архитектурной среды.

Материалы данного исследования могут составить научно-исследовательскую основу для дальнейшего изучения актуальности проектов «зеленой» архитектуры.

Список литературы:

1. Материалы сайта «Красный просвещенец» <https://redprosvet.info>.
2. Филатов Н.Ф. Нижний Новгород. Архитектура XIV – начала XX вв. – Н. Новгород, 1994. С. 75 - 76, 89.
3. Ильвицкая С.В., Поляков И.А. Этапы развития архитектуры и природы как единой системы // Естественные и технические науки. 2014. № 11–12. С. 78.

4. Ильвицкая С.В., Охлябинин С.Д., Даниленко И.А. Глоссарий архитектурно-строительных терминов и научных дефиниций в области истории архитектуры и реставрации памятников архитектуры. М., 2015, 154 с.
5. Заяц И.С. Истоки экологического формообразования жизнеспособной архитектуры // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1–1. С. 1990.

М.Ю. Болгов

Аспирант кафедры Архитектурного проектирования
ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный
университет», Нижний Новгород, Россия, korbol@list.ru

«ЗЕЛЕНАЯ АРХИТЕКТУРА» В ИСТОРИЧЕСКИХ ЦЕНТРАХ ЗАРУБЕЖНЫХ ГОРОДОВ

В современном мире историческая застройка центров городов имеет большую архитектурную ценность. В таких районах часто встаёт вопрос о рациональности использования земли, ведь в исторических районах земля для застройки является очень дорогой. В прошлом, когда исторические районы приобретали свой облик, не стоял острый вопрос, касающийся сохранения окружающей среды и решения экологических проблем, связанных с антропогенным воздействием на природную среду. В настоящее время во многих сферах человеческой деятельности стоит задача по минимизации техногенного воздействия на окружающую среду.

Сейчас наступил период, когда повсеместно идет реконструкция, старое заменяется новым, но более гуманный путь – это интеграция. Интеграция «зелёной» архитектуры в историческую архитектурную среду стирает грань между прошлым и будущим, решая несколько задач – это сохранение исторической застройки городского пространства и привнесение архитектурных элементов, создающих благоприятную городскую среду. К примеру, **новое здание суда в Пуатье** (Рис. 2) архитектурного бюро «B+A Architects», 2019 года во Франции располагается в композиционном центре двора основного исторического массивного здания XIX века, встраиваясь между корпусами под центральным садом. Его объемная композиция имеет отчётливое прямоугольное очертание.

Фронтальная композиция фасадов нового здания имеет ярко выраженное вертикальное и горизонтальное членения, выполненные тонкими оконными переплетами на равные отрезки, образуя сетку сплошного остекления из одинаковых прямоугольников. Такое решение придаёт зданию строгость и минималистичность.

Сплошное фасадное остекление делает его лёгким и прозрачным, как бы олицетворяя "прозрачную" судебную систему Франции. Зал ожидания и 21 зал судебных заседаний, расположены в центре комплекса. Крыша здания имитирует и интегрирует в себе сад, располагавшийся на месте проекта.

Новый корпус, будучи интегрированным в склон, создает террасированный сад. Озеленение образует грядки на крыше. Между грядками расположены фонари верхнего света, повторяющие их ритм. Садовые настилы на крыше делают здание органичной частью ландшафта.

Внутренние стены покрыты известняковым узором, напоминающим снятый скальный слой. Внутренняя регулярная планировочная структура помещений формируется вдоль главного коридора, который пронизывает весь корпус [1].

Предложенный проект по реставрации **Собора Парижской Богоматери** (Рис. 2) под названием «Возрождение» архитектора Винсента Каллебо подразумевает новый подход, основанный на эко-проектировании. Проект вдохновлён биомимикрией, то есть имитацией естественных природных форм. Сам проект представляет собой прозрачную стеклянную крышу с устремившимся вверх стеклянным шпилем. Пространство под крышей и шпилем запланировано использовать как сад, где крыша играет роль своеобразного теплообменника между собором и окружающей средой. Главной идеей проекта является реставрация объекта всемирного наследия с взглядом в

будущее, тем самым интегрируя современную архитектуру в историческую, не прибегая к кардинальным мерам сноса и разбора определённых элементов собора. Таким образом, архитектор считает, что собор может стать образцовым эко-сооружением, пионером в области экологической устойчивости [2].

Здание **фонда Жерома Сейду Пате** (Рис. 3) (кинематографическая организация) архитектора Ренцо Пиано, 2014 г. в Париже представляет собой необычный объект, выполненный в бионической стилистике в виде органической капли, что позволило выполнить здание без углов, повысив визуальную эргономичность здания.

Главной задачей перед архитектором стояло органичное включение здания и повышение качества окружающего пространства, находящегося во дворе близ исторических зданий. Ренцо Пиано создаёт объект в диалоге с соседними зданиями, плотно примыкая к ним, в то же время, сохраняя небольшую дистанцию от них, позволяя проникать солнечному свету.

В затесненной застройке автору удалось создать место для сада в задней части участка. Новый объект за счёт своей формы лучше реагирует на ограниченные территории. Часть пространства компенсируется за счёт возвышенности объекта над другими зданиями, создавая ступенчатый силуэт, который не создаёт диссонанса доминирования одного объекта над другим.

Попасть в пространство здания фонда Пате можно с бульвара через исторический фасад, украшенный скульптурами. При этом посетителю открывается вид на первый этаж, выполненный из прозрачного стекла, создавая иллюзию парящего здания и открывая обзор на сад, расположенный в глубине двора. Как таковой крыши объект не имеет, так как он выполнен единой формой, верхняя часть здания из стекла, что позволяет пропускать дневной свет внутрь помещений. С улицы здание почти незаметно, его видно только сквозь главный фасад с проспекта Гобелен [3].

«**Дом музыки**» в **Будапеште** (Рис. 4) (Венгрия) по проекту архитектора С. Фудзимото в 2021 г. является олицетворением синтеза архитектуры, искусства и природы. Музей располагается в центральном историческом парке Варошлигет и интегрируется в лесное пространство за счёт формирования необычного круглого силуэта, который образуют кроны растущих вокруг здания деревьев. Конструкция «Дома музыки» имитирует кроны деревьев, которые, в свою очередь, укрывают пространство от излишнего солнечного света, создавая благоприятную среду.

Перфорированная световыми фонарями крыша дает возможность использовать естественное освещение в течение всего светового дня, позволяя солнечным лучам проникать во все внутренние пространства музея. Здание позволяет слиться воедино с окружающим ландшафтом, стирая границы между парком и «Домом музыки».

За счёт уникальной архитектурной концепции и грамотному использованию контекста местности, архитектор добился воссоединения архитектуры с природой, используя плавные линии, имитируя природные формы [4].

К сожалению, большая часть исторических центров больших городов лишена зеленых территорий, что связано с индустриальным бумом, когда не было потребности в озеленении городских территорий. Сейчас же одной из главных задач при проектировании является озеленение территории, вводятся специальные нормы, которые учитываются при застройке. Новые произведения «зелёной» архитектуры, выполненные по индивидуальным проектам, имеют перспективу длительного эксплуатации, что повышает востребованность данного направления. Интеграция «зелёных» объектов в историческую среду городов позволяет подчеркнуть ценность самой архитектуры как искусства, освещая разницу между прошлым и будущим и в то же время, стирая между ними границу.

«Зелёная» архитектура демонстрирует новую тенденцию, устремленную в будущее, и находит своё применение при проектировании в исторических центрах городов, что благоприятно сказывается на окружающей городской среде.

Рис. 1. Здание суда в Пуатье (Франция), арх. бюро «V+A Architects», 2019

Рис. 2. Проект по реставрации Собора Парижской Богоматери (Франция), арх. Винсент Каллебо

Рис. 3. Здание фонда Жерома Сейду Пате в Париже (Франция), арх. Р.Пиано, 2006

Рис. 4. Дом музыки в Будапеште (Венгрия), арх. С.Фудзимото, 2021

Список литературы::

1. V+A architects. Courthouse of Poitiers [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://bplusa.eu/en/projects/courthouse-poitiers-poitiers/> (дата обращения 6.11.2023)
2. Vincent Callebaut Architects [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://vincent.callebaut.org/object/190503_tributetonotredame/tributetonotredame/projects (дата обращения 6.11.2023)
3. Renzo Piano Building Workshop. Jerome Seydoux Pathe Foundation [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.rpbw.com/project/pathe-foundation> (дата обращения 6.11.2023)
4. Archdaily. Sou fujimoto architects, House of Music [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.archdaily.com/1001574/house-of-music-budapest-sou-fujimoto-architects?ad_medium=office_landing&ad_name=article (дата обращения 6.11.2023)

С.Н. Володина

Заместитель директора

Государственной автономное учреждение Нижегородской области «Научно-производственный центр по сохранению объектов культурного наследия Нижегородской области» (ГАУ НО НПЦ), Нижний Новгород, Россия, volsvet@mail.ru

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ И ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОЕ МЕСТО: ИНСТРУМЕНТЫ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОЙ СРЕДЫ

В 2022 году исполнилось 20 лет с даты принятия закона об объектах культурного наследия, отметившего новую веху в деле сохранения памятников истории и культуры. Именно Федеральный закон от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» вел в оборот новые понятия – достопримечательное место и историческое поселение. Это стало своеобразным итогом переходного периода от осознания ценности отдельного объекта к пониманию безусловной ценности среды, не просто окружающей памятник, а составляющую с ним одно целое – историческую застройку, «ткань» города [1].

Термин «достопримечательное место» (далее по тексту – достопримечательное место, ДМ) нашел отражение в отечественном законодательстве спустя 30 лет после его появления в международной практике. И в международных документах, и в российском законодательстве изначально достопримечательное место рассматривалось как памятник архитектуры, как объект недвижимости [2] и лишь в 2014 г. к ДМ отнесли «иные объекты» с исторически связанными с ними территориями [3, ст. 3]. Кроме того, в 2014 году были уточнены особенности государственной охраны ДМ как объекта культурного наследия, определено, что относится к предмету охраны ДМ и какие требования предъявляются к осуществлению деятельности на его территории. В 2017 году Минкультуры России рекомендовало к применению Методические рекомендации по отнесению историко-культурных территорий к объектам культурного наследия в виде достопримечательного места. Рекомендации касаются в первую очередь центров исторических поселений и фрагментов градостроительной планировки и застройки. Важным моментом в предлагаемой методике является рекомендация при определении предмета охраны проводить отдельное исследование, посвященное выявлению границ ментального (мыслительного) городского пространства, образа исторического города, исторического места.

К настоящему времени законодательно обеспечено и регулирование хозяйственной деятельности на территории ДМ: отдельная норма разрешает строительство объектов с целью воссоздания градостроительной среды и ограничивает новое строительство [3, ст. 5.1]. Для ДМ как для одного из видов объектов культурного наследия защитные зоны однозначно не устанавливаются; при этом вопрос об установлении зон охраны остается открытым [3, ст. 34]. Однако, учитывая, что и для ДМ, и для зоны охраны утверждаются требования к градостроительным регламентам, следует признать подобное двойное регулирование нецелесообразным.

Для получения представления о современной ситуации с применением статуса ДМ было рассмотрено крупное административно-управленческое образование – Приволжский федеральный округ. На территории округа, помимо Нижегородской области, располагается еще тринадцать субъектов Российской Федерации, в том числе, национальные республики. Это обеспечивает этнографическое, конфессиональное, историческое и природное многообразие культурного наследия. На территории округа расположено 493

достопримечательных места, согласно сведениям единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. Больше половины ДМ являются местами совершения религиозных обрядов (Священные рощи на территории Республики Марий Эл), около 100 ДМ отнесены к объектам археологического наследия и памятным местам, культурным и природным ландшафтам, по двадцать объектов определены как религиозно-исторические места и центры исторических поселений или фрагменты градостроительной планировки и застройки, и пять объектов отнесены к местам захоронения жертв массовых репрессий.

Одно из обязательных условий установления ДМ, цель его существования – это регулирование хозяйственной деятельности на территории, вошедшей в ДМ, и это регулирование должно максимально обеспечить сохранение предмета охраны, тех особенностей, которые служат основанием для выявления и выделения ДМ. Но на практике границы и предмет охраны для подавляющего числа ДМ не утверждены, а требования к градостроительным регламентам установлены не более, чем для 105 объектов.

Еще одним инструментом сохранения историко-архитектурной среды является историческое поселение (далее – историческое поселение, ИП). С одной стороны – это особый правовой статус части исторического города, с другой – многослойный и комплексный памятник архитектуры и градостроительства, крупный территориальный объект. Первым документом, определившим принципы существования и способы сохранения исторического города, стала Международная хартия по охране исторических городов ИКОМОС (Вашингтон, 1987 год). В отечественном законодательстве понятие исторического поселения также введено Федеральным законом № 73-ФЗ в 2002 году. Первоначально историческое поселение трактовалось в этом законе как городское или сельское поселение, в границах территории которого расположены объекты культурного наследия (хотя споры об определении состава исторических поселений, которые прежде называли историческими городами, имеют давнюю, более чем полувековую традицию) [4, с. 58]. На протяжении десяти лет в научном сообществе шло активное осмысление того, что есть историческое поселение, вырабатывались подходы и требования к порядку регулирования деятельности на территории таких образований. В результате, 2012 год стал переломным: благодаря внесенным изменениям в законодательство, появилась современная трактовка исторического поселения, которая позволяет признавать ИП часть населенного пункта, относит эти территории к ИП федерального или регионального значения, а также дает определение предмета охраны ИП [3, с. 59]. Данное в этом же году поручение Президента Российской Федерации способствовало появлению нормативных документов 2013-2016 годов о порядке определения границ территории исторических поселений и порядка включения населенных пунктов в границы территории ИП, о согласовании документов территориального планирования и градостроительного зонирования. Также была утверждена Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года, где механизмом сохранения исторических поселений является установление границ территории, в пределах которых утверждается предмет охраны этого поселения. В октябре 2017 года Министерством культуры РФ была утверждена «Концепция по развитию исторических поселений, поддержке и популяризации культурных и туристских возможностей, развитию экономики культурного наследия на период до 2030 года», которая определила необходимые показатели для отнесения населенных пунктов к историческим поселениям.

На территории четырнадцати субъектов Приволжского федерального округа расположено 41 историческое поселение, из которых четыре федерального значения, но ни для одного ИП не обеспечены все необходимые требования: границы территории утверждены для 22 ИП, как и предмет охраны; требования к градостроительным регламентам разработаны только для 19 поселений, а отражение информации об историческом поселении и установленных ограничениях в градостроительных документах выполнено в отношении одиннадцати поселений; перечень мероприятий по устойчивому

развитию территории, как и утвержденные типовые архитектурные решения объектов капитального строительства, разработаны только для трех ИП.

Статус исторического поселения без обоснованных границ, предмета охраны, приведения градостроительной документации в соответствие с требованиями об охране объектов культурного наследия, разработки типовых решений нового строительства на территории ИП и программы комплексного социально-экономического развития поселения с использованием его потенциала является формальным и не выполняет своей основной задачи – сохранения историко-архитектурной среды.

Статус исторического поселения наиболее близок по характеру такому типу ДМ как центр исторического поселения и фрагмент градостроительной планировки и застройки. У этих механизмов есть видимое сходство: в первую очередь – цель установления, которая заключается в сохранении историко-архитектурной и историко-градостроительной среды, во вторую – общие подходы регулирования деятельности через установление требований к градостроительным регламентам и режимам использования территории, элементы предмета охраны, обязательность отражать границы и ограничения в градостроительных документах. Однако, существуют и отличия. Например, ДМ является объектом культурного наследия, а законодательно данное определение ИП не наделяет его никаким статусом, что можно отнести к внешнему, формальному отличию. Более существенным является необходимость содержательной идеи, которая придает смысл ДМ и обосновывает необходимость выделения именно такой (а не иной) территории; для ИП обязательным является не только соответствие всем перечисленным в законодательстве характеристикам предмета охраны, но и обязательное наличие исторического центра, ядра, откуда поселение начало свое развитие – крепости, монастыря, того, что выполняло функцию административного центра, было местом пересечения людских потоков (и с течением времени сохранило эту роль, даже со сменой функции). И еще одним существенным отличием является многофункциональность ДМ, возможность его применения как в границах населенных мест, на историко-культурных территориях, так и вне поселений на природных территориях, в то время, как ИП может быть только исторический населенный пункт (город, село, поселок) или его часть.

Список литературы:

1. Гутнов, А. Э. Город как объект системного исследования / А. Э. Гутнов // Вопросы теории архитектуры (тезисы лекций для семинаров повышения квалификации архитекторов) : сборник статей. – Москва, 1976. – С. 101-114.
2. Шевченко, Э. А. Об исторических поселениях, недвижимых объектах наследия и градостроительных проблемах охраны наследия / Э. А. Шевченко. – Санкт-Петербург : ЗАО «Издательство «ЗОДЧИЙ», 2018. – 367 с. : ил. – ISBN 978-5-904560-30-0.
3. Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25 июня 2002 года № 73-ФЗ (последняя редакция) : [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/ (дата обращения: 02.02.2023).
4. Крогиус, В. Р. Исторический город – что это такое? / В. Р. Крогиус // Градостроительные проблемы охраны наследия: сборник материалов научно-практической конференции НИИТИАГ РААСН, июнь 2011 г. Вып. 1 / НИИТИАГ РААСН; сост., отв. ред. Э. А. Шевченко. – Санкт-Петербург, 2012. – С. 58-61.

Аббу Ахмед

Магистрант

ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет»,
Нижний Новгород, Россия

Научный руководитель: **Гельфонд Анна Лазаревна**
Доктор архитектуры, профессор

**INNOVATION IN THE ARCHITECTURE OF UNIVERSITY MEDICAL CENTERS
IN MOROCCO (USING THE EXAMPLE OF AL-QARAOUINE UNIVERSITY IN
FEZ)**

**НОВАТОРСТВО В АРХИТЕКТУРЕ УНИВЕРСИТЕТСКИХ
МЕДИЦИНСКИХ ЦЕНТРОВ В МАРОККО (НА ПРИМЕРЕ
УНИВЕРСИТЕТА АЛЬ-КАРАУИН В ФЕСЕ)**

Summary: This publication explores the remarkable intersection of medical innovation and architectural brilliance at Al Quaraouiyine University in Fes, Morocco. As the world's first university, Al Quaraouiyine continues to pioneer advances in medical education and healthcare facilities. This publication explores the unique architectural styles that define the university's medical centers, and shows how tradition and modernity harmonize to shape the future of healthcare in Fes.

Keywords: Al Quaraouiyine University, Medical Centers, Pioneering, Innovation, Architecture, Healthcare, Fes, Morocco.

Introduction: Nestled in the historic city of Fes, Morocco, Al Quaraouiyine University is the world's oldest educational institution, dating back to the 9th century. This venerable establishment has influenced scholarly pursuits throughout centuries and illustrated architectural resilience.

Al Quaraouiyine University Medical Center, an important component of this esteemed institution, embodies the blending of traditional and modern elements. This study examines the medical center's architectural intricacies and the correlation with contemporary design principles found in current university medical centers globally. By conducting an analysis of these similarities, we seek to elucidate the ongoing impact of Al Quaraouiyine's historical medical spaces on present-day healthcare facility design philosophies. This scholarly investigation aims to uncover the persistent and subtle connections between the architectural legacy of Al Quaraouiyine and the changing landscape of university medical centers, effectively linking the past and future. This scholarly investigation aims to uncover the persistent and subtle connections between the architectural legacy of Al Quaraouiyine and the changing landscape of university medical centers, effectively linking the past and future.

Аннотация: В этой публикации исследуется удивительное сочетание медицинских инноваций и архитектурного великолепия в Университете Аль-Карауин в Фесе, Марокко. Будучи первым в мире университетом, Аль-Карауин продолжает быть первым в области медицинского образования и медицинских учреждений. В этой публикации рассматриваются уникальные архитектурные стили, характеризующие университетские медицинские центры, а также показано, как традиции и современность гармонично сочетаются, формируя будущее здравоохранения в Фесе.

Ключевые слова: Университет Аль-Карауин, медицинские центры, новаторство, инновации, архитектура, здравоохранение, Фес, Марокко.

Введение: Университет Аль-Карауин, расположенный в историческом городе Фес, Марокко, является старейшим учебным заведением в мире, основанным в 9 веке. Это почтенное учреждение на протяжении веков влияло на научные исследования и показало архитектурную устойчивость.

Медицинский центр Университета Аль-Карауин, важный компонент этого значимого учреждения, воплощает в себе сочетание традиционных и современных элементов. В этом исследовании рассматриваются архитектурные тонкости медицинского центра и его корреляция с современными принципами дизайна, применяемыми в нынешних университетских медицинских центрах по всему миру. Проводя анализ этих сходств, автор стремится выявить влияние исторически располагавшихся медицинских помещений Аль-Карауина на современную философию проектирования медицинских учреждений. Целью научного исследования является раскрытие устойчивых связей между архитектурным наследием Аль-Карауина и меняющимся ландшафтом университетских медицинских центров, эффективно связывающих прошлое и будущее.

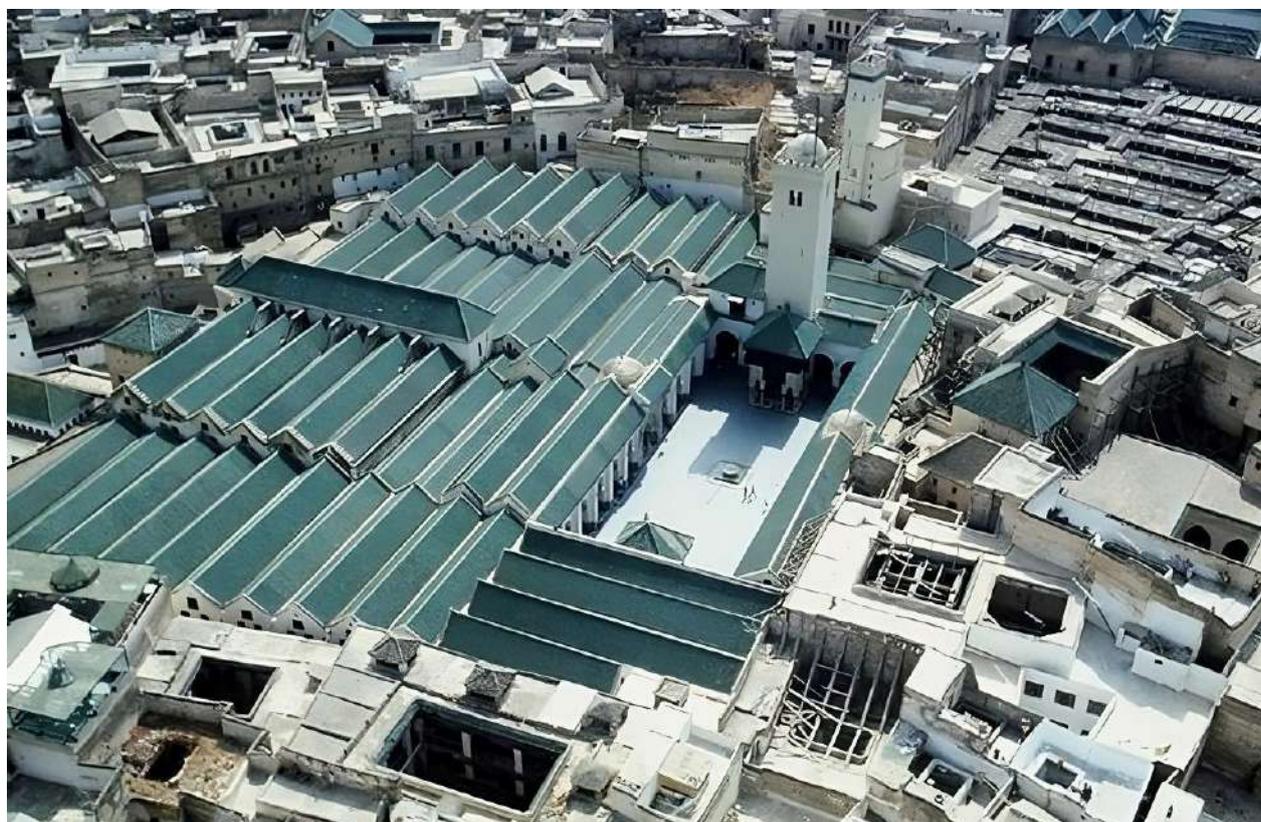
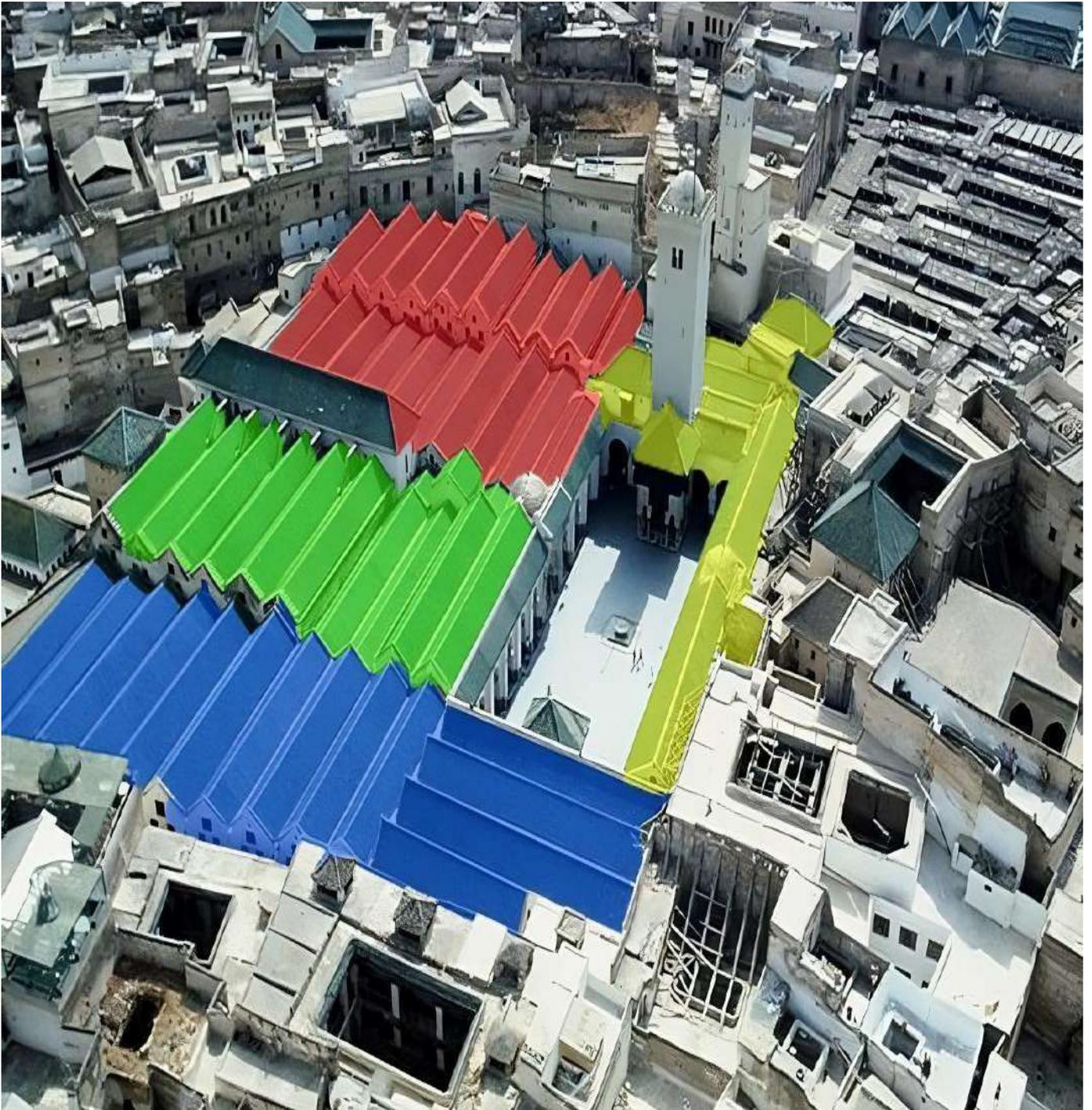

Figure 1-2: Aerial view of Al Quaraouiyine University, Fes

The aerial perspective of the university offers a clear depiction of its layout, characterized as follows:

- **In red**, we observe the mosque, serving as a congregational space for Muslims—a primitive social hub.
- **The green** areas denote a range of scientific laboratories and research rooms and they were used as a hospital to treat people.
- **Blue** regions represent classrooms and the library.
- **Yellow** sections signify the early administrative spaces where discussions on politics and Islamic matters took place during the university's formative period.

Воздушная перспектива университета дает четкое представление о его планировке, которая характеризуется следующим образом:

- **Красным** цветом показана мечеть, служащая местом собрания мусульман — социальным центром.
- **Зеленые** зоны обозначают ряд научных лабораторий и исследовательских помещений, которые использовались как больница для лечения людей.
- **Синие** секции представляют классы и библиотеку.
- **Желтые** секции обозначают ранние административные помещения, где в период становления университета проходили дискуссии по вопросам политики и ислама.

Now let's compare it to a modern day CHU (University Medical Center) :

Теперь давайте сравним его с современным CHU (Университетским медицинским центром):

Figure 3: CHU LAAYOUNE , Layoune Morocco

The plan perspective of the modern CHU offers a clear depiction of its layout, characterized as follows:

- **In red**, we observe instead of a mosque there is various social/sportive/recreational areas that replaced the old islamic centers but server the same purpose as social area.
- **The green** areas denote a range of scientific laboratories and research rooms.
- **Blue** regions represent classrooms and the library
- **Yellow** sections signify the administrative.
- **Magenta**: Main Hospital Corpus.

Плановая перспектива современного ЧСУ дает четкое представление о его планировке, характеризующейся следующим:

- **Красным** цветом показаны на месте мечети различные социальные/спортивные/развлекательные зоны, которые заменили старые исламские центры, но служат той же цели, что и социальная зона.
- **Зеленые** зоны обозначают ряд научных лабораторий и исследовательских комнат.
- **Синие** области представляют классы и библиотеку.
- **Желтые** разделы обозначают административные функции.
- **Пурпурный**: Главный больничный корпус.

The city planning maintains a coherent design and philosophy by situating the University Medical Center at the city center, which accordingly transforms it into the bustling core of town. This strategic location guarantees widespread accessibility for locals and integrates residing areas for the staff. Though this method has been broadly embraced worldwide, an alternate interpretation is beginning to surface. The conventional model faces scalability challenges in light of considerable demographic growth.

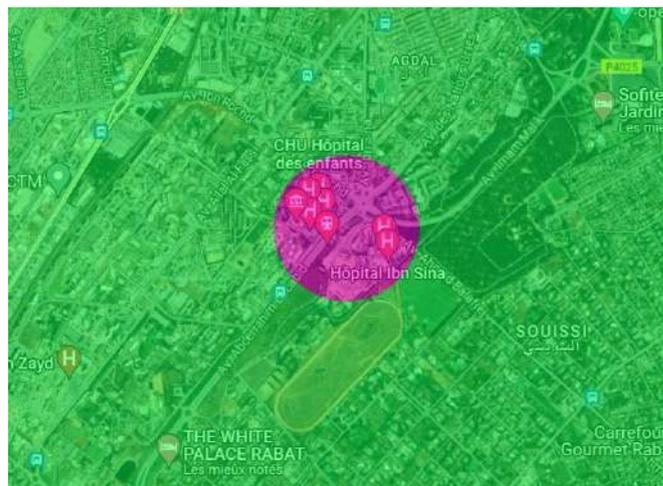
Городское планирование сохраняет целостный дизайн и философию благодаря расположению Университетского медицинского центра в центре города, что,

превращает его в оживленный центр города. Это стратегическое расположение гарантирует широкую доступность для местных жителей и объединяет жилые помещения для персонала. Хотя этот метод получил широкое распространение во всем мире, начинает появляться альтернативная интерпретация. Традиционная модель сталкивается с проблемами масштабируемости в свете значительного демографического роста.

Figure 4 : Urban View of Fes University

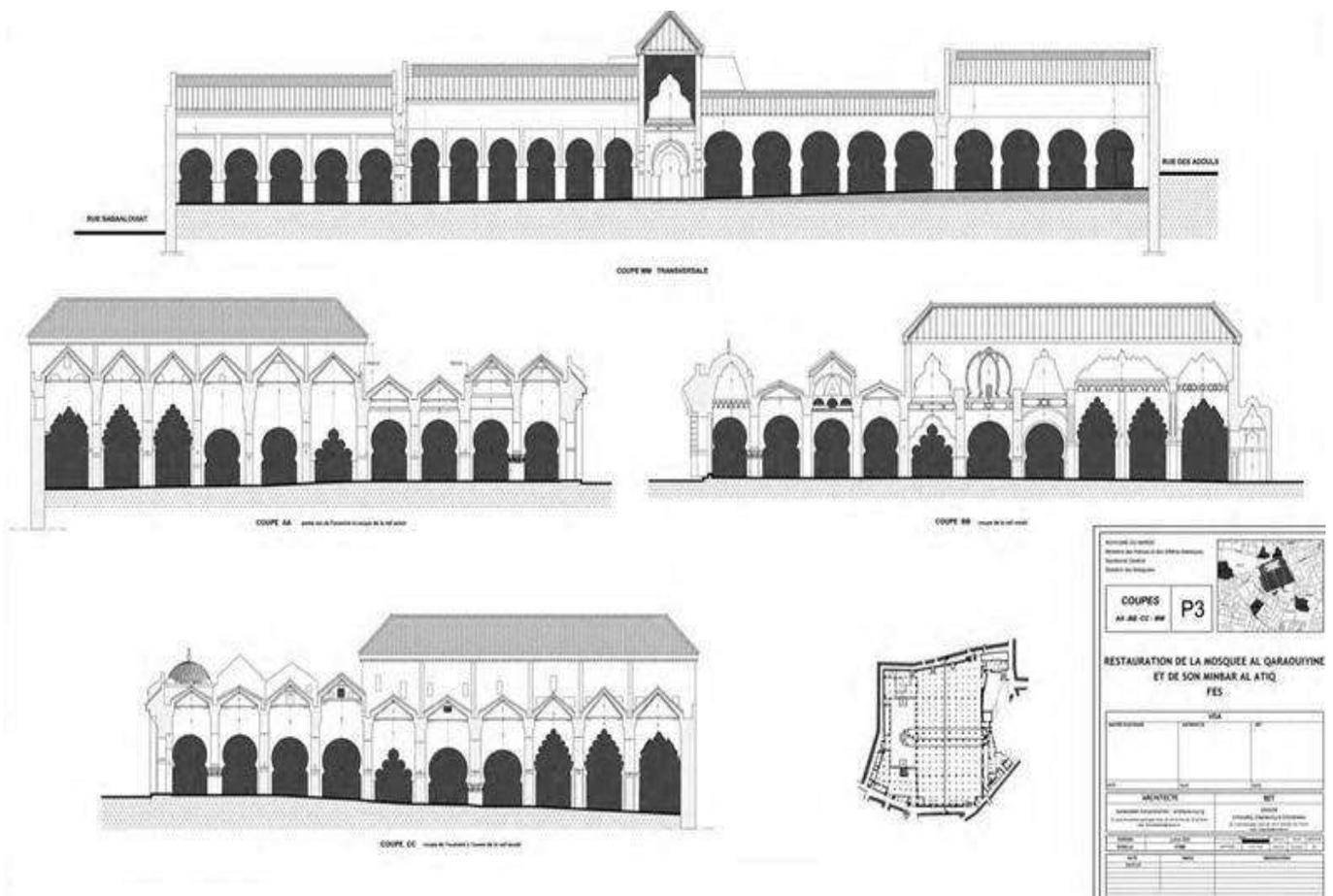
Figure 5 : Urban View of Rabat CHU

The interior composition and design decisions play a crucial role in Al-Qarawiyyin. A key innovation is the ventilation system, addressing the challenge posed by Fes' arid and warm climate. It became imperative to devise a solution that ensures optimal ventilation throughout all the structures, promoting the well-being of both patients and those working or studying within. Below is a sectional view of the university illustrating this aspect.

Композиция интерьера и дизайнерские решения играют решающую роль в Аль-Каравиине. Ключевой инновацией является система вентиляции, призванная решить проблему засушливого и теплого климата Феса. Стало крайне важно разработать решение, которое обеспечивало бы оптимальную вентиляцию во всех структурах, способствуя благополучию как пациентов, так и тех, кто работает или учится внутри. Ниже представлен вид университета в разрезе, иллюстрирующий этот аспект.

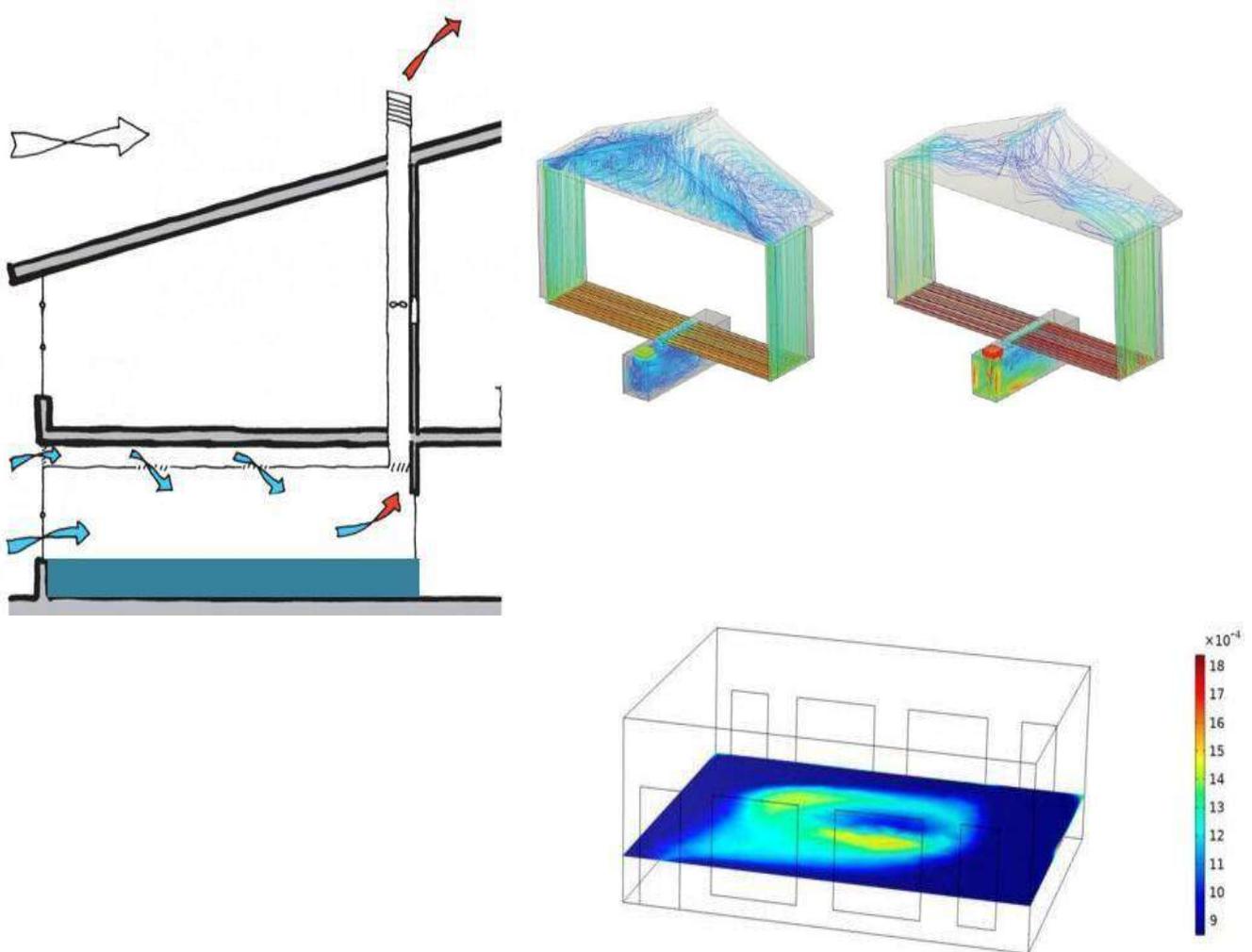
Figure 6 : Section plans of the University

Ventilation is achieved passively through the utilization of airflow and various aerodynamic design solutions. At the pinnacle of the university, the roof is inclined and slightly offset, creating openings that establish low-pressure zones, facilitating airflow. The internal sides remain open, fostering a vacuum effect that self-sustains the ventilation. Additionally, certain areas feature small water pools, contributing to air moisturization as the airflow traverses the building.

Вентиляция достигается пассивно за счет использования воздушного потока и различных аэродинамических конструктивных решений. На вершине университета крыша наклонена и слегка смещена, образуя отверстия, образующие зоны низкого давления и облегчающие поток воздуха. Внутренние стороны остаются открытыми, создавая эффект вакуума, который самостоятельно поддерживает вентиляцию. Кроме того, в некоторых помещениях имеются небольшие бассейны с водой, способствующие увлажнению воздуха, когда воздушный поток проходит через здание.

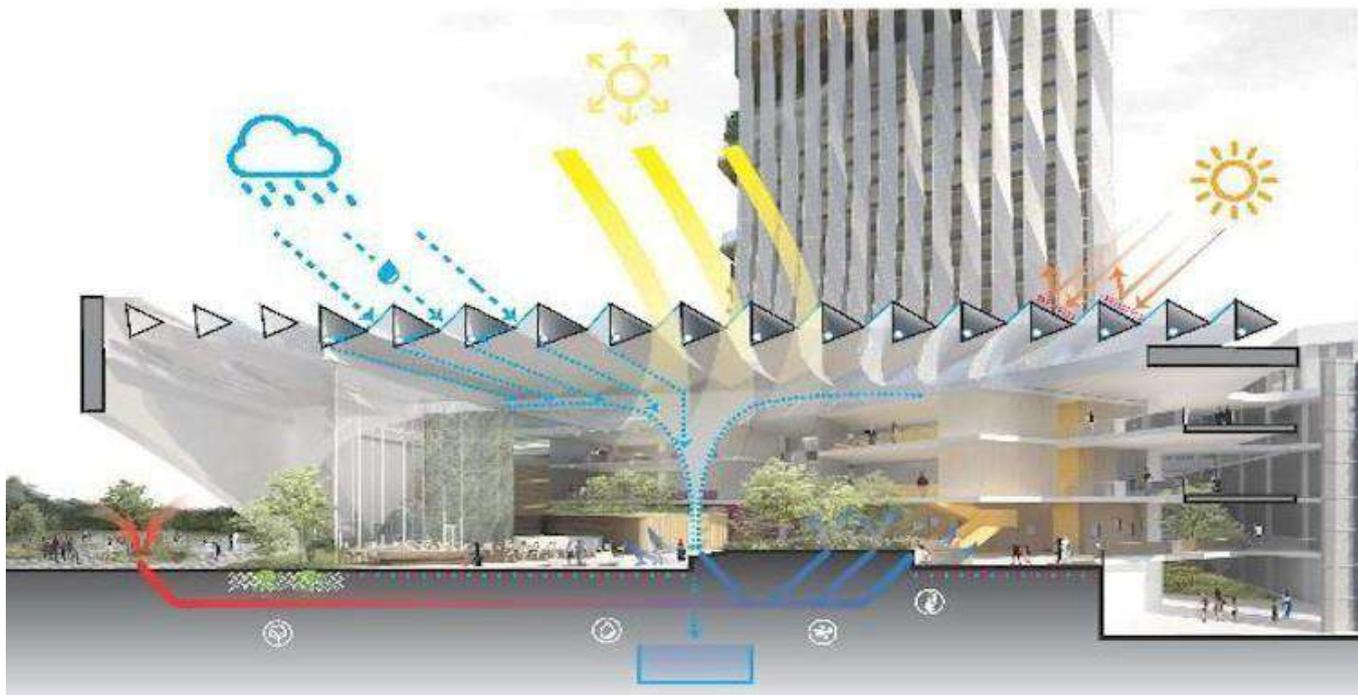
Figure 7 : Simulation and Illustration of ventilation

This passive approach has been employed in modern projects, such as the CHU Ibn Sina in Rabat, where the entire tower is cooled passively, relying on these same fundamental principles.

Этот пассивный подход использовался в современных проектах, таких как CHU Ibn Sina в Рабате, где вся башня охлаждается пассивно, основываясь на тех же фундаментальных принципах.

Figure 8: CHU IBN SINA Cooling system

References :

- 1 - Интернет- ресурс: Rehabilitation of Al Qaraouiye -
- 2- A.R. Kumar et al., A review on passive cooling practices in residential buildings, Int. J. Math. Sci. Eng. 3, 1–5 (2014)
- 3- H.K. Abdullah, S.M. Aboud, Reduction of heat transfer through walls in buildings by using insulation, Int. J. Comput. Appl. 141, 975-8887 (2016)
- 4- J.H. Waheba, Enhance the thermal performance of iraqi house using new passive systems in summer season, Int. J. Sci.: Basic Appl. Res. (2016), International Journals: Publishing Research Papers in all Fields (gssrr.org)
- 5- Интернет- ресурс: Nouveau CHU de Rabat, conçu par AIA Life Designers (chroniques-architecture.com)
- 6- Интернет- ресурс: Why Alqarawiyyeen – Alqarawiyyeen University

Международная научная конференция
«Архитектура зданий и сооружений в исторической
среде городов»

Вёрстка – А.А. Голодаева

Макет – А.А. Голодаева